

Максим Дубровин

СЫЩИКИ

Книга первая
КОРОЛЬ ВОРОВ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д79

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Дубровин, М.

Д79 Сыщики. Книга первая: Король воров / Максим Дубровин — М. : Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 256 с.

Вторая половина девятнадцатого века. В Атлантике найдена бригантина «Мария Селеста», экипаж которой бесследно исчез. И это далеко не единственная загадка странного корабля. Спустя шестнадцать лет молодой сыщик по прозвищу Пустельга пытается распутать следы этой давней трагедии. В поисках истины, ему предстоит схватиться с безумным Джеком Потрошителем и познакомиться с загадочными Хранителями, навестить таинственного Узника в Ньюгейтской тюрьме, спуститься в бездонные лондонские катакомбы и столкнуться с могущественным хозяином «ночного Лондона» — самим Королем Воров.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д79

ISBN 978-5-904454-70-8

© Рыков К., 2012
© Дубровин М., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

ПРОЛОГ

5 декабря 1872 года, Атлантика

Американский трехмачтовый барк «Деи Грация» шел на всех парусах. Три дня назад судно миновало Азорские острова и теперь уверенно скользило по волнам Атлантического океана к конечной точке своего путешествия — Гибралтару.

Холодный декабрьский ветер разогнал тучи, и короткий зимний день обещал быть ясным. Капитан Дэвид Рид Морхауз воспользовался этим и ровно в полдень вычислил координаты — 38 градусов и 19 минут северной широты и 13 градусов 37 минут западной долготы.

— Отлично, мистер Дево! — сказал он старшему штурману, сверившись с картой. — Через два дня будем в Гибралтаре.

Капитан Морхауз был в хорошем настроении. Судно опережало график на целые сутки, а в зимний сезон это дорого стоило. В прошлогоднем гибралтарском рейсе «Деи Грация» попала в шторм, и не обошлось без опоздания. Владелец груза наложил штраф в двадцать фунтов, который Морхаузу пришлось платить из своего кармана. А меньше всего на свете капитан Морхауз любил платить. Но на сей раз погода играла капитану на руку.

Морхауз стоял на полуюте, запахнувшись в теплую британскую шинель, и попыхивал трубкой. Дым уносило попутным ветром, и казалось, ничто не сможет поколебать спокойствие капитана. Крик рулевого застал его врасплох.

— Слева по борту парус!

Закусив покрепче мундштук, Морхауз достал из кожаного футляра подзорную трубу и поднес к глазам.

— Бригантина! — констатировал он. — Под американским флагом. Интересно, кто это может быть?

Капитан потер слезящиеся глаза. Три дня назад он потерял где-то на судне очки и теперь не мог долго напрягать зрение — глаза начинали нестерпимо болеть. Труба переключалась к старшему штурману.

— Посмотрите, мистер Дево, похоже, идет без фоков и верхнего фор-марселя.

Оливер Дево навел трубу на таинственное судно и долго рассматривал его, не спеша с комментариями. Затем, не отрывая глаза от трубы, сказал:

— Да, фок и фор-марсель как будто сорваны ветром. Грот-стаксель лежит на рубке. Корабль идет на одном кливере и фок-стакселе.

— Они там перепились, что ли?

— Похоже на то, кэп. Судно рыскает на курсе — или у руля пьяный, или там вообще никого нет. Общее направление норд-вест.

— Название видно?

— Пока не могу разобрать. Капитан... — Дево замаялся, не решаясь продолжать.

— Ну?! Говорите, не тяните! — Морхауз, приложив руку к козырьку, близоруко щурился вслед таинственной бригантины.

— На палубе не видно ни одного человека. Никто даже не пытается поставить паруса. Этот корабль... неуправляем.

— Святые угодники! — выругался Морхауз, в сердцах дернув себя за бороду. — Эй, там, в «гнезде», просигнальте: «Деи Грация». Нью-Йорк. Нуждаетесь ли в помощи?»

Капитан Морхауз был опытным моряком и неглупым человеком. Пока помощник пересказывал увиденное, а сигнальщик передавал сообщение, он просчитывал варианты.

С одной стороны, морской закон гласил, что прийти на помощь терпящему бедствие судну — святой долг каждого моряка.

А в том, что американская бригантина оказалась в беде, почти не было сомнений. С другой стороны, неизвестно, что за беда постигла экипаж и пассажиров бригантины. Серьезных штормов в этом районе Атлантики не было уже больше двух недель. Пираты? Маловероятно, они бы забрали судно или пустили его на дно, но не бросили дрейфовать по воле ветров. А если это ловушка, хитрая западня? Бригантина только выглядит обезлюдевшей, а на самом деле в трюме прячется свора головорезов в ожидании, когда какой-нибудь простак подойдет достаточно близко, чтобы стать добычей. Морхауз слышал о подобных случаях в карибских водах. Там это было возможно. Но не тут, вблизи Старого Света, на оживленной морской трассе, где всегда есть риск напороться на английский фрегат с перспективой быть вздернутым на рее.

Морхауз колебался. Смена курса и погоня за неуправляемой бригантиной неминуемо отсрочат прибытие в порт Гибралтара. И хотя в запасе есть сутки, рисковать не хотелось. Но если команда по какой-то причине оставила бригантину, а Морхауз вернет ее хозяевам или хотя бы в ближайший порт, то его ждет солидная премия. Упустить такой шанс было бы большой глупостью.

Жадность и благоразумие боролись в душе старого морского волка. Неизвестная бригантина постепенно удалялась, все больше забирая к западу. На сигналы с «Деи Грации» никто не ответил.

— Название так и не разобрали?

Дево помотал головой.

— Не видно, судно повернулось кормой.

Морхауз наконец решился.

— Рулевой! Смена курса! Следовать за бригантиной! — крикнул он, сложив ладони рупором.

Вторя капитану, слышался свист боцманской дудки. По палубе забежали матросы, переставляя паруса для смены галса. «Деи Грация» замедлила ход, разворачиваясь и ловя новый ветер.

Тем временем загадочная бригантина продолжала удаляться, скорбно качая голой грот-мачтой. Морхауз забрал трубу у штурмана и, несмотря на боль в глазах, пристально всматривался,

пытаясь опознать корабль. Черты его были смутно знакомы, капитан почти не сомневался, что не раз видел эту бригантину в порту Нью-Йорка и на рейде. Но сейчас он не узнавал ее — что-то мешало. То ли оборванные и брошенные как попало паруса, то ли резкие нервные движения неуправляемого корабля, а может быть, просто неудобный ракурс.

По мере того как «Деи Грация» догоняла неизвестную бригантину, в черствой, просоленной душе старого капитана нарастала непонятная ему самому тревога. Почему-то вспомнилась древняя морская легенда о «Летучем Голландце» и захотелось плюнуть на премию и отдать приказ следовать прежним курсом. Морхауз даже раскрыл рот, но в этот момент порыв ветра развернул бригантину правым бортом. Капитан вздернул трубу к глазам и наконец прочитал название.

— «Мария Селеста»! Дьявол меня заberi! Это же бригантина Бена Бриггса! Мы рядом с ними стояли в доках на погрузке. Отличное судно! Что же могло случиться?!

Морхауз даже топнул ногой от возбуждения. Оливер Дево, прикрыв от солнца глаза ладонью, тоже вглядывался в нагоняемый корабль.

— Они вроде бы вышли на неделю раньше нас, — припомнил он.

— Совершенно верно, и уже должны подходить к Генуе, а вместо этого болтаются здесь!

— А что они везут?

— Кажется, баррели со спиртом. Или коньяком.

Дево пожал плечами.

— Неужели действительно перепились?

— Э-э-э, нет! — с сомнением протянул Морхауз. — Я отлично знаю Бриггса — он сам не пьет, что тот пуританин, и держит команду вот тут. — Он потряс крепко сжатым кулаком.

Но Дево, любивший при случае выпить лишнюю чарку, не мог смириться с мыслью, что команда корабля, перевозящего в трюме сотни бочек со спиртом, не попробует до них добраться.

— Может быть, бунт? — предположил он.

— Вот это вы и выясните, мистер Дево. Возьмите двух крепких матросов, отправляйтесь на «Марию Селесту» и все там тщательно осмотрите. И прихватите судовой журнал, если найдете.

Оливер Дево не горел желанием возглавить вояж на странное судно, но перечить капитану в открытую он не рискнул.

— А вдруг у них там чума или какая-нибудь другая зараза и все померли? — сделал он робкую попытку сорвать экспедицию.

— Уж чумной-то выпел Бриггс вывесить успел бы. Готовьте шлюпку.

Когда корабли сблизилась до ста ярдов, шлюпку спустили на воду, и Дево с двумя палубными матросами отправились на бригантину.

Вблизи «Мария Селеста» казалась еще более покинутой и брошенной. Хлопали на ветру незакрепленные паруса, бренчали металлические снасти, болтались у самой воды переброшенные через борт концы. Осадка у бригантин оказалась низкой — судно погрузилось в воду заметно ниже ватерлинии. Еще неделя такого плаванья, и быть ему на дне.

По спине Оливера Дево пробежали мурашки. Хватаясь за мокрый пеньковый конец и карабкаясь на палубу, он чувствовал, что штурмует борт корабля-призрака. В тот момент, когда его рука коснулась перил фальшборта, старший штурман почти не сомневался, что ему предстоит обследовать легендарный корабль мертвецов.

Оказавшись на палубе, Оливер немного успокоился. Корабль был брошен, но принадлежал он этому свету. Привычно скрипели мачты, плескала в трюмах вода, внимательно смотрела на незваных гостей присевшая отдохнуть на нактоуз чайка. Но все же что-то было не так. Матросы Роджерс и Текнер — оба парни не робкого десятка, стояли рядом с Дево притихшие и настороженные.

Дево внимательно оглядел палубу. Не было видно ни следов борьбы, ни пятен крови. Лишь на перилах правого фальшборта

обнаружились странные зарубки, словно кто-то задумал перерубить их, да бросил, едва начав. Неуправляемый штурвал вертелся сам по себе, креня судно из стороны в сторону. Нактоуз, на котором примостилась заплутавшая в океане чайка, оказался поврежден, как будто кто-то пытался сокрушить его ударами чем-то тяжелым. Хронометра и сектанта в нем не обнаружилось, а компас был вдребезги разбит.

— Мистер Дево, поглядите-ка сюда! — окликнул его Роджерс, исследовавший носовую часть корабля.

Старший штурман подошел к нему. Роджерс стоял на коленях перед отверстием люка носового трюма. Створок люка видно не было, а петли и замок оказались сорваны, выворочены изнутри. Дево опасливо заглянул в сумрак трюма. Внизу, на две трети затопленные, рядами стояли бочки. Ощутимо пахло спиртом. Капитан Морхауз был прав: «Мария Селеста» перевозила алкоголь. Вскоре выяснилось, что кормовой трюм тоже открыт, а люк с него сорван. Полузатопленные бочки выглядели нетронутыми.

Но больше всего Дево поразила кормовая надстройка. Окна в ней оказались плотно затянуты брезентом и поверх него заколочены досками. Дверь, впрочем, заперта не была. Приглядевшись, Оливер заметил, что она едва держится на одной петле, а замок валяется рядом. Дверь, как и люки, была выбита изнутри. Кто же рвался оттуда? Кого капитан Бриггс пытался удерживать внутри?

Скрывая от спутников напавшую на него дрожь, штурман послал их обследовать камбуз и кубрик, а сам отправился на поиски капитанской каюты. Она оказалась перестроена под жилье для целого семейства. Похоже, капитан Бриггс прихватил в плаванье жену и ребенка. Об этом свидетельствовали разбросанные по полу детские игрушки и швейная машинка с откинутой полкой и брошенным шитьем. На краю машинки стоял пузырек с машинным маслом.

В каюте пахло сыростью и плесенью. Лежащие на капитанском столе книги разбухли от влаги. Остатки каши в деревянной

тарелке подернулись зеленым налетом. Дево поискал карты, но не нашел их, зато обнаружил судовой журнал. Его страницы, как и всё в каюте, промокли, а чернила расплылись, но некоторые записи еще можно было прочесть. Последняя разборчивая запись была сделана около десяти дней назад — 24 ноября. Старший штурман подошел к окну и прочел:

«24 ноября 1872 года. 36 градусов 57 минут северной широты и 27 градусов 20 минут западной долготы. Подплываем к Азорским островам. Делаем десять узлов. Остановку не планирую, пройдем южнее...»

Дальше было не разобрать. Дево осторожно закрыл журнал и спрятал в наплечную сумку. Затем он попытался открыть ящик капитанского стола, но тот оказался заперт. Недолго думая, старший штурман вставил в щель ящика нож и сломал замок. Внутри он нашел кисет с первоклассным сухим табаком, дорогую вишневую трубку, пачку американских долларов и горсть женских украшений. Табак Оливер после недолгих колебаний сунул в карман, решив, что это будет его маленькой наградой за минуты пережитого страха. Остальное отправил в сумку к журналу Бриггса. Больше здесь делать было нечего, и Дево решил исследовать каюту помощника капитана, расположенную рядом. Распахнув прикрытую дверь, старший штурман вошел внутрь и остолбенел.

Комнатка оказалась маленькой и скупо обставленной. Крошечный стол с табуретом, рундук и узкая откидная койка. На койке, завернувшись в матросский бушлат, сидел белобрысый мальчонка лет шести. Взгляд у него был внимательный и настороженный. В худой ладошке мальчик сжимал надгрызенный сухарь.

За те полчаса, что Оливер Дево обследовал «Марию Селесту», он успел настолько свыкнуться с отсутствием на ней людей, что теперь, встретив живую душу, растерялся. Какое-то время пришелец и «хозяин» каюты смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Мальчик не шевелился, казалось, даже не дышал, но стоило Дево сделать шаг в его сторону, как он забился в дальний угол

койки и в страхе зажмурил глаза. Дево остановился. Ему самому было не по себе от этой встречи.

Прошла минута. Мальчишка приоткрыл один глаз. Дево приблизился еще на шаг и застыл. Он опять подумал о чуме.

— Ты не заразный? — опасливо спросил он и тут же понял, как глупо это прозвучало.

Найденыш молчал. Он не выглядел больным, и даже слишком изможденным назвать его было нельзя. Обыкновенный худой испуганный мальчишка. Несколько дней провел один в открытом море на полузатопленном корабле. Испугаешься тут.

Дево отбросил собственные страхи и начал разговор заново:

— Ты сын капитана Бриггса?

Мальчик помотал головой и быстро откусил от сухаря. Старший штурман вспомнил игрушки из соседней каюты — тряпичных кукол в розовых нарядах и понял, что принадлежать они могли только девочке. Может быть, детей было двое?

— Как тебя зовут?

— Рик, — ответил мальчик и снова вгрызся в сухарь.

Он явно не был расположен к многословным беседам.

Дево осенило. Он достал судовой журнал и быстро нашел список команды и пассажиров. Тот был невелик. Кроме капитана Бриггса и двух его помощников к бригантине были приписаны четверо матросов и кок. Пассажиров оказалось всего двое. Как и предполагал Дево, это были жена капитана Сара и их двухлетняя дочь София.

Мальчишка по имени Рик в списке не значился. Может, Бриггс взял его на борт на острове Санта-Мария? Но тогда об этом должна быть запись в журнале. Дево вернул журнал в сумку. Пускай разбирается капитан Морхауз, решил он.

— Слезай, — бросил он Рикю. — Пойдешь со мной.

Мальчик не сдвинулся с места, только подобрал под себя ноги. Никуда идти он не собирался. Дево ожидал подобной реакции и не стал церемониться с загадочным пацаном — решительно шагнул к нему и протянул руку. Резким, звериным движением

мальчик дернулся навстречу, цапнул моряка за палец и отпрянул в свой угол.

Старший штурман плюнул и грязно выругался.

— Как хочешь, — сказал он, потирая укушенное место. — Мы отчаливаем, а твое корыто затонет через два дня. Счастливого оставаться.

Он демонстративно развернулся на каблуках и вышел из каюты. На палубе его уже поджидали Роджерс и Текнер.

— Кого-нибудь нашли, парни?

— Никак нет, мистер Дево, — ответил за обоих Текнер. — Людей нет, ни живых, ни мертвых. Но нет и обеих шлюпок. Небось, на них и уплыли.

Дево вспомнил о деньгах, драгоценностях и судовом журнале.

— Наверное... — протянул он с сомнением. — А припасы?

— Кладовые на камбузе забиты жратвой, если что и взяли, то немного.

— Ясно. Повреждения судна?..

— Нет, все вроде цело. Снасти, такелаж. Все паруса, кроме фока и фор-марселя, на месте. В кубрике порядок — койки заправлены, на столе тарелки с едой. Только вот, тут такое дело... — Текнер запнулся и оглянулся на Роджерса. — Бушлаты мы нашли. И трубки. Плохо это, мистер Дево.

Роджерс закивал, насупив брови. Ни один моряк в здравом уме, покидая судно, не оставит свою любимую трубочку и верный бушлат. А значит, произошло что-то действительно ужасное и необъяснимое.

— Хорошего мало, — согласился Дево. — Но что бы здесь ни стряслось, теперь бояться нечего. Я нашел пассажира. Это мальчишка, совсем малец. Если уж с ним ничего не случилось, то с нами и подавно все будет в порядке.

Матросы вытаращились на Дево так, как будто он сообщил, что нашел ни много ни мало — самого генерал-губернатора острова Маврикий.

— А где же он? — спросил Роджерс.

— Должно быть, крадется за мной, я его напугал — сказал, что мы бросаем судно.

— А ежели он не пойдет за нами?

— Так и черт с ним! Только ловить его я не буду — больно грызливый. — Дево продемонстрировал матросам укушенный палец. — Может, вы хотите?

Матросы пожали плечами. Ловить кусачего мальчишку им не хотелось. Хотелось им другого. Они снова переглянулись.

— Мистер Дево... — Роджерс заискивающе улыбнулся, глаза его забегали. — Страху мы на этой посудине натерпелись, будто на погост наведались...

— Вот и поплыли назад, на «Гранию»! — перебил его Дево.

— Это конечно... Это правильно... Только вот, хорошо бы, значится...

— Ну, говори!

Роджерс решил.

— Бочек там, в трюмах, — тьма. Пропадает добро. Можно было бы, значится, одну бочечку с собою прихватить... Раз такое дело.

И Роджерс, и Текнер знали не хуже Дево, как капитан Морхауз отнесется к подобному мародерству, но мысль о том, что столько добра придется оставить, даже не попробовав, была для них непереносима. Дево пришлось разочаровать их.

— Если мы что-нибудь себе присвоим, капитан бросит нас за борт, даже не дослушав объяснений. Так что, ребята, спрашивайте у него. Грузитесь в шлюпку.

Понурившись, матросы перелезли через борт и спустились вниз. Дево не сомневался, что они пошарили в матросских рундучках и прикарманили себе кое-что из принадлежавших команде вещей, но благоразумно закрыл на это глаза. Он последний раз оглянулся на трап, ведущий вниз, к каютам. Мальчишка стоял на верхней ступеньке и настороженно смотрел на старшего штурмана. Дево ухмыльнулся, взялся за трос и полез вниз. Когда он уже был в шлюпке, над бортом показалась белобрысая голова.

— Образумился, сатаненыш! — осклабился Текнер, тыча в мальчика грязным пальцем.

Дево махнул рукой, приглашая найденыша спускаться. Рик по-мартышечьи ловко скользнул вниз и уселся на носу шлюпки, поодаль от остальных.

— Отчаливай, — скомандовал Дево.

Капитан Морхауз с нетерпением ждал возвращения экспедиции. Когда разведчики взобрались на борт, он сразу уединился с Дево в своей каюте. Рика они взяли с собой. Тот уже не шарахался от людей и не кусался. Наоборот, покинув «Марию Селесту», он быстро пришел в себя. На лице появилась робкая улыбка, и мальчишка позволил старому капитану взять себя за руку.

Выслушав отчет помощника, Морхауз с довольным видом потер руки. За то время, пока посланные им люди обследовали бригантину, капитан успел свыкнуться с мыслью, что его ждет хорошая премия за ее находку. Судно было абсолютно целым, и груз остался невредим. Можно будет получить куш и с хозяина «Марии Селесты», и с купца, которому принадлежали баррели со спиртом.

— И все-таки, мистер Дево, может быть, они попали в шторм и внезапной волной команду смыло за борт?

— Нет, капитан. — Дево решительно покачал головой. — «Мария Селеста» не была в шторме. На палубе уйма незакрепленных предметов — их бы смыло первой же волной. Текнер видел в кубрике на столе тарелки с едой — при штормовой качке их бы точно скинуло на пол. А в каюте капитана на полке швейной машинки я нашел масленку. Понимаете, маленькая масленка с плоским донышком. Качнись корабль посильнее — и она бы точно упала.

— Все верно, — задумчиво сказал капитан. — Ну да ладно, искать причины этой трагедии — не наша забота, — пускай в Адмиралтействе разбираются. Мы приведем «Марию Селесту» в Гибралтар, мистер Дево. Вы давно хотели себя попробовать

в роли капитана, что ж, вам представится такая возможность. Я поручаю вам привести судно в порядок, а потом возглавить его до прибытия в порт.

Оливер Дево не ожидал такого поворота событий. Перспектива возвращения на покинутый людьми корабль пришлась ему не по душе.

— Капитан, это вовсе не обязательно. Любой другой вполне мог бы... Идти в кильватере такого блистательного морехода, как вы...

— Мистер Дево! — перебил его Морхауз. — За возвращение бригантины и груза владельцам я рассчитываю получить от полутора до двух тысяч фунтов приза. И от того, насколько точно и беспрекословно вы будете выполнять мои приказы, в известной мере зависит и то, как я полученной суммой распоряжусь. Если вы понимаете, о чем я говорю.

Мистер Дево, безусловно, прекрасно все понимал, поэтому дальше перечить не посмел.

— Теперь давайте разберемся с ребенком, — сменил тему капитан.

На протяжении всей беседы Рик не издал ни звука. Он сидел на табурете рядом с капитанской койкой и прислушивался к беседе взрослых.

Капитан пристально всмотрелся в него.

— У Бриггса есть сын, примерно таких лет.

— Это не он, сэр.

— Не он... Не он... — повторил задумчиво Морхауз. — Дайте-ка журнал, мистер Дево.

Морхауз внимательно изучил все записи, касающиеся последнего рейса «Марии Селесты», но так и не нашел ни единого упоминания о Рике. Зная дотошность Бенджамина Бриггса, он не мог поверить, что капитан забыл или не захотел внести в список кого-то из пассажиров. Может быть, кто-то из команды тайком провел ребенка на борт и укрывал его от капитана и остальных? Но на судне трудно спрятать человека, а Бриггс

был суровым и тяжелым на руку капитаном и держал команду в узде. Нет, решиться перевозить «зайца» никто из его подчиненных не мог. Значит, сведения о появлении мальчишки на борту бригантины могли быть только на размытых страницах, а разобрат там хоть что-нибудь было решительно невозможно.

Сам Рик тоже не смог пролить свет на свое появление на «Марии Селесте». Держался он на удивление спокойно, но, как выяснилось, забыл почти все, что должен знать шестилетний ребенок. Он не знал, как и когда появился на корабле, не знал, кто его родители, откуда он родом, и не помнил свою фамилию. Он не помнил также, что произошло с капитаном и командой. При этом прекрасно понимал английский и на нем же давал свои скупые ответы.

Морхауз списал потерю памяти на пережитый шок. Прекратив расспросы, капитан «Деи Грации» задумался. Чем дольше он размышлял о мальчишке, тем большей проблемой тот представлялся.

Наконец, капитан принял решение.

— Мистер Дево, мы не знаем, что случилось с командой бригантины. Боюсь, эта загадка может оказаться не по зубам и чиновникам ее величества. А найденный вами ребенок еще более усложняет дело. Расследование трагедии может затянуться на неопределенный срок, а до тех пор, пока оно не завершится, премии нам не видать. На это могут уйти годы. Так что я вижу только один выход... — Морхауз взглянул на молчащего Рика, а потом посмотрел прямо в глаза помощнику: — Никакого ребенка вы на «Марии Селесте» не находили.

Оливер Дево в ужасе уставился на капитана.

— Мы что же... избавимся от него?

Теперь настала очередь Морхауза удивляться.

— Вы спятили?! Откуда эти кровожадные мысли? Мы просто не скажем о нем в Гибралтаре и тайно доставим в Англию. А там уже попробуем разыскать его родных... Ты же хочешь найти маму и папу, сынок? — обратился он к мальчику.

Рик кивнул и всхлипнул. При упоминании о родителях в его глазах появились слезы, и только теперь капитан обратил внимание на странное обстоятельство — глаза у мальчишки были разного цвета. Один зеленый, а другой — голубой.

— Вот и отлично! Мы обязательно их разыщем. Уж ты поверь! Не будь я Дэвид Рид Морхауз! Я все что угодно найду, дай только срок. Однажды я потерял собственные очки и проискал их целый час. А нашел, знаешь, где? На собственном лбу! Можешь себе это представить?! — Капитан расхохотался, схватившись за живот.

Впрочем, веселье его длилось недолго. Он вытер проступившие слезы и сказал:

— Правда, я их опять куда-то задевал, ну да ничего, разыщем. Ну что, по рукам?

Мальчик слез с табурета, приблизился к капитану и серьезно, по-взрослому, протянул правую руку. Морхауз опешил. Он взял ладошку в свою грубую ладонь и несильно сжал ее. А в следующий миг произошло странное. Мальчик что-то крепко стиснул в левом кулачке и закрыл глаза. Морхауз почувствовал, что Рик задрожал. Длилось это недолго, буквально несколько секунд. Затем найденыш открыл глаза, освободил руку из ладони капитана и подошел к огромному сундуку в углу каюты. Несколько секунд он пытался вслепую нащарить что-то в узкой щели между задней стенкой сундука и переборкой. Наконец, запустив руку по самое плечо, он нащупал то, что искал, и достал находку на свет божий. Изумлению Морхауза не было предела — в руке у мальчишки были его очки. Он ошарашенно посмотрел на Дево, потом снова на мальчишку.

— Как ты это сделал?

— Не знаю, — ответил мальчик. — Вы попросили найти ваши очки, мистер, вот я и нашел.

Глаза его вернули свой прежний цвет. Капитан уже не был уверен, менялся ли он на самом деле.

— А что там у тебя в кулаке?

Рик спрятал руку за спину и помотал головой.

— Это мое! — только и ответил он.

— Давай сюда, я просто посмотрю.

— Нет! — выкрикнул мальчик и метнулся к двери.

Но сбежать он не успел. Не вставая со стула, Морхауз наклонился и ловко схватил его за ногу. Рик с плачем грохнулся на пол, но кулачка не разжал. Капитан подтянул ребенка к себе и, не обращая внимания на сопротивление и отчаянные укусы, вырвал у него из руки маленькую вещицу.

Это оказалась миниатюрная, меньше трех дюймов, металлическая фигурка птицы. Морхаузу пришлось надеть свежесобранные очки, чтобы разглядеть ее получше. Птица была хищная, с маленьким загнутым клювом, крылья аккуратно сложены, головка слегка повернута вправо. Несмотря на мелкие размеры, статуэтка была выполнена с величайшим мастерством и ювелирным вниманием к деталям — при желании можно было разглядеть каждый коготок. Птица пристальным, не птичьим взглядом словно бы куда-то всматривалась, что-то искала.

— Гляди-ка, какая красота! — воскликнул Морхауз, вытянув птицу на ладони перед собой. — Кажется, это сокол, мистер Дево?

Мальчишка попытался схватить свое добро, но капитан ловко отдернул руку и передал предмет помощнику. Дево, выросший на ферме, внимательно рассмотрел фигурку.

— Да, это сокол, вероятнее всего — пустельга.

— Это моя пустельга! — выкрикнул мальчик. — Отдайте!

— Не шуми, — прикрикнул Морхауз. — Мы ведь тебя спасли? А за это награда полагается, а то тебе удачи не будет. Так что, брат, извини — морской закон.

Похоже, Рiku плевать было на удачу и морские законы. Он хотел получить назад свою пустельгу, поэтому разревелся еще пуще. Капитан скривился.

— Мистер Дево, сведите пассажира на камбуз. Пускай кок его как следует накормит... и даст маленько грогу. Надо мальчугану выпасться, а то совсем расклеился.

Дево поднялся и двинулся было к двери, но капитан остановил его.

— Оливер, — он называл помощника по имени, только когда хотел подчеркнуть важность своих слов, — это может оказаться весьма прибыльным дельцем. И важно, чтобы никто из команды не проговорился на дознании по поводу ребенка. Иначе не видать нам премии в ближайшие годы. Ни деньгами, ни угрозами мы не сможем гарантировать их молчание. Тут надо придумать что-то такое... надежное.

И Оливер Дево, обычно не отличавшийся ни быстротой мышления, ни чрезмерной инициативностью, на сей раз нашелся как никогда быстро.

— Капитан, за команду можете не волноваться. Эту проблему я беру на себя.

— Отлично, а я займусь бортовым журналом.

2 апреля 1873 года, Лондон

По скользким от утреннего тумана булыжникам Блэкфрайрсроуд шел, легко опираясь на массивную трость с позолоченным набалдашником, богато одетый господин. Вид джентльмен имел внушительный и уверенный, борода его была тщательно расчесана, а новый цилиндр блестел черной шелковой лентой. Тяжелый взгляд, который господин изредка бросал по сторонам, изучая номера домов, выдавал в нем человека, привыкшего не просто отдавать приказы, но и рассчитывать на их выполнение. Внимательный наблюдатель по походке вразвалочку смог бы без труда угадать в солидном господине моряка, но, конечно, не пьянчужку матроса и даже не ворчуна боцмана, а самого настоящего капитана.

Джентльмен вел за руку мальчика. Ребенок был одет бедно и, в отличие от господина, не слишком опрятно. Было очевидно, что любящие руки матери давным-давно не касались его нечесаных светлых волос. Без сомнения, мальчик не был сыном богатого

господина, ибо никакой приличный джентльмен не позволит своему отпрыску появиться на людях в столь неподобающем виде.

Приблизившись к трехэтажному зданию, серому от оседавшего годами смога, богатый господин постучал чугунным молотком в дверь и уставился в закрытое окошко на ней. Мальчик стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу, и время от времени тяжело вздыхал. Он разглядывал носки своих сбитых ботинок, по-видимому, находя это зрелище чрезвычайно увлекательным.

Наконец за дверью послышалось негромкое ворчание, звякнул крючок, и окошко открылось, выпустив на улицу длинный нос с крошечной щеточкой усов. Нос сделал несколько громких звуков, как будто пытался узнать гостя по запаху. Это ему, по всей видимости, удалось. Не успел джентльмен с тростью представиться, как щелкнула щеколда и дверь распахнулась. Нос выскочил на улицу, а следом за ним объявился и его хозяин — щедушный, сутулый человечек, затянутый в узкое черное платье.

— Приветствую в нашей скромной обители прославленного морехода! — вскричал человечек, задрав свой выдающийся нос в самое небо, будто салютуя гостю.

Джентльмен, несколько опешивший от такого торжественного приветствия, отступил на шаг. Впрочем, представительности он при этом не потерял и в себя пришел довольно быстро.

— Мистер Калпепер, полагаю, управляющий приюта?

— Он самый. Ваш покорный слуга.

— Как я понимаю, вы получили мое письмо?

— Конечно, дорогой сэръ! Позвольте проводить вас в гостиную. Воспитанники с нетерпением ждут вашего визита. Им не терпится послушать истории о морских путешествиях, которых вы, без сомнения, можете поведать несметное множество... — мистер Калпепер схватил гостя за рукав, и капитан Морхауз — а это был, конечно, он — вошел в крошечную прихожую, пропустив вперед Рика.

Внутри приют оказался таким же убогим, как и снаружи. Полы были выстелены сосновой доской, давным-давно не крашеной

и лишь у самой двери прикрытой истертым половиком неясного цвета. Стены гостиной оказались оклеены серыми бумажными обоями, кое-где расписанными бледно-зеленым узором в виде выщегося плюща. Мебель была самая скудная: старый продавленный диван, раскладной стол, за которым, очевидно, собирались на обед воспитанники заведения, десяток стульев, одно мягкое кресло и древний пустой буфет без единой дверцы. Все это скупое убранство Морхауз окинул единственным холодным взглядом, после чего, не дожидаясь приглашения, занял кресло. Руку маленького спутника он наконец отпустил, и Рик занял один из стульев.

— Мальчик! — строго сказал носатый мистер Калпепер. — Приличный молодой человек не может садиться, пока стоит хоть один из старших.

Рик испуганно вскочил. Морхауз досадливо посмотрел на Калпепера, но смолчал. Управляющий, удовлетворенный реакцией мальчика, позволил ему сесть и вновь обратил все свое внимание на капитана.

— Итак, дражайший мистер Морхауз, я чрезвычайно польщен той честью, которую вы оказали нам, доверив воспитание вашего... — он сделал едва заметную паузу, подыскивая нужное слово, — ... протеже. И конечно, наши воспитанники бесконечно благодарны вам за неоценимую финансовую помощь, оказанную вами этому скромному приюту.

Морхауз несколько смутился.

— Помощь моя не столь уж и существенна. Всего пятьдесят фунтов.

— Уверяю вас, для заведения, существующего на пожертвования, это внушительная сумма.

Капитан Морхауз кивнул, возвращая лицу надменную холодность.

— В письме я в общих чертах изложил обстоятельства, приведшие нас сюда. Но позволю себе остановиться на некоторых частностях.

При этих словах нос мистера Калпепера вытянулся, едва не ткнувшись в лицо старого капитана, что должно было символизировать живейшее внимание. У дверей гостиной, ведущей к лестнице на второй этаж, послышалась тихая возня, несколько любопытных детских мордашек появились в проеме и тут же спрятались. Капитан продолжил:

— Как я вам писал, мальчик не помнит ничего из прошлой жизни и смог назвать лишь свое имя — Рик. Я взял на себя смелость присовокупить к нему фамилию Дрейтон. Он появился на моем корабле в Гибралтаре при весьма прискорбных обстоятельствах. Вы, вероятно, читали в газетах, что несколько месяцев назад в Атлантике мной была найдена покинутая командой бригантина «Мария Селеста».

Мистер Калпепер энергично закивал, показывая взглядом, как он восторгается поступком капитана.

— Моя команда привела в порядок брошенное судно, и мы привели его в Гибралтар, — продолжил Морхауз. — К сожалению, моряки — не самый добродетельный народ. Они нашли на «Марии Селесте» нетронутый груз спирта и, представьте себе, втайне от меня перенесли девять бочек на наш корабль. Пока мы были в море, они еще держались, но едва корабли причалили, вся команда, за исключением моего первого помощника, перепилась самым свинским образом. Дошло, представьте, до того, что они не могли связать и двух слов на дознании, когда адмиралтейские чины выясняли обстоятельства нашей находки. Пришлось нам с мистером Дево — это мой славный помощник — отдуваться за всех.

Восторженные кивки управляющего временно приобрели сочувствующий оттенок.

— Так вот, пока вся команда, включая дежурную вахту, валялась пьяная, а мы с помощником обивали чиновничьи пороги, этот малец и пробрался на корабль. Я нашел его в трюме после отплытия из Гибралтара, грязного и голодного, и по морскому закону принял ответственность за его судьбу. Я попытался

разыскать его родных, потратив изрядную долю вознаграждения за «Марию Селесту», но так и не добился успеха. К сожалению, как человек одинокий и к тому же ведущий жизнь вечно-го скитальца, я не могу заменить ему родителей. Но надеюсь, уютные стены вашего богоугодного заведения справятся с этой задачей.

Выражение лица мистера Калпепера красноречиво говорило о том, что решению именно этой и никакой иной задачи он посвятит остаток своих дней.

— Помимо скромного пожертвования приюту, — проговорил Морхауз после паузы, — я оставил в банке на имя Ричарда Дрейтона еще пятьдесят фунтов. К сроку его совершеннолетия сумма должна существенно вырасти. Это станет подспорьем юноше в начале взрослой жизни. Разумеется, вам, как опекуну, будет предоставлена возможность в случае острой необходимости воспользоваться частью этой суммы во благо мальчика.

При этих словах глаза мистера Калпепера сверкнули, чего капитан предпочел не заметить. Сказав все, что собирался сказать, старый моряк не без труда выбрался из глубокого кресла — тут ему наконец пригодилась недавно купленная трость — и подошел к Рикку.

На протяжении всей беседы мальчик безучастно смотрел в запыленное окно, по-видимому, смирившись с предстоящей участью. Теперь капитан взял его за подбородок и повернул лицом к себе. Рик поднял глаза на капитана и твердо встретил его взгляд.

Мистер Калпепер был слишком занят мыслями о том, как лучше обустроить скромный быт нового воспитанника, и не заметил этого странного обмена взглядами. А если и заметил, то не придал ему значения.

На лестнице опять завозились и зашептались. Управитель, словно флюгер, повернул нос в сторону шума и отправился наводить порядок, давая уходящему проститься с остающимся.

Но капитан и мальчик, глядя друг другу в глаза, молчали.

Мистер Калпепер очень удивился бы, узнав, что с того дня, как Морхауз отобрал у мальчишки крохотную фигурку сокола, Рик не сказал ему ни слова. Этот странный для шестилетнего ребенка бойкот длился уже четыре месяца и распространялся только на Морхауза. С командой найденыш сошелся быстро; он легко принимал нехитрые угощения от матросов и постоянно путался у них под ногами, везде суя любопытный мальчишеский нос. Но капитана он как будто не замечал, а на все его вопросы отвечал угрюмым молчанием. Сначала это даже забавляло Морхауза, но очень быстро стало бесить. Любой палубный матрос мог запросто послать мальчика на камбуз за щепоткой соли к своему пудингу, а капитан, сколько ни бился, не получил даже мимолетной улыбки.

Морхауз изрядно потрудился, изымая из бортового журнала «Марии Селесты» все, что могло помешать его планам. Ему даже пришлось разъять журнал на тетради и осторожно вынуть испорченные водой страницы. Вместо них он вставил другие, предварительно вымочив их в забортной воде и высушив на солнце — работа, отнявшая у него целых два дня. Зато теперь никакой крючокотвор не смог бы заподозрить, что журнал был подделан.

Единственной проблемой оставался пацан.

Несколько раз Рик пытался украсть свою пустельгу, но был неуклюж и неопытен — всегда попадался. Стиснув зубы и роняя слезы, принимал наказание, а вскоре пробовал опять...

— Ты что-нибудь скажешь, хотя бы теперь? — спросил Морхауз в последний раз, стоя в убогой гостиной нищего приюта.

Мальчик, не отводя взгляд, помотал головой.

— Вот же дьяволенок! — воскликнул капитан, но в его голосе было гораздо больше уважения, чем возмущения. — Впервые в жизни вижу такого упрямого мальчишку! Откуда ты только взялся!

Мальчик продолжал молчать.

Капитан Морхауз полез в карман и достал металлического сокола.

— Забирай свою пустельгу.

Рик схватил фигурку и сжал в кулачке. Морхауз ожидал, что теперь-то мальчик хотя бы поблагодарит, но тот продолжал молчать, лишь отвел в сторону свой твердый недетский взгляд. И это молчание так больно царапнуло черствое сердце капитана Морхауза, что он почувствовал резь в уголках глаз. Не говоря больше ни слова, он двинулся к выходу.

— Куда же вы, мистер Морхауз! — кинулся следом управляющий. — А как же истории о морских приключениях?..

— В другой раз, — буркнул капитан, надевая пальто и принимая цилиндр.

Уже выйдя на улицу, он в последний раз обернулся. Мальчик стоял на пороге.

— До свиданья, — просто сказал Рик.

— Прощай.

Капитан Морхауз и Рик были уверены, что больше никогда не увидятся. Но они ошибались. Спустя много лет им предстояла еще одна встреча.

ГЛАВА 1

30 сентября 1888 года, Лондон

Чего только не увидишь на улицах Лондона ранним октябрьским утром! Вещи обыденные и привычные соседствуют здесь с явлениями удивительными и странными, а порой и неотличимы от них.

Вот идет по Уайтчепел Хай-стрит вполне обыкновенный человек. На нем черный макинтош с надвинутым на лицо капюшоном, руки спрятаны глубоко в карманы, плечи слегка ссутулены, как будто человек мерзнет. Шаг его широк, но спокоен — прохожий никуда не торопится. Ему не нужно спешить, его работа на сегодня сделана, и сделана весьма хорошо. Рукава и полы его плаща, а также штанины и туфли обильно испачканы уже засохшей и почти незаметной на черной материи кровью. Но нож в кармане прохожего уже идеально чист. Замысловатый лабиринт лондонских улиц еще сведет этого человека с героями романа, но не сегодня. Пока он идет домой, чтобы как следует выспаться.

А неподалеку, на Флит-стрит, творится форменное безумие. Множество людей с рыжими, как апельсины, шевелюрами толпятся под окнами невзрачной конторы. Люди шумят и ругаются, занимают очередь и негодуяще трясут огненными бородами. Что им здесь нужно, почему столько рыжих собралось в одном месте и чем закончится эта история, давным-давно известно, но сами рыжие пока еще находятся в интригующем неведении.

А вот по крыше богатого дома крадется человек в необычном костюме. На нем странный плащ, в который вшиты длинные металлические стержни, голова и лицо человека спрятаны под кожаной маской с крохотными ушками, из-под которой видны лишь глаза. Человек приближается к краю крыши, распахивает плащ и... прыгает вниз. Он парит над улицами Лондона, словно гигантская летучая мышь, и, оказавшись на земле, быстро исчезает в подворотне...

Что и говорить, много странного происходит на утренних улицах древнего города. Поэтому мало кого удивила молодая молочница, выходящая из наемного кэба с двумя небольшими бидонами молока у дома номер 83 по Брук-стрит. Лишь пожилая домовладелица миссис Мосли из дома напротив, вышедшая на балкон полить свои герани и гиацинты, неодобрительно поджала губы и укоризненно покачала головой. «Наши люди молоко в кебах не развозят» — говорил ее взгляд.

Молочница была крупной женщиной с грубоватыми чертами лица и крепкими жилистыми руками, которые тяжелый деревенский труд, по всей видимости, давно сделал не слабее мужских. Выйдя из экипажа, она поставила бидоны на тротуар, поправила чепец, украшенный розовыми рюшами, одернула передник, легко подхватила бидоны и бодрым пружинистым шагом приблизилась к двери дома. Тут она позвонила в колокольчик для слуг и терпеливо дождалась, пока дверь не открыли.

— Доброе утро, — хриловато, но приветливо поздоровалась молочница.

Хмурая горничная в накрахмаленной наkolке подозрительно оглядела гостью. Глаза у молочницы были чудные: один зеленый, другой голубой.

— Почему так рано и где Шарлотта? — недовольно спросила горничная, с трудом отрывая взгляд от странных глаз.

— Захворала бедняжка, — с глупой улыбкой ответила девушка. — А я ее сестра, Эмили. За двоих работаю, вот и встала с солнышком.

— Заходи, — буркнула горничная, пуская девушку в прихожую. — Стой тут, у лестницы, дальше не пачкай. Сейчас кухарка вынесет деньги, а мне некогда.

Она подхватила с пола свернутые циновки и через заднюю дверь вышла во двор. Молочница осталась в прихожей одна. Из кухни доносился грохот посуды — кухарка была занята своими делами. Поставив бидоны на скамеечку у двери, девушка достала из кармашка в переднике примятый конверт с неразборчивым штемпелем. Из другого, незаметного в складках платья, крошечного карманчика на свет появился миниатюрный брелок в форме птицы.

Молочница сжала птицу в одном кулаке, а конверт в другом. Метнула быстрый взгляд в сторону кухни, на лестницу, прислушалась к звукам с заднего двора, где горничная выбивала циновки, а затем уверенно двинулась в богато обставленную гостиную. В этот ранний час, когда весь дом, кроме прислуги, еще спал, в гостиной было пусто. В центре комнаты стоял большой круглый стол красного дерева, накрытый тяжелой бархатной скатертью. Девушка быстро приблизилась к столу и подняла край скатерти. Под скатертью лежало письмо. Мельком сверив почерки на конверте и в письме, молочница сунула в карман передника и то и другое, опустила скатерть на место и ладонью разгладила складки на бархате. Затем она спрятала фигурку птицы в кармашек и быстро покинула гостиную.

Сделала она это как нельзя более кстати. Шум на кухне прекратился, а вскоре оттуда появилась и сама кухарка с двумя пустыми бидонами.

— Ты, что ли, вместо Шарлотты? — спросила она.

Девушка кивнула и опять глупо улыбнулась. Кухарка вручила ей бидоны, затем отсчитала шесть пенсов двухпенсовиками, подхватила со скамеечки полные бидоны и скрылась на кухне.

Молочница подбросила монетки на руке, ссыпала их в передник и вышла на улицу.

Негодование миссис Мосли из дома напротив не было предела. Шагая в сторону поджидающего кеба, деревенская девица

беспечно размахивала пустыми бидонами и самым вульгарным образом насвистывала, чего никогда не должна делать приличная девушка, даже если ей не посчастливилось называться леди. Прежняя молочница нравилась соседке гораздо больше.

Дождавшись пассажирку, кеб сдвинулся с места, и миссис Мосли отправилась проверить, как прислуга справляется с утренними хлопотами. Если бы почтенная домовладелица задержалась еще на минутку у своих гиацинтов, то с удивлением увидела бы в конце улицы знакомую повозку. Это «захворавшая» Шарлотта спешила с утренними заказами.

Между тем молочница Эмили не теряла времени даром. Приоткрыв лючок в крыше, она сказала неожиданно низким для женщины голосом:

— Едем на Кливленд-стрит, Боб.

Кебмен тряхнул поводьями, и лошади ускорили шаг.

Девушка задержала занавеску на окошке экипажа и принялась раздеваться. Под чепцом у нее оказались неожиданно короткие для женщины волосы, уложенные к тому же в мужскую прическу. На этом метаморфозы молочницы не закончились. Продолжая негромко насвистывать, она сняла передник и платье, под которым обнаружилось мужское белье, что было совсем уж неприлично. Почтенную миссис Мосли, увидь она это, хватил бы удар. Несимпатичная молочница оказалась вовсе не девушкой, а довольно привлекательным молодым мужчиной. Впрочем, свидетелей у этого удивительного превращения не было.

Фигурку птицы, шесть пенсов и похищенное в доме на Брук-стрит письмо молодой человек оставил на сиденье рядом с собой, а костюм молочницы аккуратно сложил в большую сумку, лежавшую на полу. Из нее же был извлечен синий мундир с металлическими пуговицами, наручники, ротанговая дубинка и округлый шлем констебля с кокардой.

Неторопливо — ехать было довольно далеко — мужчина оделся, прицепил к поясу наручники и дубинку, а грубые войлочные тапочки сменил на отлично начищенные сапоги. Костюм

полисмена шел ему куда больше наряда молочницы. Прежде чем надеть шлем, молодой человек достал все из той же сумки большую деревянную шкатулку. В ней оказался гримировальный набор, достойный уборной театрального актера не последней величины. Чего здесь только не было: краски, наlepки, подтяжки, сажа, помада, кусочки воска, усы и бакенбарды разных размеров и цветов, бороды и парики. Порывшись, в шкатулке можно было найти повязку на один глаз, «золотые» накладки на зубы и даже русую косу. Словом, шкатулка была настоящей сокровищницей имперсонатора.

После недолгих раздумий молодой человек выбрал рыжеватую бородку клинышком и такого же цвета бачки. Приоткрыв занавеску, он пустил в экипаж луч солнца и, глядя в зеркало на передней стенке кеба, наложил бороду и бакенбарды. После этого он надел шлем и застегнул его на подбородке. Теперь в зеркале отражался настоящий бравый констебль. Ни один, даже самый придирчивый наблюдатель не смог бы заподозрить в нем недавнюю молочницу. Единственное, что досталось «полисмену» в наследство от девушки, — разноцветные глаза, зеленый и голубой.

Письмо и фигурка птицы перекочевали в карманы мундира.

Кеб въехал в бедный район. Дома тут были приземистые, сложенные из грубо отесанных кусков портлендского камня с вкраплениями ракушек и прочей древней морской мелочи. Окна, вместо изящных решеток, были прикрыты ставнями. Ни балконов с цветами, ни уютных маленьких клумбочек перед дверями здесь не водилось. Кебы навстречу почти не попадались — местным жителям были не по карману поездки в наемном экипаже, а городские омнибусы еще не проложили сюда свои маршруты.

Боб остановил повозку на углу ничем не примечательного дома. Новоявленный констебль сошел с подножки и медленным шагом отправился вверх по улице. Руки он, словно на прогулке, сложил за спиной, а в кулаке одной из них зажал металлическую птицу.

Нет ничего более естественного для лондонской улицы, чем скользящий полицейский. Случайные взгляды отскакивают от

него, как мячики в лаун-теннисе. Никто из прохожих не обратил на нового полисмена ровным счетом никакого внимания. Пуская солнечных зайчиков отполированной до блеска кокардой, он прошелся до конца перекрестка, развернулся и двинулся в обратном направлении. Наконец он остановился у запущенного и грязного четырехэтажного дома с замусоренным участком и чахлым садиком.

Помедлив с минуту, «полисмен» шагнул к двери. Она оказалась незапертой. На табличке под колокольчиком черной краской было написано: «Работный дом». Войдя внутрь, самозванный констебль оказался в длинном захламленном коридоре, уходящем в обе стороны. Впереди начиналась лестница наверх.

Сжав покрепче фигурку птицы, человек в костюме полисмена достал из нагрудного кармана золотую сережку с изумрудом. Драгоценность, судя по размерам камня, была не из дешевых. Зажав ее в другом кулаке, мужчина медленно поднялся по лестнице на второй этаж. Все это время он как будто к чему-то прислушивался. Здесь, на маленькой площадке, он секунду поколебался, а потом повернул направо. У ничем не примечательной двери в конце коридора «полисмен» остановился и резко постучал.

Ему открыл щуплый чумазый мальчишка лет десяти, одетый в ужасающе грязное, измазанное сажей тряпье и рваную кепку. Едва завидев полицейского, мальчик бросился к окну, непрозрачному от многолетнего смога, оседавшего на стекле. Переодетый полисменом мужчина метнулся за ним, но было поздно — парнишка вскочил на подоконник, распахнул окно и в следующую секунду, гремя ступенями, уже спускался во двор по железной лестнице.

Гость выглянул в окно. Перепачканный сажей беглец до того ловко передвигался по шаткой и проржавевшей конструкции, что не оставалось сомнений в его профессии.

— Так ты у нас трубочист, — пробормотал молодой человек. — Что ж, это все объясняет.

Не проявляя волнения и не особенно торопясь, он покинул дом. На улице, словно двигаясь по одному ему видимой стрелке

компас, «полисмен» обошел дом и остановился у маленького подвального окошка.

— Эй, ты там? Вылезай, маленький трубочист, от меня не спрячешься! — крикнул он в темноту.

Ответом ему была тишина.

— Ты не бойся, не трону.

И снова никто не спешил выбираться из темноты. Тогда молодой человек снял шлем, присел на корточки и заглянул в окошко.

— За ту вещицу, что ты... нашел в шкатулке в доме на улице Королевы Анны, объявлено вознаграждение, — сказал он в темноту. — И я уполномочен его вручить. Ну, так как, ты выйдешь?

Груда тряпья в дальнем углу зашевелилась. Из нее выбрался мальчишка, сделал пару шагов к окошку и замер.

— Хватать не будете? — недоверчиво спросил он.

— Сказал же — не трону.

Маленький воришка не спешил подходить слишком близко.

— А как вы меня нашли? — спросил он.

С легкой улыбкой молодой человек ответил:

— Я же полисмен, сынок. Находить... то, что пропало, — моя работа.

— А насчет денег не врете, мистер?

— Скотланд-Ярд никогда не обманывает! Целых шесть пенсов твои — в обмен на вот такую сережку. — Он достал деньги, полученные меньше часа назад у кухарки на Брук-стрит, и серьгу.

Мальчишка подошел еще ближе и вдруг сказал:

— Я знаю, что вы не полисмен.

Молодой человек удивленно вздернул брови.

— Это почему же?

— У вас кокарда сержантская, а личный номер на мундире — простого констебля, три цифры.

— Вот это да! — рассмеялся разоблаченный самозванец. — Ты меня раскусил. Так что же теперь, отдашь мне сережку или позвать настоящего полисмена?

— Настоящего не надо. А про награду — правда?

— А как же. На самом деле я частный сыщик и меня наняли найти эту штуковину. Обещали награду. Часть ее я готов передать тебе. Все честно, как видишь.

Мальчик что-то прикидывал, глядя на собеседника с хитрой улыбкой.

— Два шиллинга! — наконец выпалил он.

— Черта с два, хитрец! — азартно включился в торговлю сыщик. — Шесть пенсов и ни полпенни больше.

— Двадцать пенсов!

— Восемь!

— Восемнадцать, или ищи ветра в поле!

— Десять, или через полчаса тут будет сам инспектор Лестрейд.

— Шиллинг, и я бесплатно почищу вам дымоход!

— По рукам!

Сыщик подал руку, и мальчишка, схватившись за нее, выбрался из подвала. Стянув с головы выдавшую виды кепку, он порылся за подкладкой и вытащил сережку. Но отдавать не торопился. Вместо этого требовательно вытянул перед собой ладонь. Молодой человек полез в карман и к уже имевшимся шести пенсам добавил еще столько же. Монеты были торжественно пересчитаны под бдительным надзором воришки, после чего перекочевали в его грязную ладошку. Только после этого он расстался со своей добычей. Сделка была совершена. Стороны, довольные собой и друг другом, не спешили расходиться.

— У тебя глаза разного цвета, — сказал мальчик, неожиданно переходя на «ты».

— Это у меня с детства.

— Наверное, все завидовали.

— Ага, и поэтому в приюте поначалу колотили.

— Так ты приютский! — обрадовался маленький трубочист.

— Вроде того. В пятнадцать лет сбежал.

Мальчишка посмотрел на нового знакомого с особым уважением.

— А ты действительно сыщик или наврал?

— Действительно. У меня бюро по поиску потерянных вещей.

— А как ты меня нашел?

— Полегче, приятель, это уже секрет. Считай, что у меня такой талант.

Мальчишка кивнул и заговорщицки улыбнулся: дескать, секрет — дело понятное.

— А какой у вас адрес, мистер?

— Тебе зачем?

— Ну как же, а дымоход? Мы ведь договорились, что я вам чищу его бесплатно. Уговор дороже денег, сделаю как обещал. — Он сказал это уже серьезным, «взрослым» тоном, явно подражая кому-то из старших.

— Да я и живу-то не в Лондоне. Обойдусь как-нибудь. Лучше поступим так: мне может понадобится какая-нибудь мелкая помощь в городе. Могу я на тебя рассчитывать?

— Конечно, мистер...

— Пустельга. Зови меня мастером Пустельгой.

— О'кей, мастер Пустельга. А я — Томми. Томми-трубочист, тут меня все знают.

Новые знакомцы раскланялись, и мальчишка побежал по своим делам. Разоблаченный им «констебль» спрятал обе сережки в карман и, не торопясь, все тем же прогулочным шагом, отправился к терпеливо ожидавшему экипажу.

— Ну что, Боб, — весело сказал он кебмену. — Похоже, сегодня будет хороший день. Всего только восемь часов, а мы уже сделали два важных дела.

— Конечно, мастер Пустельга. Денек будет что надо. Куда теперь?

— В Ковент-Гарден на Мейден-лейн.

— Опять в эту кучу мусора?! — запричитал Боб. — Вечно вас туда тянет! Почитай, каждую неделю катаемся к мусорщикам. И зачем, спрашивается, катаемся? Сидели бы себе дома, у камина, пили утренний кофий, как все приличные джентльмены. Нет, сели — и поехали к мусорщикам.

Кебмен уже забыл, что только что радовался вместе с пассажиром хорошему деньку. Но приподнятого настроения мастера Пустельги было ничем не испортить.

— Поехали, Бобби, поехали. Там нас ожидают увлекательные поиски и чудесные находки.

— Не знаю, как вам удастся все это находить, не иначе как при посредстве чародейства.

— Темный ты человек, Боб! Я же сто раз рассказывал тебе о бритве Оккама и дедуктивном методе, а ты знай себе талдычишь про колдовство.

— Метод — оно, конечно, хорошо. А только копаться в вонючей трубе — занятие паскудное, — гнул свое кучер.

Но ворчал он скорее по привычке, понимая, что от неприятного путешествия не отвертеться. Экипаж развернулся и поехал в направлении Мейден-лейн.

В то время как спокойная и послушная кобылка, не торопясь, тянула кэб в сторону квартала мусорщиков, внутри повозки совершалось очередное превращение. Мастер Пустельга снял костюм констебля, отметив про себя, что впредь следует тщательнее подходить к подбору образа. Если уж уличный мальчишка заметил ошибки в наряде, что было бы, встретиться ему настоящий полисмен. Пришлось бы долго доказывать, что появление в костюме стража порядка на улицах Лондона — всего лишь невинная шутка.

Оставшись в белье, все из той же бездонной сумки молодой человек достал новый наряд. Впрочем, называть нарядом тот ворох тряпья, который он собирался надеть на себя, было бы слишком смело. Беспорядочные штаны с множеством заплаток, напозающих друг на друга, просторная хламида невероятного грязно-бурого цвета и вовсе уж огромный просмоленный фартук с крупными карманами — все это было частью нового образа неутомимого мастера Пустельги.

Перед тем как одеться, молодой человек вновь открыл заветную шкатулку. Бородку и бакенбарды он снял и вместо них приладил

на лице окладистую седую бороду. На нос приклеил крупную «язву» вишневого цвета, при одном взгляде на которую у любого пропала бы охота близко знакомиться с ее обладателем. Низко, на самые брови, натянул рваный помятый картуз. Сапоги констебля Пустельга снимать не стал, лишь обмотал их несколькими слоями тряпья и завязал тесемками. Новый образ как нельзя больше соответствовал тому месту, куда направлялся экипаж.

Кеб спустился по заваленной мусором и залитой помоями Друри-лейн, проехал мимо закрытых в этот час распивочных и опиумных притонов и свернул на более ухоженную Тэвисток-стрит. В двух шагах отсюда, за Цветочным рынком, словно в насмешку над любителями тонких ароматов, находилась короткая улочка Мейден-лейн — зловонное царство мусорщиков.

Именно на Мейден-лейн стекались из всех ближайших районов отходы жизни лондонцев. Как в переносном, так и в самом прямом смысле. Всевозможный мусор доставлялся сюда своим ходом по сточным канавам, а также телегами, после чего сваливался в огромные кучи, над которыми кружили стаи тучных ворон и чаек. Голуби здесь бесстрашно соседствовали с коршунами, а неповоротливые жирные свиньи — с наглыми бродячими псами. Кишмя кишели крысы, и роились мириады мух.

Всем хватало поживы на этих щедрых развалах городского мусора, прежде чем его грузили на баржи и вывозили за пределы Лондона. И только люди не желали делиться добычей друг с другом. Самопровозглашенный профсоюз мусорщиков властвовал на Мейден-лейн безраздельно. «Чужим» сюда не было ходу, все отбросы, попавшие в Ковент-Гарден, были учтены и заранее поделены между группками мусорщиков.

Одни собирали угольный шлак, каминную золу и устричные раковины — все это потом продавалось на предприятия и превращалось в кирпичи, блоки и другой строительный материал. Другие охотились за конским навозом, который выгодно сдавали пригородным фермерам. Кого-то интересовали выброшенная одежда и обувь, а кого-то — металлический лом. Некоторые

разыскивали съестное, чтобы за гроши продавать потом многочисленным городским нищим, а кое-кто добывал, роясь в мусоре, сигарные и сигаретные окурки — сырье для будущих дешевых папирос.

Новичок сильно рисковал, промышляя в этом районе без позволения его негласных хозяев. Но мастер Пустельга новичком не был. На въезде в район он постучал по крыше, и кеб остановился. Тотчас к нему метнулась серая невзрачная фигура. Человек с язвой на носу выглянул из кеба и кинул «постовому» шиллинг — пропуск на территорию разработки, после чего экипаж двинулся дальше. Теперь никто не мог помешать мастеру Пустельге в его поисках.

Новоявленный мусорщик вновь зажал в кулаке фигурку птицы. В другую руку он взял крохотную коробочку, оклеенную красным бархатом, в каких ювелиры солидных домов продают кольца и перстни богатым клиентам. Сосредоточенно к чему-то прислушиваясь, он руководил движением кеба через открытый лючок.

— За той кучей гнилых апельсинов поверните направо, Бобби!

Кучер, кривя нос от нестерпимой вони, накатывавшей отовсюду, послушно поворачивал.

— Здесь налево, вон за тем обгоревшим шифоньером.

И кеб сворачивал налево.

То и дело на пути им попадались сутулые грязные фигуры мусорщиков. Каждый толкал перед собой тележку с добычей. Никому не было дела до кеба с его пассажиром и друг до друга. Все внимание обитателей свалки было сосредоточено на поисках своего «товара».

Наконец пассажир велел остановить экипаж. Не выпуская из рук фигурку и бархатную коробочку, он выбрался наружу и поковылял к ближайшей куче. На сей раз его маскировка была настолько хороша, что спустя пару минут даже кучер, хорошо знавший своего нанимателя, смог бы отличить его от остальных мусорщиков лишь по уродливой язве на носу.

Мастер Пустельга не терял времени даром. Задерживаться в столь «благоуханном» месте не входило в его планы. Он быстро разыскал крепкую и относительно ровную палку и принялся ковыряться в отбросах. Фигурку птицы и коробочку он на время спрятал в огромный карман фартука.

Из-под палки нового мусорщика в разные стороны полетели рыбьи головы и кроличьи потроха, кости, луковая шелуха, черепки от разбитой посуды, апельсиновая и картофельная кожура, поломанные деревянные игрушки, куски черепицы, щепки, осколки, обломки, ошметки и клочки неведомо чего. Отбросив очередной рванный ботинок, мусорщик отложил палку и надел холщовые рукавицы. Теперь он перебирал мусор руками, аккуратно разгребая кучу и внимательно всматриваясь в каждый подозрительный предмет.

Наконец, под картонкой от дамской шляпки, среди сырых щепок и ореховых скорлупок он нашел то, что искал. Вываленное в грязи, невзрачное и почти незаметное, перед ним лежало массивное женское кольцо с огромным камнем. Пустельга снял рукавицы и достал из кармана чистую тряпицу. Он протер ею кольцо и посмотрел на свет: чистый прозрачный камень в золотой оправе засиял десятками сверкающих граней. Такой бриллиант должен был стоять никак не меньше пары тысяч фунтов, и любой нашедший его мусорщик мог бы оставить свой неблагодарный труд и до конца дней вкушать плоды удачной находки. Но мастер Пустельга не был мусорщиком, и у него были на этот счет другие планы. Он направился к экипажу.

Боб, дожидаясь его на своем месте, боролся с местными запахами, прикладываясь к маленькой фляжке. К приходу пассажира кучер почти одолел мейденлейнские миазмы и находился в благодушном расположении духа.

— Ага, мастер Пустельга, вот и вы! Куда теперь направимся? — весело осведомился он.

— Тише, Бобби! — прикрикнул на него Пустельга, не слишком, впрочем, строго. — Мы ведь путешествуем инкогнито, не нужно сообщать всему Лондону о наших планах.

Возница с заговорщицким видом огляделся и приложил палец к губам, даже не попытавшись стереть улыбку со своей физиономии.

— Езжай в Блумсбери, на Каролин-стрит.

— Ну, наконец попадем в приличное место.

Мастер Пустельга влез в кеб и принялся снимать с себя лохмотья мусорщика. Отлепив накладную бороду и отвратительную язву, он посмотрел в зеркало и устало улыбнулся отражению.

— Хватит на сегодня превращений, пора становиться самим собой.

Чистым платком он тщательно стер с лица остатки клея и грима. Затем надел узкие серые брюки в тонкую полоску, светлую льняную сорочку, подтяжки с шелковыми петлями, жилетку и черную вигоневую визитку. Смотрясь в зеркало, мастер Пустельга тщательно повязал галстук-бабочку и надел котелок. Завершили перевоплощение черные лакированные туфли и бамбуковая трость. В Блумсбери ехал уже не грязный мусорщик, и не растяпа-констебль, и, уж конечно, не девушка-молочница, а настоящий молодой джентльмен.

Уже было два часа пополудни, когда повозка остановилась возле богатого дома по Каролин-стрит. Джентльмен вышел из кеба и постучал в дверь бронзовым молотком выполненным в форме львиной головы.

Открыл строгий дворецкий. Казалось, он был предупрежден о визите, так как, не сказав ни слова, отступил, пропуская гостя в дом.

— Как о вас доложить, сэр?

— Мастер Пустельга к графу Уильяму Блаунту-старшему.

— Прошу в каминную, сэр, — сделал движение рукой дворецкий.

Пустельга прошел в указанном направлении и оказался в просторном зале. Большую часть дальней стены в нем занимал огромный камин. При желании, в нем можно было целиком зажарить кабана. Впрочем, для этого у хозяина наверняка имелась

не менее обширная кухня. По бокам от камина на стене были развешаны головы африканских животных. Слоны, носороги, буйволы и львы осуждающе смотрели на гостя мертвыми стеклянными глазами.

Граф не заставил себя долго ждать, что говорило о его крайнем нетерпении. Не успел гость как следует разглядеть охотничьи трофеи, как он ворвался в зал, на ходу застегивая парадный сюртук. Это был еще не старый человек, с высушенным африканской лихорадкой изжелта-серым лицом, которое, несмотря на болезни, не утратило своей природной живости. Глаза графа горели яростным огнем, когда он бросился к гостю, драматично вытянув руки перед собой.

— Вы нашли его?! Скажите же, что вы его нашли! — воскликнул граф, презрев условности этикета.

Мастер Пустельга не стал затягивать и без того драматичную паузу и достал из внутреннего кармана визитки сложенный конверт.

— Письмо внутри, — сказал он, протягивая конверт графу.

Тот выхватил находку из рук Пустельги и быстро достал письмо. Пробежал его глазами, пересчитал страницы и, наконец, облегченно вздохнув, буквально осел в глубоком кресле. На некоторое время в каминном зале воцарилась тишина. Под мертвыми взглядами убитых животных граф приходил в себя. Затем, спохватившись, он предложил гостю кресло напротив.

— Хотите джина? Скотча?

— Нет, благодарю. У меня еще сегодня важные встречи. Поэтому я хотел бы получить вознаграждение и...

— Конечно, вознаграждение... Но постойте, как вам это удалось?! Где вы его нашли? — Граф снова заволновался. — Вы его читали?

Мастер Пустельга бросил на собеседника ледяной взгляд.

— Я джентльмен.

Граф смутился.

— Прошу прощения, столько волнений. Эта дерзкая кража... Я сам не свой. Еще раз прошу меня простить. Вы просто спасли

мою репутацию, мою карьеру... Да что там, вы жизнь мою спасли! Благодарю вас от всей души!

Мастер Пустельга коротко поклонился.

— И все же, как вам удалось его найти? — спросил граф.

— Это профессиональный секрет, основанный на новейших достижениях криминалистики.

— Но вы можете сказать, кто похититель?

— Нет, это не входило в наш контракт. Я взялся найти пропажу, а не похитителя. Письмо у вас, остальное меня не касается.

Граф поджал губы и сверкнул глазами, но спорить не стал, достал чековую книжку.

— Ну что же, вот ваши сто фунтов, молодой человек, — сухо-вато сказал он. — Еще раз благодарю.

— Это не все, — сказал мастер Пустельга, принимая чек. — Была договоренность об оплате накладных расходов.

— Каковы же они? — поинтересовался граф недовольно и вновь потянулся за книжкой.

— Шесть пенсов.

— Вы шутите?! — Рука Уильяма Блаунта-старшего замерла на полпути.

— Нисколько.

— Какие же расходы обошлись вам в столь ничтожную сумму?

— Молоко, сэр.

— Какое молоко, черт возьми?

— Это не важно, сэр. Молоко понадобилось в процессе поиска принадлежавшей вам... корреспонденции.

Граф махнул рукой. Порывшись в столе, он нашел требуемые шесть пенсов и отдал их сыщику.

— Мое почтение.

— Всего наилучшего.

Мастер Пустельга принял котелок у дворецкого и вышел на улицу. Устроившись в кебе, он назвал следующий адрес. Нужный ему дом располагался совсем неподалеку. Не прошло и двадцати минут, как неугомонный сыщик вновь стучал в двери богатого дома.

На этот раз открыл сам хозяин — полный лысеющий джентльмен средних лет.

— А, мастер Пустельга! Сердечно рад приветствовать! — радостно засуетился он. — Вы извините, прислугу отпустил, у нее, представьте, сестра рожает. Ну что ты будешь делать, они рожают, а нам страдать!

Под страданиями он шутливо разумел чрезвычайно обременительную необходимость самостоятельно открывать входную дверь. Мастер Пустельга тонко улыбнулся, давая понять, что оценил юмор, и вежливо поздоровался. В отличие от нетерпеливого графа, толстячок первым делом пригласил гостя к буфету и предложил выпить. Только после тактичного, но непреклонного отказа он осведомился о цели визита.

— Я нашел кольцо вашей покойной супруги, мистер Холкрофт.

— Что вы говорите! Не может быть! Я уже совсем отчаялся!.. — Хозяин буквально подскочил на стуле.

— Извольте убедиться.

Мастер Пустельга достал коробочку с кольцом. Толстяк открыл ее и ахнул.

— Это оно! Боже правый, это оно! Какое счастье, что я к вам обратился!

Пустельга вновь улыбнулся. Искренняя радость мистера Холкрофта так контрастировала с болезненной, полубезумной страстью графа, что оставалось только дивиться, какими разными бывают люди.

— Но как вы его нашли? — спросил покрасневшийся мистер Холкрофт. — У кого оно было? Я, признаться, грешил уже на служанку, хотя она, уверяю вас, весьма достойная женщина...

— Обстоятельства, при которых кольцо было найдено, исключают кражу, — заверил хозяина Пустельга. — Скорее всего, оно случайно было выброшено с мусором или каминной золой.

— Да, да, да... После смерти миссис Холкрофт я стал очень рассеян. Иногда засыпаю у камина со стаканом скотча в руке. И часто смотрю в огонь через этот камень, — мистер Холкрофт

бросил печальный взгляд на кольцо у себя в руке. — Должно быть, оно упало в ведро для золы и таким образом оказалось в мусоре.

— Вы блестящий логик, мистер Холкрофт, — сделал комплимент гость. — Я рад, что вы не планируете составить мне конкуренцию по части сыска. Вы ведь не планируете?

— О, нет! — воскликнул, веселя, толстяк. — Меня вполне устраивает мое место. Но не буду вас задерживать. Вот обещанный гонорар.

Он достал из бумажника пятнадцать фунтов и торжественно вручил их сыщику.

— И с вас еще один шиллинг накладных расходов, — педантично заметил тот, пересчитав деньги.

— О, разумеется, — откликнулся хозяин.

Пустельга откланялся. Вскоре он вновь ехал в своем экипаже. Оставался последний визит.

В небольшом доме с опрятным яблочным садом, разбитым за низкой самшитовой изгородью, его встретила печальная молодая дама. Мастер Пустельга не стал задерживать ее дольше необходимого. Он развернул платок, в котором принес изумрудные сережки. Камни блеснули, и печаль дамы ненадолго рассеялась. Она тепло улыбнулась гостю и нежно, словно ребенка, взяла на ходу.

— Спасибо, — просто и сердечно сказала она, прижимая руки к груди. — Не знаю, как вам это удалось, но я бесконечно благодарна за помощь. Это последний подарок моего супруга перед его трагической смертью в колониях. Майор был так щедр и так беспечен... — На глазах у дамы выступили слезы. Впрочем, она быстро справилась с собой. — Сколько я вам должна за работу? — спросила она.

— Четыре фунта и пять шиллингов, — ответил молодой человек, впервые за сегодняшний день несколько смущенный.

— Только и всего?

— Поиски были не слишком трудными.

— А сопутствующие траты? Я читала в новеллах мистера Конан Дойла, что сыщики тратят уйму денег на агентов, подкуп и прочие нужды.

— Буду откровенен, я потратил один шиллинг. Но, как мне кажется, приобрел за эти деньги хорошего и смышленного, как вы выразились, «агента». Так что моя собственная выгода тут очевидна. С вас я оплаты за это не возьму.

Дама не стала его уговаривать. Было видно, что она хочет остаться одна, но воспитание не позволяет намекнуть на это. Быстро распрощавшись, мастер Пустельга, в который раз за сегодня, сел в нанятый кеб.

Боб затушил недавно раскуренную трубочку и поинтересовался:

— Всех провели, мастер?

— На сегодня, пожалуй, хватит. Едем на вокзал Чаринг-Кросс.

— Отправляетесь домой?

— Поехали, Бобби, поехали.

Смекнув, что пассажир не расположен к праздной болтовне, Боб послушно взял поводья, и кеб затарахтел колесами по мостовой. Вскоре экипаж приблизился к величественному зданию вокзала Чаринг-Кросс. Проезжая мимо статуи Карла I, Бобби привстал на козлах и снял шляпу.

— Мое почтение, ваше покойное величество!

Король надменно промолчал в ответ. Мастер Пустельга, не раз видевший эту репризу в исполнении любившего выпить Бобби, лишь покачал головой.

На стоянке омнибусов они распрощались. Сыщик вручил вознице два фунта. Тот оторопело уставился на деньги.

— Не смотрите так жутко, — сказал Пустельга. — Я ведь плачу вам не только за работу, но и за конфиденциальность.

— Конфи... что?

— За молчание, Бобби. Не болтайте о сегодняшнем путешествии, а равно и обо всех остальных наших путешествиях, и время от времени я буду прибегать к вашим услугам. К нашему обоюдному удовольствию.

— О, не извольте волноваться, — зачастил кебмен, пряча в карман заработанное. — Буду нем, как покойник.

В знак прощания мастер Пустельга приподнял край котелка и, ухватив покрепче нелегкую сумку, зашагал к билетным кассам. Он успел взять билет на шестичасовой поезд и вскоре уже пересекал Темзу в удобном вагоне по мосту Чаринг-Кросс.

Глядя в окошко на мутные воды Темзы, Пустельга прикинул свой сегодняшний доход. За вычетом оплаты кеба выходило сто семнадцать фунтов и четыре шиллинга. Деньги просто огромные для простого парня из приюта, каким он был всего несколько лет назад. Тогда ему светило устройство в работный дом, где такую сумму он не увидал бы и за два года каторжного труда. Но жизнь сложилась иначе. И все благодаря маленькому талисману.

Мастер Пустельга незаметно огляделся, проверяя, не смотрит ли кто из пассажиров в его сторону, и достал из кармана фигурку птицы. Маленькое металлическое изваяние сокола. Загадочный амулет из другого времени, тонкая ниточка, протянутая в прочно забытое детство. Молодой сыщик понимал, что загадка сокола и загадка его собственной жизни — звенья одной, возможно, очень длинной цепи, что сокол не просто тайна, но еще и ключ к тайне.

Он не раз пытался вспомнить свою жизнь до появления на брошенном в океане корабле. Но тщетно. Лишь во сне порой приходили странные зыбкие образы, ужас и боль соседствовали в них с теплом и нежностью, спокойствие со страхом, любовь с предательством. Но, просыпаясь, он не мог вспомнить ничего, память надежно хранила свои секреты.

Лишь одно слово он вынес с собой из-за прочного барьера беспомыслия. Слово это — пустельга. За него и цеплялся тогда еще мальчик, а теперь уже молодой джентльмен, не теряя надежды вернуть свое детство. «Кто же ты, Пустельга?» — спрашивал он себя. И ответом ему была тишина.

Через час поезд прибыл на маленькую загородную станцию. Мастер Пустельга был единственным пассажиром, сошедшим

здесь. Он сел в коляску, и она, раскачиваясь и скрипя, повезла его по узкой грязной дороге, петлявшей между подсолнечными полями. Вскоре впереди показались башни древнего собора. Колокола звонили к вечерне. Пели птицы, жужжа, спешили к ульям запоздавшие пчелы, лаяли дворовые псы. Мастер Пустельга возвращался в Клойстергэм, крошечный городок, ставший родным за последние годы.

Солнце зашло, и на поля опустились ветреные сентябрьские сумерки. Возница подвез его к самому порогу одноэтажного домика, приютившегося в тени собора, неподалеку от кладбища. Мастер Пустельга расплатился, достал из коляски сумку, вынул из специального кармашка ключ и отпер дверь.

Комната встретила его напряженной тишиной. Свет с улицы почти не проникал внутрь через плотные занавески на окнах, поэтому здесь царила практически полная темнота. Но хозяину не нужен был свет, чтобы ориентироваться в собственном доме. Не глядя, он протянул руку и взял с каминной полки коробок со спичками. Вспыхнул огонь, запахло серой. Пустельга поднес спичку к свече и замер.

В кресле у камина сидел человек. В мерцающем пламени свечи, в облаке еще не развеявшегося серного запаха он казался самым дьяволом.

— Мистер Ричард Дрейтон? — спросил человек низким, роко-чущим голосом. — Вы-то мне и нужны.

ГЛАВА 2

С самого раннего детства Ричард Дрейтон хранил тайну сокола. Ни одной живой душе он не рассказывал о его таинственном и мистическом свойстве — находить потерянное. Вещь любого размера, независимо от расстояния до нее и давности потери, сокол «чувствовал» без труда. Все что нужно было его обладателю — иметь максимально подробное описание пропавшей вещи и физический контакт с кем-то или чем-то, соприкасавшимся с нею. К сожалению, искать людей сокол не умел.

Ричард настолько сжился с этой тайной и привык оберегать ее от чужого любопытства, прикрываясь «новыми методами криминалистики», что иногда сам забывал о том, чему обязан своим успехом на поприще сыска.

Стремясь оградить себя и свои способности от пристального интереса досужей публики и завистливых конкурентов, Ричард Дрейтон предпочитал соблюдать инкогнито в своем деле. Никто, кроме нескольких близких знакомых, не знал даже истинного имени мастера Пустельги. В объявлении, которое он публиковал в «Почтовом справочнике Келли», кроме псевдонима и профиля работы был указан только адрес арендованной лондонской конторы, где он бывал по понедельникам и четвергам. А большего клиентам знать и не надо.

Ричард уединенно жил в Клойстергэме, почти не выходил в свет и с немногими друзьями изредка встречался в салонах и бильярдных клубах Лондона. Он крайне редко принимал гостей и сам наносил визиты ровно с той частотой, какой требовали приличия.

И тем не менее его популярность росла. За три года имя мастера Пустельги и его успехи в поисках утерянного стали притчей во языцех в профессиональных кругах лондонских сыщиков. У него старались выведать секрет, прибегая даже к нечистой игре. Некоторые «похищения», для расследования которых он был нанят, оказались инсценированными. Приходилось все чаще хитрить и запутывать следы. Бывало, он тянул неделями с раскрытием загадки, изображая бурную розыскную деятельность. Сложность была не в том, чтобы найти потерянное или украденное, а в том, чтобы достоверно симитировать процесс поисков.

Скрытность, таинственность, сохранение инкогнито — во всем этом мастер Пустельга, как он думал, преуспел. И вот теперь в его доме сидел неизвестный человек, неведь как проникший сюда и определенно знающий больше, чем хотелось бы Ричарду.

— Что вы замерли, как истукан? — спросил незнакомец. — Поставьте подсвечник и садитесь.

В приюте Ричард Дрейтон, тогда еще просто мальчишка по имени Рик, быстро научился драться. Это умение не раз пригодилось ему и в нелегкие детские годы, и в тяжелый период скитаний по улицам Лондона после побега из приюта. Он и теперь регулярно поддерживал форму в боксерском зале, поэтому считал себя человеком способным на решительные действия в случае опасности. Но сейчас, стоя над сидящим в кресле человеком с массивным подсвечником в руках, он ясно понимал: шансов нет.

Незванный гость был огромен. Таких больших людей Ричард еще не видел. Даже сидя в глубоком кресле, он был почти вровень со стоящим рядом хозяином дома. «В нем, должно быть, не меньше семи футов», — холодея, подумал Ричард. Крупная, совершенно лысая и при этом какая-то бугристая, с огромными ушами, голова прочно сидела на могучих плечах гиганта. Нижняя челюсть была настолько велика, что напоминала скорее совок для угля, чем человеческий орган. Надбровья низко

нависали над маленькими глазками, почти скрывая взгляд. Одет гость был во все черное, включая перчатки, которых он даже не снял. Котелок великан держал в руках, как будто собирался уходить. Вот только уходить он и не думал.

Все это Ричард успел увидеть и оценить в течение нескольких секунд, пока частью сознания решал простой вопрос: бить или не бить. После непродолжительной борьбы победило благоразумие. Хозяин поставил подсвечник на камин и сел в маленькое кресло, которое держал для редких визитеров.

— С кем имею честь? — спросил он.

— Меня зовут Сэмюэл Крабб, — ответил великан. — Рад случаю познакомиться с легендарным мастером Пустельгой.

Радость гостя, очевидно, была особого рода, потому что никак не отразилась на лице Сэмюэла Крабба. Нерушимым монолитом он оставался сидеть в кресле хозяина и даже не сделал попытки подняться в приветствии.

— Что вам угодно, мистер Крабб?

— Я уполномочен предложить вам работу.

Громила явно не собирался ходить вокруг да около.

— Вы знаете, где располагается мое бюро и часы приема клиентов?

— Разумеется, мне это известно. Как и многое другое о вас.

При этих словах все внутри у Ричарда похолодело. Усилием воли он заставил лицо принять надменное выражение.

— В таком случае вы прекрасно знаете, что я не принимаю на дому.

— Знаю, — спокойно ответил гость. — Но мое дело не терпит отлагательств. Ни малейших.

— Как вы меня нашли? Я не оставляю клиентам свой адрес.

— Находить нужных людей — моя работа, мистер Дрейтон. Точно так же, как находить вещи — ваша.

— Вы сыщик?

— В некотором роде.

— Чьи интересы вы представляете?

— Этого я сказать не могу. Мой работодатель не любит огласки.

Ричард уже оправился от первого замешательства и сделал попытку надавить на незваного гостя:

— Я не возьмусь за работу, пока не получу всю необходимую мне информацию. И мой первый вопрос — кто заказчик?

— Возьметесь, — голос Крабба оставался спокойным. Великан лишь чуть-чуть пошевелил плечами, но огонек свечи на камине заметался и затрепетал, как будто перед ним распахнули окно. — У меня очень мало времени, мистер Дрейтон, и я слишком спешу перейти к сути моей миссии, чтобы запугивать вас по всем правилам. Поэтому буду краток. Вам достаточно знать, что человек, пославший меня, вполне могуществен, чтобы уничтожить не только вас, но и саму память о вас. Никто в Лондоне не посмеет даже вспомнить ваше имя. И это не будет стоить ему ни малейших усилий.

Ричард не без оснований считал себя смелым человеком. Ему приходилось бывать в опасных передрягах и принимать участие в рискованных предприятиях. Но слова этого человека и равнодушная уверенность, с которой они были произнесены, заставили его волноваться. Беспокоила не столько угроза расправы, сколько то пристальное внимание, которое неведомая могущественная особа могла сфокусировать на его персоне. Разоблачения своей тайны — вот чего по-настоящему страшился мастер Пустельга. Если кому-нибудь станет известно о соколе — тогда он точно не жилец, такой артефакт — слишком привлекательная добыча.

— Надеюсь, я ответил на ваш первый вопрос достаточно подробно? — без тени усмешки спросил Крабб.

— Более чем, — саркастически ответил Ричард. — Могу я узнать, почему вы обратились именно ко мне?

— Вы лучший специалист в своем деле. Мой наниматель уже некоторое время наблюдает за вашей деятельностью и имел возможность в этом убедиться. Могу вас заверить, что наша встреча была неизбежна — люди, подобные вам, рано или поздно

попадают в поле зрения моего патрона. И лично для вас — большая удача начать знакомство с большой услуги этому человеку.

Эти слова, как и почти все сказанное ранее, прозвучали откровенной угрозой. Ричард лихорадочно размышлял о том, кем бы мог быть загадочный патрон Крабба. Это точно не аристократ и не член правительства — первые с ходу стараются ошеломить суммой гонорара, вторые давят на патриотизм. Скотланд-Ярд? Но полиция обычно не играет в загадки и сразу размахивает значками. Кроме того, ни один полицейский инспектор, с которым доводилось общаться Ричарду, не угрожал «уничтожить саму память» о нем. Иностраннный агент? С ними Ричард никогда дел не имел, но в его представлении они должны были действовать более тонко.

Оставался многочисленный и тысячеликий преступный мир Лондона. Скорее всего, скромной персоной мастера Пустельги заинтересовался кто-то из «ночных правителей» города.

— Почему вы избрали такой... нестандартный способ знакомства? — спросил Ричард, имея в виду непрошеное вторжение в свое жилище.

— О, это не из любви к дешевым эффектам, уверяю вас. Причины просты. Во-первых, срочность дела не позволяла медлить в ожидании урочного часа, и я решил навестить вас дома. А во-вторых, не хотелось привлекать внимание к своей, мягко говоря, заметной персоне, расхаживая по улице в ожидании вашего возвращения.

На взгляд Ричарда, доводы были так себе. К тому же мистер Крабб не потрудился придать своему тону даже малейшего оттенка сожаления. Но это уже не имело значения. Сыщик понимал, что вариантов у него не много. И хотя в висках уже зарождалось тихое гудение — предвестник скорой головной боли, которой он расплачивался за интенсивное использование сокола, он сказал:

— Хорошо. Чем могу быть полезен?

Крабб положил котелок на стол, словно только сейчас принял решение остаться и продолжить беседу.

— Вы должны найти похищенную сегодня у моего нанимателя вещь.

— Вам известны мои условия?

— Да, если за последнюю неделю они не изменились.

— Не изменились. Мне нужно детальное описание предмета, а желательно его изображение — литография, рисунок, дагеротип. И что-нибудь, с чем предмет соприкасался. Или кто-нибудь. Вы держали его в руках?

— Нет. Насколько мне известно, за последние тридцать лет к нему прикасался только хозяин. И, конечно, сегодняшний вор.

— Это плохо. Значит, без вашего нанимателя нам не обойтись.

Великан покачал головой. Откуда ни возьмись у него в руках оказалась маленькая, размером с табакерку, резная шкатулка из слоновой кости. Даже в слабом свете свечи Ричард увидел, насколько искусно она была сделана, как тщательно вырезался и шлифовался каждый дюйм ее поверхности. Уже сама по себе она была произведением искусства.

— Здесь хранилась украденная вещь. А вот ее изображение, — с этими словами Крабб достал из кармана пиджака сложенный в несколько раз листок бумаги.

Ричард зажег газовую лампу и склонился над рисунком. Он рассчитывал увидеть что-нибудь из «стандартного» набора грабителей: кольцо, кулон, брошь, серьги, подвеску, возможно, часы. Поэтому то, что предстало его глазам, удивило и в первое мгновение даже рассмешило.

Изображение было старым, бумага истерлась и запылилась на сгибах. Впрочем, рисунок, сделанный уверенной рукой хорошего художника, прекрасно сохранился. Если бы не обстоятельства этого странного заказа, мастер Пустельга решил бы, что над ним подшутили.

На листке была нарисована... мышь.

Присмотревшись к изображению внимательно, Ричард понял, что рисовали все же не животное, а, скорее, его скульптуру или, судя по размерам шкатулки, крошечную статуэтку. Мышь сидела

на задних лапках, сложив передние на груди так, что можно было различить каждый пальчик. Вздернутый носик и два больших верхних резца придавали ей смешной и настороженный вид.

Ричард бросил короткий взгляд на Крабба. Громила не вскакивал с хохотом и не спешил напялить на голову шутовской колпак. Он сидел, не шевелясь, и ждал, пока сыщик ознакомится с рисунком.

— Вы видели... этот предмет? — спросил Ричард.

— Нет. До сегодняшнего дня я даже не подозревал о его существовании. Рисунок и шкатулку мне дали несколько часов назад, одновременно с заданием найти лучшего сыщика.

Ричард открыл шкатулку. Внутри лежала ювелирная подушечка с углублением под украденный предмет. Судя по всему, мышь была величиной не больше мизинца.

Можно было приступить к поискам. Но сперва следовало пустить пыль в глаза бандиту и постараться избавиться от него на время поисков.

— Изделие выполнено из золота? — спросил он для начала.

— Нет.

— Из кости? Янтаря?

— Из какого-то металла. Точнее сказать не могу.

— Ладно, не существенно. Когда произошло похищение?

— Пропажа обнаружена сегодня, незадолго до полудня. Вчера вечером предмет был на месте.

— Какова предположительная стоимость предмета?

— Неизвестно. Ценность этой вещи не в стоимости, а в значимости для владельца.

— Вы проверили ссудные кассы и ювелиров? Возможно, краденое уже сбыли.

— Этим занимаются... мои коллеги. Но лишь для очистки совести. Мышь украли не для того, чтобы сдать в ломбард. Мой патрон убежден, что это сделал первоклассный профессионал, выполняя заказ. И наша задача выследить его до того, как он передаст похищенное заказчику.

— Почему вы думаете, что этого еще не произошло?

— Я так не думаю, но надеюсь на это. Сбежав, похититель должен чувствовать себя в относительной безопасности и может расслабиться. Ему нужен отдых, по моим данным, он провел два дня в неудобной позе без движения, ожидая удачного момента для кражи.

— Это... должно быть, нелегко.

— Уверяю вас, это весьма сложно. А ему еще встречаться с заказчиком, и для этого нужно быть в форме. Всякое ведь может случиться.

— У меня складывается впечатление, что вы знаете, кто исполнитель и кто заказчик.

— Специалистов такого класса, как сегодняшний вор, не много. И всех я знаю наперечет. Но искать их одновременно слишком тяжелая задача, поэтому я обратился к вам. Что касается заказчика, то у нас есть лишь предположения.

Ричард кивнул и закрыл глаза. Пульсирующая боль в висках нарастала, пряча за собой что-то важное. Что-то, на чем нужно сосредоточиться прямо сейчас, пока не стало поздно.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Я возьмусь найти вашу пропажу. Мой гонорар будет восемьдесят фунтов. Оплата по выполнению. Завтра с утра я приступлю к поискам. Рисунок и шкатулку оставьте у меня.

С этими словами он поднялся, давая понять гостю, что встреча закончена. Сэмюэл Крабб не пошевелился.

— Мистер Дрейтон, я совершенно точно уверен, что ясно обрисовал вам важность и срочность этого дела.

— Можете не сомневаться, я проникся...

— В таком случае вы должны понимать, что ни о каком «завтра» не может быть и речи. Вы отправитесь на поиски немедленно.

— Это не смешно, мистер Крабб. У меня был слишком длинный и тяжелый день, чтобы...

— Довольно разговоров! — перебил громила. — Собирайтесь.

— Вы сошли с ума?! — возмущенно воскликнул молодой человек. — По-вашему, я прямо сейчас могу отыскать эту вашу...мышь? Это же целая наука! Нужно собрать информацию, проанализировать и сопоставить тысячи мельчайших деталей, рассмотреть десятки вариантов. И делать это надо на свежую голову, чтобы не пропустить что-то важное...

— Не морочьте мне голову, мастер Пустельга, — с угрозой в голосе сказал бандит. — Я же сказал, что навел о вас справки. В прошлом году вы нашли печать лорда Гэдсхилла за три часа, хотя она оказалась у сбежавшего секретаря в опиумном притоне, который тот раньше никогда даже не посещал. Весной этого года ювелир ван Никкельбоккер заплатил вам сто пятьдесят фунтов, чтобы вы до заката дня отыскали для него похищенное неизвестными грабителями ожерелье ценой в полторы тысячи гиней. Продолжать можно долго. Я не знаю вашего метода, и мне наплевать — пусть вам помогает хоть сам сатана, но мне точно известно, что при желании вы можете найти пропажу очень быстро. Именно это от вас сейчас и требуется. В награду вы получите пятьсот фунтов и кое-что посерьезнее денег — покровительство могущественного человека. Но если вы откажетесь...

Он демонстративно умолк, и это молчание весьма красноречиво намекало на широту его полномочий в случае отказа.

— Как с вами связаться? — спросил Ричард, чувствуя, как под напором воли гиганта осыпаются валы его оборонительных рубежей.

— Никак. Я поеду с вами.

Ричард сдался.

— Оставьте меня на несколько минут, — сказал он. — Мне нужно собраться с мыслями... и вообще собраться.

Посланец неведомого заказчика наконец поднялся.

— Жду вас на улице. Экипаж подадут к двери.

Ричард остался один. С минуту он продолжал сидеть в кресле, массируя виски и пытаясь поймать тень мысли, промелькнувшую на краю сознания во время разговора с ужасным мистером

Краббом. Но тщетно. Оставалось сосредоточиться на более насущных проблемах.

Ричард сжал в одной руке шкатулку, а в другой, как обычно, сокола. Несколько мгновений озноба, и он почувствовал себя летящей птицей. Глаза его оставались открытыми, Ричард видел комнату вокруг себя, догорающую свечу, лампу на столике у камина, но другим, *соколиным* зрением, он увидел совсем иное. Это была темная фигура, лежащая в странном гамаке, натянутом между балками на чердаке заброшенного дома в Ист-Энде. Человек спал, не снимая сапог, наполовину прикрытый плащом. А в кармане его куртки пульсировала огненным светом мышь.

Вот она! Та самая заноза в сознании, что не давала покоя с того момента, как он увидел рисунок! Фигурка мыши размерами и техникой исполнения так походила на сокола, как похожи оловянные солдатики из одной подарочной коробки. Ричард мог поклясться, что предметы сделал один мастер.

Сколько себя помнил, он стремился понять, что такое сокол, смутно догадываясь, что он не единственный в своем роде. На заре карьеры он обращался к ювелирам и антикварам, пытаясь определить происхождение фигурки. Но ничего не вышло. Антиквары пожимали плечами, а ювелиры хмурили брови и предлагали оставить вещицу «для опытов» — их больше интересовал материал. Но Ричард не мыслил себя без сокола. Отдать его — все равно что лишиться глаз.

И вот сейчас появилась реальная возможность приоткрыть завесу над тайной. К нему обратился человек, дорожащий похожим предметом так же сильно, как мастер Пустельга — соколом. Возможно, ему что-то известно. Правда, хозяин мыши действует через посредника, оставаясь в тени, и встретиться с ним будет непросто. Но нет ничего невозможного.

Ричард приободрился, даже боль в висках отступила. Он наскоро привел себя в порядок возле умывальника, переоделся и разобрал походную сумку. Наряд молочницы и тряпье мусорщика он выложил, а форму констебля после недолгих колебаний

решил оставить. Из комода он вынул еще два туго свернутых комплекта одежды и сложил сумку. Прихватив напоследок теплый дафлкот с капюшоном, Ричард вышел из дома.

Лил дождь. Где-то вдалеке, над Лондоном, гремел гром, время от времени темноту ночи пронзали молнии. Сэмюэл Крабб стоял у калитки, спокойный и неподвижный, как изваяние. Неподалеку, укрытый низкими ветвями липы, поджидал большой четырехколесный кеб, запряженный парой лошадей. На козлах сидел кучер и, казалось, спал.

— Куда поедем? — спросил Крабб, как будто речь шла всего лишь о том, где бы скоротать ночь двум скучающим джентльменам.

— В Ист-Энд.

— Вы уверены?

— Если у вас есть другие предложения, я с удовольствием их выслушаю, — холодно ответил мастер Пустельга.

Громила вполне серьезно покачал головой, словно не заметил сарказма, и больше вопросов не задавал. Он открыл дверцу экипажа, пропуская спутника вперед. Эта повозка была гораздо просторнее того кеба, в котором сыщик путешествовал с утра, и в ней легко поместилось бы три нормальных человека. Но когда рядом с Пустельгой сел огромный Крабб, внутри сразу стало тесно. Вдобавок ко всему обнаружилось, что дверь со стороны сыщика заколочена, видимо для того, чтобы пассажиру не пришлось в голову выпрыгнуть на полном ходу. Он почувствовал себя арестантом. Впрочем, передняя стенка имела окно, через которое можно было следить за дорогой и давать указания извозчику.

Путь предстоял дальний, и стоило попытаться выспаться, но Пустельгу захватил азарт охоты. Ему уже самому не терпелось найти мышь, подержать ее в руках, ощутить пульсацию жизни в ее металлическом теле.

Но была и более важная задача — заставить поверить спутника, что сегодняшняя находка — это результат не чудесного наития, а серьезнейшей аналитической работы.

Стараясь сделать это незаметно, он сунул руки в карманы пальто, нащупал шкатулку и сокола и всмотрелся в фигуру похитителя. Тот лежал все в той же позе, уверенный в собственной безопасности и не подозревающий, что по его следу идет лучшая ищейка Лондона. Голова и лицо человека были прикрыты странной шапочкой-маской с прорезями для глаз, как будто он опасался быть узнанным голубями и летучими мышами, расположившимися вокруг. Рядом с ним мастер Пустельга разглядел висящий на соседней балке пояс с десятком маленьких чехольчиков, из которых торчали рукоятки ножей. Похититель был не простым вором, это сыщик уже понял. Но кто он? Крабб, кажется, утверждал, что знает всех умельцев в этой области. Ну что же...

— Мистер Крабб, расскажите мне о людях, способных проверить это дело.

— Что именно вы хотите знать?

— Любая информация может оказаться полезной. Вы говорили, таких мастеров не много?

Гигант покачал головой.

— Я бы сказал, что с задачей такого уровня справиться практически невозможно. Место, где хранился предмет, охранялось лучше, чем Букингемский дворец. И это не фигура речи, мастер Пустельга, резиденция моего патрона охраняется действительно лучше.

— Тем сильнее это сужает круг подозреваемых, не так ли?

— Несомненно. И если бы у меня было время, я сам справился бы с поисками. Но мой хозяин настаивает на незамедлительном возвращении мыши. И ваша помощь именно в этом будет оценена по достоинству.

— Итак, кто, по-вашему, мог совершить невозможное?

— Я знаю только двоих таких специалистов.

— Кто же они?

— Первый — Джимми Сквозняк. Вор экстра-класса, профессионал-одиночка. Много лет обучался искусству йоги у индийских мастеров. Гибкий и быстрый, как змея, способен пролезть

между спицами каретного колеса на полном ходу. Невероятно силен и вынослив, несмотря на преклонный возраст и скромную комплекцию. Нужно признать, кража такого масштаба ему была бы по силам, но я не верю, что он решится грабить... моего шефа. Он человек старой закалки, и не представляю, какой барыш ему нужно было посулить, чтобы заставить отказаться от принципов. К тому же он прекрасно осознает смертельный риск этого предприятия.

Пустельга не видел лица человека в гамаке и не мог судить о его возрасте. Но комплекцию похитителя он не назвал бы скромной. Впрочем, рядом с Краббом любой человек выглядит карликом. Нужны были уточняющие вопросы.

— Он носит оружие?

— Не волнуйтесь, вам ничего не угрожает. Во всяком случае, отбирать предмет у вора не понадобится. Этим займусь я.

— Я не волнуюсь, — ошетинился мастер Пустельга. — Мне нужен точный психологический портрет похитителя.

— Он мастер скрытного проникновения и обычно в оружии не нуждается. Но использовать в качестве оружия подручные средства Сквозняк умеет виртуозно.

— Ясно. Кто второй?

— Вторая. Это женщина, Гуттаперчевая Пэт. Бывшая циркачка — жонглерка и акробатка. Чертовски ловкая и везучая воровка. Отчаянная до безрассудства, способна на любую авантюру и не боится ничего на свете. Она успела перейти дорогу многим по обе стороны закона. И Скотланд-Ярд, и кое-кто из воровского мира охотятся за ней уже много лет. Но она не работает на заказ, насколько мне известно. Крадет только то, что считает нужным.

Человек на крыше определенно не был женщиной. Но Пустельга на всякий случай уточнил:

— А оружие?

— Да. Носит револьвер, который охотно пускает в дело. Если вас интересует мое мнение — она абсолютно безумна.

— Понятно. Еще кого-нибудь подозреваете?

— Нет.

Дело принимало сложный оборот. Мастеру Пустельге уже доводилось работать с клиентами, которые настаивали на своем обязательном участии в поимке похитителя. И всякий раз им оказывался кто-то из ближнего окружения, кого сыщик сразу «вычислял», перебирая знакомых жертвы и незаметно подталкивая ее к «правильному» ответу. Но на этот раз подозреваемые кончились раньше, чем он опознал преступника.

— Вы уверены? Любые предположения, даже самые невероятные, пригодятся.

Крабб, впервые с момента их знакомства, позволил себе кривую улыбку.

— Во всем, что касается преступного мира Лондона, можете считать меня экспертом. Я уверен, что больше никто из живых специалистов не мог этого сделать.

— Из живых?

— Да, я имел в виду — из ныне здравствующих.

Мастер Пустельга промолчал, глядя в темноту за окошком кареты. На улице шелестел настоящий октябрьский дождь — унылый и бесконечный. Именно для таких вечеров предки придумали камин, бренди и трубку.

— Но если уж вас интересуют «самые невероятные» версии, то был один человек... Ныне покойный.

— И у него тоже была диковинная кличка?

— Можно и так сказать. Его звали Крылан, но настоящего имени не знал никто.

— Крылан — это ведь какая-то летучая мышь?

— Верно. Те немногие, кто был знаком с ним, считали его и вправду наполовину летучей мышью — вампиром.

— Это же дикость!

Крабб пожал плечами.

— Вы не знали его.

— А вы?

— Лучше, чем многие другие, но это почти ничего не значило. Он был действительно очень странным и загадочным человеком. Например, предпочитал жить на чердаках, носил плащ странной конструкции — в нем были стальные спицы вроде зонтичных, — и я сам видел, как однажды, расправив этот плащ, он спрыгнул с четвертого этажа и даже не ушибся. Он виртуозно владел веревками с крючьями и скакал по крышам, что твой кузнецик. А еще он не признавал кроватей и спал в гамаке...

— В гамаке? — Мастер Пустельга встрепенулся.

— Подвешивал сетку в своем логове и в ней отдыхал.

— Но зачем?

— Откуда мне знать. Не любил землю и все время старался забраться повыше.

— Действительно, очень странный человек.

— Вот и я о том. Конечно, никакой он был не вампир, а просто очень ловкий сукин сын. Драться, прятаться и убивать научился у китайцев, а плащ-зонт сделал на заказ у одного механика из Оксфорда. Крючья и ножи для него ковал кузнец из Лаймхауза. Как видите, про всякого, даже самого загадочного человека можно собрать информацию, было бы время.

— Он пользовался ножами? — Пустельга уже не сомневался, что опознал похитителя.

— Метательные ножи — его конек. Управлялся он с ними великолепно.

— Вы сказали — он умер. Это проверенная информация?

— Безусловно. Я сам присутствовал при его гибели.

Мастер Пустельга посмотрел *соколиным* взглядом на человека в гамаке. «Умерший» Крылан как раз в этот момент завозился, переворачиваясь на другой бок.

— Расскажите, как это было.

Крабб задумался, прикидывая, какую часть истории можно рассказать спутнику.

— Четыре месяца назад я лично сжег дом, в котором он находился.

— Ого! — По спине сыщика пробежал холодок. — Не будет бестактным спросить — почему?

— Это важно для вашего расследования?

— Да, — твердо ответил Пустельга.

Громила поиграл желваками. Этот, без сомнения умный, несмотря на свои габариты и внешность, человек, конечно, получил приказ всеми силами содействовать поискам. Но ему было трудно понять, какое отношение к делу имеет давно протухший покойник.

— Он был первоклассным специалистом — убийцей и воров в одном лице. Это сочетание очень редкое, что бы ни думали обыватели. Редко в ком совмещаются два таких разных таланта в столь идеальных пропорциях.

Мастер Пустельга кивнул, не зная, как еще прокомментировать этот сомнительный комплимент в адрес преступника. Крабб продолжил:

— Его услуги пользовались хорошим спросом и стоили немало. В конце концов он стал слишком... независим. И однажды отказал в просьбе моему патрону. История получила огласку, а такой поворот событий совершенно недопустим и губителен для репутации. Я выслеживал его три месяца и, когда нашел, сжег вместе с домом, где он обитал в тот момент.

Сыщик ошарашенно молчал. Сжечь человека заживо только за то, что он отказался выполнить твою просьбу, — это было ужасно. Какая же участь ждала его, Пустельгу, откажись он сотрудничать с этим чудовищем — Краббом? И что ожидает его теперь? Скрывая волнение, он спросил:

— А вы уверены, что Крылан не сбежал из пожара?

— Труп сильно обгорел, но плащ со спицами был вполне узнаваем.

— Но если бы все же ему удалось скрыться, кто может знать об этом?

Сэмюэл Крабб больше не скрывал своего удивления и раздражения.

— Какого черта вы об этом спрашиваете? Я видел его своими глазами, и он был мертв!

— Я в этом не уверен! — как можно тверже ответил Пустельга.

— Глупости. Ну, есть один писака, с которым он снюхался. Работает директором театра «Лицеум», фамилия его — Стокер. Но театр сейчас на гастролях в Эдинбурге, так что тут ловить нечего.

— Понятно. Я, с вашего позволения, буду исходить из того, что Крылан мог выжить в пожаре, а вместо себя подсунул вам чужой труп в приметном плаще. В романах такое случается сплошь и рядом.

— Глупости, мы с вами не в романе.

— Это как сказать... Поскольку ваша акция была показательной, то вы потрудились сообщить всем заинтересованным, кто и почему устроил тот пожар, ведь так?

— Именно.

— Значит, если он остался жив, у него появляется очень серьезный мотив для кражи — месть.

— Но с его умениями он мог и убить патрона.

— Мсть подразумевает мучения, именно этого он добивается. — Пустельга все больше воодушевлялся этой идеей. — Послушайте, может быть, никакого заказчика вовсе не существует, а есть только Крылан.

— Заказчик есть, — сказал великан, но нотки неуверенности уже закрались в его голос.

Пустельга пожал плечами. Ему было все равно, но он, конечно, не стал говорить этого вслух. Молчание длилось не долго, мистер Крабб решил все же уточнить:

— Значит, мы ищем Крылана?

— Я ищу похищенное имущество, — дотошно поправил мастер Пустельга. — Но у меня есть все основания полагать, что оно у таинственного «покойника» Крылана.

По выражению лица Сэмюэла Крабба было трудно понять, о чем он думает. Все свои сомнения он уже высказал и спорить дальше не стал.

В молчании они проделали остаток пути до Лондона и наконец въехали в Ист-Энд. Была уже глубокая ночь. Продолжал лить дождь, и людей на улицах в этот поздний ненастный час почти не было, только зыркали из проулков лихие личности да жались к стенам продажные девки в надежде на шальной заработок. Громкие крики раздавались лишь из дешевых питейных заведений, в изобилии расплодившихся в кварталах городской бедноты.

Мастер Пустельга остановил кучера у первого попавшегося дома по Грин-стрит. Свет в окнах не горел: местные жители предпочитали не тратиться на свечи и газ.

— Выйдем тут.

Крабб без лишних вопросов вышел из экипажа. Сыщик выбрался следом, накинув на голову капюшон. К ним присоединился и кучер, почему-то не пожелавший остаться на козлах.

— Нам сюда? — с сомнением спросил гигант.

— Да, на чердак этого дома. Тут идеальное место для логова такого человека, как вы описали.

Крабб покачал головой, но двинулся к парадному. С собой он захватил здоровенный револьвер и полицейский фонарь «бычий глаз» с заслонкой. Кучер, не проронивший за время поездки ни слова, молча пошел следом за бандитом. Мастер Пустельга остался стоять у входа. Парочка отсутствовала долго, прошло не меньше получаса, прежде чем они вернулись. Одежда громилы была в пыли, к плечу пристал клочок паутины. Возница, все такой же безмолвный, влез на козлы, а Крабб задержался.

— Если вы решили морочить нам голову, — сказал он негромко и будто бы спокойно, — то советую еще раз серьезно подумать.

Пустельга разыграл удивление, надеясь, что это получилось у него хорошо.

— Как, вы ничего не нашли? Странно, по всем признакам он должен быть именно здесь. Что ж, придется наведаться еще в парочку мест.

Пустельга развел руками. В этот момент прямо над ними одна за другой сверкнули несколько молний. На мгновение стало светло как днем, и мастер Пустельга успел заметить, как гнев в глазах Сэмюэла Крабба на миг сменился испуганным замешательством. Ударил гром, да так сильно, что показалось, будто вздрогнула земля.

Крабб приблизил лицо к самому носу мастера Пустельги.

— У вас разные глаза! — сообщил он не своим голосом.

— И что? Гетерохромия — явление медицинское, давно изученное. Вы ведь не считаете меня колдуном?

Громила пропустил издевку мимо ушей.

— Я знаю только одного человека с такими глазами...

— И кто это?

— Не важно. — Крабб уже взял себя в руки. — Куда мы направимся теперь?

— На Антилл-роуд.

Это было совсем рядом, но терпение великана быстро истощалось, и мастер Пустельга понимал, что долго играть в кошки-мышки с таким человеком, как Крабб, опасно. Однако привести его сразу к похитителю было бы еще опаснее. Столь наглядная демонстрация сверхспособностей вызвала бы множество лишних вопросов.

У невысокого облезлого дома на Антилл-роуд мизансцена повторилась. Вновь Крабб с возницей проникли внутрь, а сыщик остался дожидаться на улице. И так же, как прежде, бандиты вернулись ни с чем. Одного взгляда на Крабба было достаточно, чтобы понять — больше тянуть нельзя.

— Остался последний вариант, — с самым озабоченным видом, на какой он только был способен, произнес мастер Пустельга. — Едем на Хардингтон-стрит.

Это было всего в двух шагах. Кеб затарахтел по пустынным улицам и спустя немного времени подъехал к мрачному старому дому. Ему было лет двести, и в годы своего расцвета дом, должно быть, служил обиталищем богатого семейства. Он возвышался

над окружающими строениями, как господская усадьба над крестьянскими хижинами. Две башенки, пристроенные, судя по всему, при Георге III, делали его похожим на средневековый замок. Стены дома и башен почти до самой крыши заросли диким виноградом, стрельчатые окна были забраны решетками, лишь круглое чердачное окно зияло пустотой.

Сейчас этот дом был почти необитаем, хозяева забросили его, перебравшись в более фешенебельный Мэрилебон. И лишь на чердаке под крышей жил человек.

Молодой сыщик вполглаза наблюдал за похитителем. Когда экипаж остановился неподалеку от его пристанища, тот пошевелился и приподнял голову, прислушиваясь. Что это было — невероятное чутье или просто случайность, мастер Пустельга не знал. Но если то, что рассказывал о нем Крабб, — правда, то врасплох его застать не удастся.

Пустельга, поколебавшись, тронул громилу за плечо.

— То, что вы ищете, — в этом доме, — серьезно сказал он. — Больше ему быть негде, и я уверен, что мои расчеты верны. Но добровольно мышь вам не отдадут. Будьте осторожны.

Если великан и сомневался, то виду не подал. Он выбрался наружу и пошел к особняку. Следом за ним тенью скользнул возница. Пустельга оставался в кебе, пока оба спутника не вошли в дом. Как только они скрылись из виду, он покинул экипаж и пустился следом.

Замок на дверях был сломан, а сами створки приоткрыты. В доме пахло плесенью и мышами. Одно время в нем, видимо, жили нищие — прямо в холле были раскиданы какие-то тряпки, пучки полусгнившей соломы, обломки древней рухляди. Открывшаяся глазам картина напоминала разметанные хищником гнезда неведомых гигантских птиц. Что-то заставило обитателей покинуть это место. Что-то или кто-то.

Стоя в холле, Пустельга вновь искал фигурку мыши соколиным зрением. Как он и предполагал, врасплох застать похитителя не удалось. Тот уже покинул гамак и затаился на одной

из балок просторного чердака. При этом он умудрился не потревожить спящих в шаге от него голубей. Мышь была с ним, Пустельга видел и чувствовал ее так же хорошо, как если бы держал в руках. А где-то в глубине дома, ступенька за ступенькой, за добычей поднимались охотники.

Мастер Пустельга, стараясь создавать поменьше шума, двинулся по лестнице вверх. Сыщик сам не мог до конца понять, что заставляло его идти навстречу этому опасному человеку — убийце и вору Крылану. Желание увидеть мышь, прикоснуться к ней? Шанс приоткрыть завесу собственной тайны?

Он добрался до второго этажа, когда наверху раздался выстрел. В следующий миг Крабб взревел:

— Слева! Он там!

Самым разумным было бы переждать схватку на лестнице. При всех своих талантах мастер Пустельга не чувствовал себя готовым схватиться в темноте с тремя отъявленными душегубами. Но все то же жгучее желание увидеть мышь своими глазами толкало его вперед. Он бросился вверх по лестнице, не обращая внимания на скрип и треск ступеней под ногами.

На чердаке тем временем события развивались с бешеной скоростью. Выстрелы гремели один за другим, слышался топот башмаков по перекрытиям. Пустельга был уже у дверей на чердак, когда благоразумие взяло верх. Он остановился и заглянул в приоткрытую дверь. Неподалеку от входа лежал «бычий глаз», видимо, брошенный Краббом в первые же мгновения схватки. Его узкий луч пронзал темноту, но ни одна из сторон не была настолько беспечной, чтобы оставаться на свету. Только всполошившиеся птицы метались в замкнутом помещении, внося сумятицу и поднимая облака пыли и перьев.

В двери торчал нож. Мастер Пустельга даже не сразу понял, что это такое: лезвие почти по рукоятку ушло в дверное полотно. И только всмотревшись, сыщик узнал его — это было оружие с пояса Крылана. С какой же силой нужно было его бросить, чтобы он так глубоко оказался в толстой доске! Да, этот

«покойничек» мог за себя постоять. Нож вонзился точно на уровне лица взрослого человека.

У вора было преимущество: он слышал скрип на лестнице и подготовился к визиту. К тому же он был на своей территории. Но его бросок пропал втуне — реакция нападающих превзошла его ожидания. Тот, кто вошел на чердак первым, увернулся от ножа и открыл ответный огонь.

Пустельга изо всех сил вглядывался в темноту, не рискуя отвлекаться на *соколиное* зрение. Очередной выстрел в дальнем углу на какой-то миг осветил поле боя. Сыщик успел увидеть тень в широком плаще, висящую на балке вниз головой, словно летучая мышь. Попал стрелок или нет, было не ясно, но выстрел выдал его самого. Судя по габаритам, это был молчаливый возница. Пустельга услышал свист стали и тупой удар. Возница застонал и еще дважды выстрелил в висящую фигуру. Но Крылана там уже не было. С тихим шорохом он переместился куда-то вверх под самую крышу.

Наступило короткое затишье. В углу возился раненый кучер, под крышей скользил по балкам Крылан. Ничем себя не выдавал только мистер Крабб.

И тут молодой сыщик допустил ошибку, едва не ставшую роковой. Затаив дыхание, он вошел внутрь. Желая узнать, где прячется похититель, левой рукой он нащупал в кармане пальто шкатулку, а правой привычно сжал сокола. И сразу *увидел*. Мышь лежала все там же, в кармане похитителя. Крылан сидел на корточках на тонкой балке, придерживаясь рукой за соседнюю, а его несуразный плащ свешивался вниз, словно павлиний хвост. Вытянув шею, он вглядывался в темноту внизу, и сыщику показалось, что этот взгляд упирается прямо в него. Конечно, видеть он ничего не мог, но на слух ориентировался безупречно. Медленно и бесшумно Крылан потянул метательный нож из пояса, перехватил его за лезвие и... бросил прямо в мастера Пустельгу.

Сыщик упал на пол, чудом избежав смерти. Нож вонзился в дверь, точнехонько там, где только что было его горло. Перебирая

локтями, он быстро отполз под прикрытие ближайшей опоры и там затаился.

Дождь на улице прекратился, из-за туч выглянула луна. Ее серебристый свет проник на чердак через дыры в крыше, и мастер Пустельга внезапно увидел Крабба в двух шагах от себя. Гигант, не шевелясь, стоял у соседней опоры и даже как будто не дышал. Чердак словно вымер: успокоились птицы, затих раненый или убитый возница. Молодой сыщик мог поклясться, что похититель замер там, где он его в последний раз видел: из-под крыши не донеслось ни малейшего шороха. Но внезапно черный силуэт возник прямо над головой Крабба.

Несмотря на абсолютно бесшумные движения Крылана, Сэмюэл Крабб все же что-то слышал. Он резко дернулся в сторону, одновременно паля из револьвера вверх. В правом плече у него торчал нож, но стрелку, это, похоже, нисколько не мешало. После очередного выстрела щелкнул курок — в оружии кончились патроны. Револьвер полетел в сторону, а Крабб, не глядя, подхватил поломанный табурет, валявшийся под ногами, и мощно метнул его в темноту.

Судя по звуку, импровизированное оружие попало в цель. Из-под крыши прямо в луч «бычьего глаза», вниз головой упал человек. Падение завершилось в нескольких дюймах от пола — захлестнутая на ноге веревка удержала Крылана на весу. Крабб бросился к противнику, вооружившись неведь откуда взявшимся крокетным молотком. Но вор не терял времени — изогнувшись, как кошка, он схватился за веревку и начал стремительно подниматься в спасительную тьму. Он успел бы скрыться, если бы не рост громилы Крабба. Похититель был уже в десяти футах от пола, когда удар деревянным молотком сбросил его на пол. В петле одиноко повис сапог.

Молоток сломался, и в руках у великана осталась лишь часть рукоятки. Не теряя времени, Крабб нанес чудовищный удар ногой по... пустоте. Там, где только что лежало тело похитителя, лишь взметнулось облако птичьих перьев. Сам Крылан, несмотря

на падение и удар, не потерял прыти. Отпрянув от пинка, он крутнулся на спине и угодил ногой в голень противник. Крабб грохнулся на спину с такой силой, что пол заходил ходуном под ногами у Пустельги. Вновь всполошились под крышей притихшие было голуби.

Ножей у Крылана больше не было, но в руках откуда ни возьмись появилась длинная стальная нить. Не успел гигант подняться, как он прыгнул ему на грудь, набросил на шею нить и попытался стянуть ее на горле. Но не тут-то было. Сокрушительный удар в правый бок отбросил его прочь. Орудие убийства осталось болтаться на шее Крабба. С неожиданным для своей комплекции проворством тот вскочил на ноги. Одним прыжком преодолев расстояние до противника, он схватил его двумя руками за лацканы плаща и швырнул в ближайшую стойку.

Деревянная опора треснула, а человек осел под ней, на секунду потеряв сознание. Времени, чтобы прийти в себя, ему не дали, вновь оказавшийся рядом Крабб поднял соперника на ноги и ударил в лицо кулаком. В последний момент Крылан попытался увернуться, и отчасти ему это удалось — удар пришелся вскользь, и кулак великана, продолжая движение, обрушился на стойку. Толстая деревянная опора окончательно сломалась. На головы дерущимся посыпались куски черепицы.

Любой другой на месте Крылана уже давно лишился бы сознания, а то и жизни. Но этот человек обладал невероятной живучестью. Пока Крабб тряс ушибленным кулаком, он сбросил плащ, а из его складок выхватил два тонких металлических прута. Гигант медленно потянул из плеча нож. На лице его при этом не дрогнул ни один мускул.

Враги бросились друг на друга одновременно. Одним из прутьев Крылан явно метил в глаз Краббу, но тот умудрился увернуться, и сталь лишь порвала щеку. Зато другое орудие вонзилось в грудь гиганта, и его кончик, обогранный кровью, вышел из спины. В тот же момент маленький метательный нож погрузился в живот похитителя.

На несколько секунд противники застыли, сверля друг друга ненавидящими взглядами, а потом Крылан медленно осел. Невероятно, но Крабб остался стоять над поверженным врагом. Спица из плаща неуловимого преступника оставалась в его теле, и мастер Пустельга, стоя буквально в трех шагах от него, видел, что кровь капает с обеих ее концов.

Через несколько секунд Крабб покачнулся и упал на одно колено. Пустельга думал, что он сейчас завалится рядом с убитым врагом, но раненый великан не спешил умирать. Он склонился над телом похитителя и здоровой рукой обыскал его. В кармане он нашел то, за чем пришел. С трудом поднявшись на ноги, мастер Крабб медленно зашаркал к чердачной двери.

Фигурка мыши так быстро исчезла его огромном кулаке, что Пустельга не успел рассмотреть ее как следует, но сомнений у него уже не оставалось, он знал — эта вещь сродни соколу. Он должен был увидеть ее! Сыщик сделал шаг к Краббу, намереваясь попросить его показать находку, но в этот момент зашевелился Крылан.

Он приподнялся на локте, в его руке оказался тройной крюк на тонкой веревке. Не видя этого, Крабб шаг за шагом приближался к двери. Коротко размахнувшись, вор метнул свое оружие в великана. Крюк пролетел над самым плечом жертвы и вдруг, повинаясь резкому рывку твердой руки, рванулся назад. В одно мгновение горло Крабба распахнулось зияющей раной. Кровь хлынула мощной струей.

Страшнее всего было то, что раненый бандит даже не попытался остановить ее. Вместо этого он развернулся и ринулся на лежащего врага. Оказавшись рядом, он схватил вора за голову и резким движением свернул ему шею.

Сил на то, чтобы встать, у Крабба уже не оставалось. Он упал на спину, истекая кровью.

Мастер Пустельга наконец стряхнул с себя оцепенение и побежал к умирающему гиганту. Он ясно видел, что помочь спутнику ничем не сможет, но все же заставил себя склониться над истекающим кровью убийцей.

Крабб был буквально в шаге от встречи с Всевышним, но думал, как видно, совсем о другом. Раненой рукой он вцепился в плечо сыщика и заставил его нагнуться к самому своему лицу.

— Глаза! — отчетливо сказал он перед тем, как кровь из пробитого легкого вспенилась у него на губах.

Пустельга промолчал, не зная, как ответить на эту странную реплику. Крабб собрался с силами и прохрипел последнее слово в своей жизни:

— Возвращаю...

Он нащупал свободной рукой ладонь сыщика и вложил в нее маленький предмет.

Через мгновение мистер Сэмюэл Крабб был мертв.

ГЛАВА 3

Мышь была именно такой, какой мастер Пустельга ее себе и представлял. Увесистая для своих габаритов, сделанная из того же металла, что и сокол, она в точности повторяла собственное изображение. В первый момент Ричарду даже почудилось, что он чувствует вибрацию фигурки, какую он ощущал при контакте с соколом. Но это был самообман, волшебного слияния с предметом, на которое он втайне рассчитывал, не произошло. Мышь оставалась глуха к прикосновению сыщика.

Ричард решил продолжить знакомство с фигуркой в более подходящем месте, нежели пыльный чердак с двумя мертвыми преступниками. Он спрятал мышь в шкатулку и первым делом решил выяснить судьбу третьего участника ночного столкновения. Подобрал «бычий глаз», он направился на поиски возницы.

Несчастный умер, забившись в самый дальний угол чердака. Он сидел, привалясь спиной к стене, и из груди его, словно два диковинных рычага, торчали рукоятки ножей. Револьвер валялся рядом, но трогать его сыщик не стал.

Оставаться дальше в этом угрюмом доме не имело смысла. Ричард покинул чердак и плотно закрыл за собой скрипучую дверь. Спускаясь по лестнице, он размышлял о том, как долго пролежат там, в пыли и сырости, среди птичьего помета и перьев, эти трое смертельных врагов, прежде чем кто-то обнаружит их бранные тела.

Ему не впервой было иметь дело с трупами, но само зрелище жутких убийств было шокирующим. Подходя к экипажу, Ричард с трудом совладал с приступом запоздалой тошноты. Крупная

дрожь била его, когда он садился на место погибшего всего несколько минут назад возницы. Он устроился на козлах и взял в руки поводья. Масло в фонарях на кебе давно прогорело, и экипаж покинул Хардингтон-стрит по дороге, освещаемой лишь грязно-желтой луной.

Оправившись от потрясения, молодой сыщик задумался над тем, как быть дальше. Первым делом стоило позаботиться о ночлеге — возвратиться в Клойстергэм в это время было совершенно невозможно. Поезда начнут ходить только утром, а ехать на кебе было бы и вовсе безумием — ночью он мог легко заблудиться, не говоря уже о том, что сил для многочасовой поездки больше не оставалось.

Да и вообще с возвращением домой стоило повременить. Если его смог найти Крабб, нельзя исключить, что вскоре могут объявиться и новые гости — в поисках самого Крабба. А мастер Пустельга еще не был готов удовлетворить их любопытство касательно печальной участи великана. Он решил переночевать в съемных номерах, а утром составить план дальнейших действий.

В укромном дворике близ какой-то церквушки он бросил экипаж. Пешком добрался до гостиницы, где, прежде чем получить номер, ему пришлось растолкать спящего портье. Комната, снятая за три шиллинга, была обставлена скудно — кровать, пара стульев и шкаф для вещей. Но она вполне устроила измотанного сегодняшними приключениями Ричарда. Сначала утренний «маскарад» и сбор пропавших вещей, затем встречи с заказчиками, неожиданный визит Крабба и под конец жестокая драка с тройным убийством — такое утомит любого.

Ричард Дрейтон повалился на кровать и уснул, даже не подумав раздеться.

Проснулся он поздним утром. На лондонских улицах уже всю кипела дневная жизнь. Грохот омнибусов по брусчатке, скрипящие немзыкальные трели старой шарманки, полицейские свистки, зазывные выкрики старьевщика и скорбные монотонные

причитания нищих — все эти звуки обрушились на сыщика, едва он раскрыл маленькое окошко.

Ричард позвонил в колокольчик, и на зов явился гостиничный служка. Сыщик потребовал завтрак и газету. Вскоре яичница с гренками, кофе и «Дейли телеграф» были на столе, а довольный хорошими чаевыми мальчишка убежал за горячей водой и полотенцем.

Перед завтраком Ричард просмотрел газету. Его интересовал в первую очередь раздел криминальной хроники. Сыщик немного опасался, что события, свидетелем которых он вчера невольно стал, уже известны полиции. Но о бойне на Хардингтон-стрит не было ни строчки.

Зато первые полосы были посвящены чудовищным по своей жестокости убийствам в Уайтчепеле. Опять вышел на свою кровавую жатву Джек Потрошитель, о котором с дрожью в голосе шептались последний месяц в каждой лондонской гостиной. В ночь на тридцатое сентября он убил сразу двух женщин — на площади перед Большой Синагогой и на Бернер-стрит. Статья была буквально пропитана ужасом и паникой, журналист призывал добропорядочных граждан запереться дома и ждать, пока доблестная полиция схватит монстра.

Возвратился служка с кувшином горячей воды, тазиком, мылом и полотенцем. Бросив взгляд на газету, он спросил:

— Читали, что творится, мистер Дрейтон?

Ричард кивнул, не желая затевать разговор. Он закатал рукава и подставил ладони под струю. Но парнишка не отставал:

— Точно, как в восьмидесятом — Голем из Лаймхауза. Сам я мальцом был, но мне матушка рассказывала — так зверюга людей резал, что и собрать потом не могли.

Ричард помнил. Он сам, в ту пору еще мальчишка, работал уличным продавцом газет и выкрикивал, срывая голос: «Кровавая резня в Лаймхаузе! Свежие подробности! Число жертв растет! Голем опять взялся за нож!» Об этих и других убийствах он вопил чуть ли не каждое утро. Простые лондонцы очень удивились

бы, узнав, сколько преступлений совершается каждый день на улицах Вечного Город, а — они так привыкли к голосам мальчишек, что уже не слышали за громкими криками смысла. Только продавцы газет знают страшную тайну — кто-то постоянно умирает на ночных улицах, и не самым приятным образом.

Не дождавшись ответа, служба умолк. Постоялец попался неразговорчивый, но это его не очень огорчило, главное, что щедрый.

Ричард позавтракал, дождался, когда посуда будет убрана и он останется один, после чего выложил на стол обе фигурки. Сокол и мышь были похожи, как два предмета из одного сервиза. Последние сомнения в том, что они являются частями некоего набора, рассеялись в лучах солнца. Логично было предположить, что мышь, так же как и пустельга, дает обладателю некую полезную способность. Но какую?

Он сжал в кулаке фигурку грызуна, закрыл глаза и мысленно потянулся к предмету, как делал это с соколом. Но ничего не произошло. Артефакт оставался холодным и никак не откликался на попытки установить с ним контакт. Чего-то не хватало, Ричард чувствовал, что есть какое-то дополнительное условие, как при работе с соколом. Но какое это условие, он пока не знал, поэтому решил отложить попытки «разговорить» загадочный предмет до лучших времен. А пока стоило поразмыслить, что делать дальше.

Крабб мертв, и заказчик остался неизвестным. Его следовало разыскать во что бы то ни стало. Для этого у Ричарда было по меньшей мере две причины. Во-первых, долг джентльмена повелевал ему завершить дело, за которое взялся, — найти предмет и вернуть его хозяину. А во-вторых, Ричард понимал — если он не поторопится с поисками хозяина, тот найдет его первым, и тогда их встреча может окончиться весьма трагично. Судя по манерам Крабба, его сначала убьют, а уж потом отнимут предмет у трупа.

Но как узнать, кто он, загадочный владелец мыши? Несмотря на род своих занятий, Ричард не мог похвастаться тесными знакомствами в криминальной среде Лондона. Ему не нужны были

осведомители и агенты, обычно он работал один, лишь время от времени прибегая к услугам извозчика и всезнающих уличных мальчишек. В полицию обращаться тоже не имело смысла, вряд ли преступник придет к инспектору жаловаться на то, что его обокрали.

Хотя... Как раз в полиции могут что-то знать. Если неизвестный «патрон» действительно так могущественен, как о нем говорил Крабб, у него самого наверняка есть концы в Скотланд-Ярде. И тогда кое-кто из «бобби» может быть в курсе пропажи. Но как выяснить — кто?

Ричард почувствовал себя неуверенно. Когда нужно было найти украденную вещь — он точно знал, что делать. Но как искать человека? Здесь его умения бессильны. Мастеру Пустельге срочно требовался помощник, обладающий связями как в преступной, так и в полицейской среде. И такой человек был.

Ричард быстро собрался и, расплатившись, покинул гостиницу. В ближайшей цирюльне он побрился и уложил волосы на безупречный пробор. Затем зашел на почту и отправил телеграмму своему секретарю, который, должно быть, уже потерял надежду увидеть мастера Пустельгу в конторе. В телеграмме он просил извиниться перед возможными клиентами за свое отсутствие и перенести встречи. Вскоре Ричард уже ехал в кебе к своему старому приятелю, бывшему полицейскому инспектору, а ныне частному сыщику Эдуарду Стиллу.

Было уже далеко за полдень, и в это время Эдуарда можно было найти в конторе, которую он снимал для своего сыскного бюро в Уайтхолле. Туда и направился Ричард в надежде застать его на месте.

Контора Стила занимала всего одну комнату — сыщик не мог себе позволить иметь приемную и секретаря. К радости Ричарда, дверь в нее была раскрыта, и он с порога увидел приятеля, склонившегося над разложенной на столе картой Лондона.

Эдуард Стил был мужчиной тридцати двух лет, высокого роста и крепкого телосложения. Он носил бороду-эспаньолку, которая

очень шла к его всегда чуть-чуть угрюмому лицу и служила предметом тайной зависти Ричарда. В недалеком прошлом он был едва ли не самым многообещающим инспектором Скотланд-Ярда, обладал острым живым умом, раскрыл несколько громких дел и даже был представлен королеве. К несчастью, три года назад Эдуард оказался замешан в каком-то коррупционном скандале, и, хотя его вина в этом деле так и осталась недоказанной, на карьере полицейского пришлось поставить крест. Эдуард был вынужден покинуть службу и по примеру многих отставников основал бюро частного сыска.

Дела у новоиспеченного частного детектива шли ни шатко ни валко. Конкуренция в этой области оказалась невероятно жестокой, поэтому, обладая блестящими способностями криминального следователя, Эдуарду приходилось большую часть времени следить за неверными мужьями и расточительными женами.

Знакомство двух сыщиков состоялось в ту пору, когда они только начинали свою деятельность. Эдуард сам нашел Ричарда, когда, к своему огорчению, не смог распутать сложное дело с кражей драгоценностей у богатого вельможи из палаты лордов. Ричард без труда разыскал похищенное. К сожалению, похититель не пожелал расстаться с драгоценностями добровольно, поэтому решающую роль в их возвращении хозяину сыграл револьвер Стила. С той поры и зародилась их дружба.

Время от времени сыщики помогали друг другу. Если к Ричарду обращались с просьбой о поиске человека — он неизменно рекомендовал Эдуарда. А если Эдуарда просили найти пропажу, он знал, что никто не справится лучше с этой задачей, чем его молодой коллега.

Сегодня лицо Эдуарда выражало крайнюю озабоченность. Карта, развернутая перед ним, была самой большой и подробной из тех, какие доводилось видеть Ричарду. Красным карандашом Стил сделал несколько пометок в Ист-Энде и теперь, поглядывая в свежую газету, примерялся, где бы поставить еще одну. Увидев

приятеля, джентльмен отложил карандаш и пустил на свое хмурое лицо подобие улыбки.

— Здравствуйте, дорогой Ричард! — приветствовал он Пустельгу со всем радушием, на которое был способен. — А я как раз думал о вас!

Ричард снял цилиндр и сердечно поздоровался с другом. Эдуард выглянул на улицу и кликнул мальчишку, слонявшегося поблизости в ожидании мелкой работенки. За полпенса тот согласился сбегать в кофейню напротив. В ожидании заказа джентльмены обсудили погоду и шансы Сноровистого на последних скачках — Эдуард был завсегдатаем ипподрома. Когда кофе принесли, друзья расположились за столом — карта на время была сложена — и Ричард рассказал о причине своего визита.

Естественно, он привычно умолчал о роли сокола в деле, которое пришел обсудить. Лишь сообщил, что был нанят для поиска похищенного предмета и в сопровождении Крабба отправился по следам предполагаемого вора. А вот стычку на Хардингтон-стрит он описал во всех подробностях, решив довериться искусному в криминальных делах приятелю. Стил слушал внимательно и по мере рассказа все сильнее хмурил и без того мрачно сдвинутые брови.

— Сэмюэл Крабб и Крылан! — наконец воскликнул он. — Рик, как вы умудрились оказаться между такими опасными субъектами?

Ричард пожал плечами.

— Так вы знаете этих людей?

— Знаю ли я! Я охотился за Крыланом четыре года и даже не смог напасть на его след. Это был опасный и чертовски хитрый преступник. Впрочем, вы и сами в этом убедились. Если все, рассказанное вами, правда...

— Не сомневайтесь, я не сочинил ни словечка. А Крабб, что вы знаете о нем?

— О, Крабб — это легенда криминального мира. Рассказывали, что свое первое убийство он совершил в тринадцать лет —

задушил отца голыми руками. А к совершеннолетию за ним числилось уже пять мертвецов. По молодости он дважды сбежал с каторги, а потом вообще перестал попадаться. Крабб, несмотря на гигантские габариты и огромную силу, прослыл далеко не глупым человеком. В последние годы, по слухам, работал на кого-то из ночных правителей Лондона.

— Так вы не знаете, на кого именно?!

— Увы, люди такого рода не любят афишировать свои дела. Это могут быть и Адам Ворт-Американец и Опиумная Мамаша, а может даже сам Король Воров Стэнли Барбл.

— Проклятье! — в сердцах выругался Ричард. — Я, признаться, рассчитывал на вашу помощь.

— На помощь в чем? — удивился Стил.

— Дослушайте мою историю, и вы все поймете. После того как эти ваши легендарные преступники поубивали друг друга у меня на глазах, я остался один на один с пропажей. Или, если вам будет угодно, с находкой.

Эдуард отпил кофе и кивнул.

— Конечно же, ваши феноменальные способности не подвели вас и на сей раз, — не без лукавства в голосе сказал он. — То, что искал Крабб, оказалось именно у Крылана?

— Да, я не ошибся.

— Надеюсь, Рик, когда-нибудь вы расскажете, как вам удается столь блестяще справляться с такими сложными делами. Да еще и настолько быстро.

Ричард не подал виду, что смутился. Его тайна оставалась тайной даже для самого близкого человека. К счастью, Стил никогда не проявлял чрезмерного любопытства к поразительному умению Ричарда Дрейтона. Получив однажды уклончивый ответ, он, с присущей ему тактичностью, больше не пытался вывести подробности.

— Я тоже на это надеюсь, — дипломатично ответил Ричард.

— Могу я поинтересоваться, что за предмет вы нашли для столь трагично почившего мистера Крабба?

Ричард колебался. Он чувствовал, хотя для этого и не было оснований, что, показав мышь, приоткроет завесу тайны и над соколом. Но кому-то довериться было нужно, и Эдуард Стил подходил для этого лучше, чем кто бы то ни было. Молодой сыщик достал из кармана крошечную шкатулку и поставил ее на стол. Бывший инспектор внимательно рассмотрел ее, оценив качество работы и материала, а затем аккуратно раскрыл.

— Что это? — изумленно спросил он, уставившись на мышь.

— Фигурка мышки, — с добродушной усмешкой подсказал Ричард. — А вы что ожидали увидеть?

Эдуард быстро оправился от удивления.

— Признаться, я думал, здесь будет кольцо с огромным бриллиантом или что-то в этом роде. Выходит, вас наняли найти... безделушку?

— На моих глазах три человека поубивали друг друга за эту безделушку.

— Вы правы, эта вещь, безусловно, представляет для кого-то огромную ценность.

— Именно этого «кого-то» мне и нужно теперь найти. Потому я и пришел к вам.

— Вы хотите узнать, кто прислал к вам мистера Крабба?

— Именно.

— Задача не из простых. Кстати, когда вы намерены сообщить в полицию о происшествии на Хардингтон-стрит?

— Я, признаться, не планировал вообще распространяться об этом. Благодарю покорно! Скотланд-Ярд вцепится в меня бульдожьей хваткой и не даст работать несколько недель.

— Можно послать анонимно телеграмму. Но вы правы, это не к спеху. Мертвым мы ничем не поможем, а плакать по ним некому. Пока об их смерти знаете только вы — преимущество на вашей стороне.

— Приятно иметь хоть какое-то преимущество.

Стил пристально рассматривал мышь, не спеша доставать ее из шкатулки.

— Значит, вы хотите найти хозяина этой вещицы, чтобы вернуть ее?

— Естественно!

— А зачем?

— Странный, право, вопрос! — удивленно вскинул брови Ричард. — Во-первых, мы заключили джентльменское соглашение, и то, что мистер Крабб умер, не снимает с меня обязательств. Во-вторых, знаете, какое щедрое вознаграждение предложил покойный за мою работу? Пятьсот фунтов! Такими деньгами не разбрасываются, надеюсь, его хозяин не откажется от слов Крабба. Ну, и не в последнюю очередь меня волнует репутация мастера Пустельги.

— Убедительные мотивы! — примирительно поднял руки Стил. — А что, по-вашему, означали слова, сказанные Краббом перед смертью? «Глаза» и «возвращаю»?

— Это и для меня загадка. Но знаете, когда Крабб увидел мои глаза, а они, как вам известно, у меня разного цвета, то он на мгновение удивился и сказал, что уже встречал человека с такими глазами. Но кто он — не сказал.

Стил допил кофе и запыхтел только что раскуренной трубкой.

— Что ж, это уже зацепка. Посмотрим, что получится накопать на разноглазых приятелей Крабба. Вас не пугает, что придется иметь дело с настоящими преступниками?

— Теперь бояться поздно, я уже ввязался в это дело.

— Да уж, ввязались. — Эдуард задумчиво потер подбородок. — Если наши поиски не увенчаются успехом, мы дадим возможность загадочному «патрону» найти вас, сообщив через полицию о смерти его посланника.

— Так вы согласны помочь мне в поисках? — обрадованно воскликнул Ричард.

— Конечно, дружище! Но, надеюсь, и вы не откажете мне в ответной любезности.

— Я всегда к вашим услугам!

— Отлично! — Стил убрал со стола кофейник с чашками и вновь развернул карту. — Вы, конечно, слышали об этих чудовищных убийствах в Уайтчепеле и о Джеке Потрошителе.

— Весь город только об этом и говорит.

— Лондонцы в панике, такого не было со времен резни в Лайм-хаузе.

— Только сегодня я беседовал об этом с коридорным.

— Да, люди любят обсуждать чужие смерти. И чем они более жуткие, тем сильнее интерес. Газеты чего только не пишут, — он кивнул в сторону «Таймс», которую недавно просматривал.

— Красные пометки — это места убийств? — догадался Ричард, глядя на карту.

— Да, я пытаюсь найти закономерность в действиях этого монстра. Понять систему, по которой он совершает свои преступления.

— Чтобы понять его, нужно быть таким же сумасшедшим. Кстати, у меня идея — нужно проверить дома для безумцев, не сбегал ли от них какой-нибудь особо буйный пациент.

Эдуард Стил покачал головой.

— Бедлам и прочие заведения этого профиля проверили уже после первого убийства.

Ричард сконфузился, понимая, что по части ведения криминальных дел он сильно уступает старшему коллеге, да и любому толковому инспектору Скотланд-Ярда.

— Все убитые, как я понял, непристойные женщины, — сказал он неуверенно. — Не в этом ли закономерность?

— Возможно, но необязательно. Убивает он ночью, а в это время порядочные дамы просто не ходят по улицам, тем более в одиночестве. Так что следующей жертвой может стать любая женщина, оказавшаяся в неудачное время в опасном месте.

— Значит, вы хотите вычислить место?

— Да.

— Но это же невозможно! Даже если определить район — как узнать, где и когда преступник выйдет на охоту?

— Район уже известен. Надо признать, Уайтчепел — самое удачное место для свершения всех этих зверств. Там толчется масса всякого сброда, в котором легко затеряться. Никому ни до кого нет дела, улицы почти не освещаются, и полицейских там даже днем можно пересчитать по пальцам.

— Значит, вычислить его невозможно?

— Это я и пытаюсь понять.

— Вам кто-то платит за поиски Потрошителя?

— Нет, у бедных женщин даже родни не было. А королева платит только своим официальным сыщикам из Скотланд-Ярда. Это мое собственное предприятие. Нам, простым детективам, трудно конкурировать с такими звездами, как вы, поэтому иногда приходится работать бесплатно, на репутацию.

Повисла неловкая пауза.

— Так чем я могу вам помочь? — спросил Ричард, чтобы прервать ее.

В глазах Эдуарда Стила загорелся лукавый огонек.

— Вчера я побывал и на Бернер-стрит, и на Митр-плэйс, где обнаружили обеих несчастных. Конечно, я оказался там уже после полицейских и толпы зевак, но все же не оставлял надежды найти что-нибудь интересное. Я расширил зону поиска, почти целый день рыскал по прилегающим дворикам и закоулкам. И был вознагражден, — с этими словами он выдвинул ящик стола, достал тонкую кожаную перчатку и положил ее поверх карты. — Я уверен, что это его вещь.

Ричард осторожно взял перчатку в руки и с неподдельным интересом рассмотрел ее. Мужская, с левой руки, судя по выделке, куплена в хорошем магазине. На тыльной стороне в районе пальцев виднелись три коротких разреза. Но самым примечательным в перчатке было не это. Приглядевшись, Ричард понял, что она испачкана кровью. Засохшие бурые пятна, не сразу заметные на черной коже, обильно покрывали ее с обеих сторон. Ричард безглаголиво бросил перчатку на стол.

— Я не спрашиваю, откуда у вас уверенность, что этот предмет принадлежал Потрошителю...

— Да тут ничего сложного. Я предположил, что убийства были совершены не там, где найдены трупы, а где-то поблизости, в укромном переулке. А потом уж тела перенесены на более заметное место. И представьте, на заднем дворе какого-то паба, за кучей мусора, нахожу эту перчатку. Далее, в газетах ведь писали о жутких ранениях жертв — вот вам и следы крови, и разрезы на пальцах перчатки. Если надеть ее на руку, то разрезы продолжают друг друга, как будто нож соскользнул и убийца едва не ранил сам себя. Затем он снял ее, видимо для большего удобства, а потом случайно обронил.

— Вы, конечно, ничего не сказали бывшим коллегам? — предположил Ричард. — Иначе бы ее отобрали.

— Разумеется.

— А как эта перчатка поможет вам найти убийцу? У вас есть на примете кто-то, на кого можно ее примерить, как туфельку на Золушку?

— К сожалению, такой кандидатуры пока нет, — спокойно ответил Эдуард. — И поэтому для меня перчатка пока бесполезна. Но вам она может помочь.

— Как? — изумленно воскликнул Ричард. — Я же не умею искать людей!

Эдуард посмотрел прямо в глаза другу и твердо сказал:

— Зато мастер Пустельга великолепно справляется с поисками пропавших предметов. Найдите для меня вторую перчатку, и мы поймем Джека Потрошителя!

ГЛАВА 4

Элизабет Лидгейт, юная особа, обычно сочетавшая в себе в равной степени столь ценимые в обществе красоту и веселый нрав, была нынче настолько несчастна, насколько может быть несчастной восемнадцатилетняя барышня, внезапно уведомленная о скором браке с ненавистным стариком.

Лизи заперлась в комнате и прорыдала в подушку целый день напролет, задаваясь вопросом: сколько горестей и невзгод способно выдержать девичье сердце, прежде чем зачерствеет под безжалостными ударами судьбы? Лишь к вечеру, рассудив, что, страдая за закрытой дверью, она ничего не добьется, Лизи спустилась в гостиную, чтобы выпить чаю вместе со своими опекунами — мистером и миссис Поулсон.

Между грушевой шарлоткой и нежнейшим молочным пудингом тетушка Аббигайл, чьим неусыпным заботам и была обязана Лизи скорым замужеством, заметила, как ни в чем ни бывало продолжив прерванную утром беседу:

— Мистер Рэтмол, между прочим, чудесно играет в волан и ежедневно поддерживает физическую форму длительными прогулками на природе. Вы бы могли чудесно провести время на пикнике в будущем воскресенье и свести более близкое знакомство...

— Оставьте, тетя! — с неприличной резкостью оборвала ее Элизабет. — Довольно того, что вы решили мою участь, не считаясь с моими чувствами. Не хватало еще, чтобы я появилась на воскресном пикнике в обществе этого старика. Уж будьте уверены,

я не дам ему ни малейшего аванса. Пусть знает, что он женился на мне против воли!

— Что ты такое говоришь, милая! — Тетя Абби всплеснула руками. — Мистер Рэтмол вовсе не старик, ему всего-то тридцать шесть!

Лизи немного картинно подкатила голубые глазки.

— Вот именно, тетя! — заключила она, словно миссис Поулсон своими словами подтвердила ее наихудшие предположения. — Он вдвое старше меня, и нос у него красный, как у грузчика с пристани.

Здесь в беседу решил вмешаться дядюшка Гровер.

— Ты еще совсем дитя, Лизи, — сказал он, пряча укор под своей обычной мягкостью. — А между тем барышне в твоём возрасте уже давно пора повзрослеть и вместо того, чтобы выписывать из Парижа очередное сочинение месье Буссенара, посмотреть на мир через призму матримониальных стратегий.

— Вот еще! — совсем уж неприлично дернула плечиком Лизи.

Тетя Абби тяжело вздохнула.

— Мистер Рэтмол — прекрасная партия для такого дичка, как ты, милая, — продолжал невозмутимо дядя, будто и не заметил вызывающего жеста любимой племянницы. — С положением, связями и хорошим местом в министерстве сельского хозяйства. А дом? Ты видела его дом в Мэрилебоне?

— Ах, дядя! О чем вы толкуете?! Вам бы только связи да положение! А до моих страданий вам вовсе нет никакого дела.

Спускаясь к столу, Лизи имела план разрыдаться на глазах у мягкосердечных опекунов и тем самым повлиять на их неожиданно твердое решение выдать ее замуж. Но сейчас, распалившись в споре, она забыла о слезах.

— Этот ваш мистер Рэтмол зануда и скупердй! — выпалила она, покрасневшись. — Настоящий Скрудж!

— С чего ты взяла, что он скупердй?

— Подслушала в прошлую субботу у Бриджесов. После ужина он рассказывал джентльменам из казначейства, этим «состоятельным

кротам», что подсчитал, во сколько ему обойдется жена! Представляете? Он уже подсчитал!

— Это, дитя мое, говорит о бережливости! — заключила тетя. — С таким мужем всегда будешь в достатке!

— И настоящая леди не должна компрометировать себя подслушиванием, — добавил дядя.

— А еще он все время бормочет цифры, когда думает, что его не слышат. «Пятью пять — двадцать пять, пятью восемь — сорок...», — передразнила Лизи. — Ужас! Я лучше умру!

Сейчас был наилучший момент, чтобы претворить в жизнь свой хитроумный план, но, как назло, Лизи не могла выдавить из себя ни слезинки.

В ее любимых романах героини всегда находили способ избежать ненавистного замужества, но в жизни это оказалось не так легко. Конечно, известие о сватовстве мистера Рэтмола не было для юной девушки такой уж неожиданностью. Знаки внимания, оказываемые им, невозможно было не заметить. Только за последний месяц он дважды без особых причин навещал Поулсонов, а в приличном обществе после такого неизменно следовало предложение. Но Лизи тешила себя надеждой, что это случится не так скоро, и к тому времени у нее уже появится настоящий жених.

Говоря совсем уж откровенно, мистер Рэтмол не был ей так отвратителен, как пыталась убедить Элизабет своих опекунов. Он обладал хорошим вкусом в одежде и учтивыми манерами, был предупредителен и галантен, а годовой доход исчислял тысячами фунтов. Идеальная партия для настоящей леди. Но Элизабет до зубовного скрежета не хотела становиться настоящей леди. Она мечтала совсем о другом.

В своих грезах Лизи мчала на белогривом скакуне по африканской саванне или кралась по амазонским джунглям, презрев опасности и невзгоды, как герои приключенческих романов. Ей было душно и тесно в большом лондонском доме дяди и тети, и было бы точно так же неудобно в доме будущего мужа. Ей хотелось простора. И конечно же, Лизи мечтала о неожиданной

и судьбоносной встрече. Она ждала человека, который сможет разбудить дремлющие в ней чувства, зажечь огонь любви!

К сожалению, замужество с мистером Ротмэлом безнадежно разрушало эти мечты.

Родители Лизи умерли, когда она была совсем крохой, и бездетная мамина сестра тетя Аббигайл взяла на себя заботы по ее воспитанию. Они с мистером Поулсоном души не чаяли в девочке-сорванце.

Большую часть своего детства Лизи провела в загородной усадьбе Поулсонов под Рочестером, бегая взапуски с крестьянскими детьми, страдая от укусов крапивы, царапая колени об колючие живые изгороди соседских имений. Простота и воля деревенской жизни подарили Лизи отменное здоровье, храброе сердце и независимый дерзкий характер.

Постепенно из застенчивой тихой девочки Элизабет выросла в весьма привлекательную, но грубоватую молодую особу. Слишком поздно опекуны заметили эту перемену и на стремительном семейном совете решили перебраться в Лондон, где их воспитанница могла обучиться манерам, выйти в свет и, наконец, найти себе достойную пару.

С тех пор прошло два года, и все пункты этого маленького плана были воплощены в жизнь. Кроме последнего. Несколько предложений разной степени заманчивости были отклонены Элизабет, и вот теперь опекуны были непреклонны.

— Видела бы тебя моя несчастная сестра! — вздохнула с несколько наигранной печалью тетя Абби.

Элизабет поднесла платочек к совершенно сухим глазам. Она уже поняла, что замысел разжалобить близких потерпел крах. Если уж тетя обратилась к памяти покойной матушки, то слезами делу не поможешь.

Но и у Лизи оставался козырь. Да еще какой! Она заставит говорить о себе весь Лондон, ее портрет будет на первых страницах, мальчишки-газетчики станут выкрикивать на улицах ее имя, а светское общество падет к ее ногам! О ее подвиге будут шептаться в каждой

гостиной, в каждом салоне, во всех тавернах и пабах. И уж тогда-то Поулсоны не посмеют отмахнуться от ее желаний, а скучный мистер Рэтмол не сможет утащить ее в свое логово в Мэрилебоне.

Юная и храбрая Элизабет Лидгейт намеревалась совершить невероятное — изловить Джека Потрошителя.

В книгах, которые она так любила, героини проявляли чудеса отваги, борясь со злом в его самых различных обличьях. Любые враги, будь то кровожадные дикари или коварные шантажисты, безжалостные разбойники или вероломные отравители, терпели неизбежное поражение в схватке с бесстрашной красавицей. Элизабет была убеждена, что смелость и решимость — единственно необходимые для победы качества. А уж и того и другого ей не занимать. Дело было за малым — выследить и поймать жуткого маньяка.

Уплетая пирожное безе, Лизи тщательно продумала план. Первым делом следовало взять револьвер, хранившийся в дядюшкином кабинете, в сейфе. К счастью, дядя был слишком беспечен, и ключи от сейфа болтались прямо в замочной скважине. Затем, тайно покинув дом, Лизи намеревалась отправиться в Уайтчепел и там ночью искать Потрошителя. Она была убеждена, что станет хорошей приманкой — одинокая юная девушка не могла не броситься в глаза на опустевших улицах. А когда ничего не подозревающий убийца набросится на «беззащитную» жертву, она выхватит спрятанное оружие и...

— О чем ты задумалась, милая? — спросил дядя, заметив улыбку на лице девушки.

— Представила себя в роли кротихи в доме этого Рэтмола, — съязвила Лизи, но уже без прежнего задора.

Дядя неодобрительно покачал головой. Лизи и сама поняла, что переусердствовала, и решила продемонстрировать кротость, чтобы усыпить бдительность опекуна.

— Я пойду вышивать, с вашего позволения.

Отпущенная, она сделала книксен и поднялась в свою комнату. Здесь она решила переждать, пока дядя пересядет к камину с вечерней трубкой и задремлет, как это у него водилось.

Не прошло и получаса, как Лизи услышала скрип дядиного кресла — Гровер Поулсон, как всякий почтенный англичанин, не отступал от привычек. А еще через десять минут, выйдя на лестницу, Лизи услышала его тихий безмятежный храп. Тетя Абби, как всегда в это время, удалилась к себе. В доме воцарились тишина и покой.

Девушка на цыпочках прокралась в кабинет. Достать из сейфа револьвер было делом одной минуты, и вскоре, так же тихо, она вернулась в свою комнату. Держать оружие в руках ей раньше не доводилось. Револьвер неожиданно оказался таким большим и тяжелым, что Лизи на какой-то миг ощутила неуверенность в своем решении. Сможет ли она управиться с ним, не возникнет ли в процессе миссии каких-нибудь других незапланированных сложностей?

Отбросив сомнения, юная леди задумалась над своим нарядом. Необходимо было выбрать что-нибудь неброское, подобающее скорее девушке из народа, но в то же время и красивое, с оглядкой на то, что возможно придется позировать для репортеров. Лизи и здесь проявила находчивость. Не испытывая ни малейших угрызений совести, она перерыла полку, выделенную для горничной, и отыскала там ее воскресное платье. Размер, к счастью, подошел идеально. Лизи быстро оделась.

За окном уже наступили сумерки, и девушка решила поторопиться. Спрятав дядюшкин револьвер в самую большую из своих сумочек, она осторожно спустилась вниз. Юркнув в боковой коридорчик, Лизи оказалась у задней двери, куда обычно звонил зеленщик. Отсюда она в последний раз оглянулась на дом, в который рассчитывала вернуться в триумфальном блеске заслуженной славы.

Было тихо — никто не догадался о замыслах храброй девушки и не вышел проводить ее в опасное путешествие. Оно и к лучшему. Лизи надела перчатки, поправила шляпку и вышла на улицу.

Наемный экипаж высадил ее в Уайтчепеле, когда уже совсем стемнело. Всю дорогу Лизи бормотала под нос, репетируя

произношение кокни, чтобы не выделяться в месте, где обходительность и хорошие манеры бросаются в глаза. Приподняв платье, она выбралась из кеба и очутилась в незнакомом, чужом мире.

Серость, убожество и нищета в мгновение ока обступили ее со всех сторон. Женщины с потухшими глазами и усталыми лицами, по которым невозможно определить возраст; мужчины, отупевшие от тяжелой работы и дешевого пойла; босые, несмотря на осеннюю слякоть, дети, одетые в рваные лохмотья. Все они — «рабочий класс», как называл этих людей дядя Гровер, — были как будто жителями другой планеты!

Тяжелый смрад гнилой рыбы, отбросов и человеческих экскрементов доносился сюда от недалекой Темзы. Элизабет застыла посреди крытой прелыми досками мостовой и не могла поверить, что она все еще в Лондоне, в каких-то восьми милях от дома Поулсонов. Даже в платье горничной она выглядела попугаем среди серых ворон. На нее оглядывались, в ее сторону тыкали пальцами, хихикали и шептались, но обходили стороной. Проезжающая мимо повозка обрызгала Лизи платье. Из окна второго этажа кто-то выплеснул помой, едва не залив ее с головы до ног.

Девушка растерянно огляделась по сторонам, не зная, с чего начать свои поиски. Она не хотела признаться себе, что в глубине души уже раскаивается, что затеяла эту авантюру. Несмотря на дядин револьвер, она чувствовала себя ужасно уязвимой и одинокой в равнодушно-враждебном мире лондонских трущоб.

А тем временем на город спустилась настоящая тьма, рассеиваемая лишь тусклым светом из крошечных окошек-бойниц. Из-за тумана не было видно звезд и луны, а фонарики не спешили зажигать уличные огни.

Людей с каждой минутой становилось все меньше. Страх перед Потрошителем гнал их прочь с ночных улиц. Кто-то спешил укрыться в своем убогом жилище, других влекли дешевые питьевые заведения, где на полшиллинга можно было напиться дрянным, но крепким джином.

Усилием воли прогнав малодушные мысли, Лизи устремилась в самый темный из ближайших проулков. Стены соседних домов сходились так близко, что девушке казалось, будто с каждой минутой они сдвигаются все теснее, грозя раздавить незваную гостью. Кучи мусора громоздились вокруг, влезали одна на другую и, сливаясь, перерастали в настоящие курганы.

На вершине одной из куч в тусклом оконном свете Лизи заметила движение. Рука ее дернулась к сумочке, но оружие не понадобилось. Девушку испугал не человек. Громадная черная крыса, вцепившись зубами в мертвую ворону, пыталась вырвать ее из пасти худой, но не менее решительной кошки. Размеры хищников были почти одинаковые, и Лизи не сдержала тонкого вскрика, сообразив, что впервые видит такую огромную крысу. При звуке человеческого голоса животные замерли на мгновение, но даже не разжали челюстей и вскоре вновь терзали спорную добычу. Содрогаясь от омерзения, Лизи постаралась поскорее покинуть это отвратительное поле боя.

Соседний переулок оказался ничуть не лучше. Все те же зловонные отбросы и ночное зверье, ищущее пропитание. Лизи даже показалось, что она начала привыкать к запаху нищеты и запустения. Удивительно, но страх тоже несколько притупился. Она уже не металась от стены к стене, не шарахалась от ночных шорохов и бездомных животных. Нищий, спящий в ворохе старых газет, вызвал у нее лишь чувство брезгливого сочувствия, а две пьяные девицы, поющие во весь голос популярную в народе песенку «Мой ненаглядный, я твоя», — даже мимолетную улыбку. Ночной город был не таким страшным, как представляла Элизабет в первые минуты знакомства с ним. Девушка понемногу успокоилась и позволила себе расслабиться.

Именно тогда легкое, почти неслышное движение за спиной заставило ее резко обернуться. Темный переулок был пуст. Несмотря на это, парализующий страх накатил мощной волной, заставив на мгновение замереть даже сердце. Усилием воли Лизи стряхнула оцепенение и даже сделала пару шагов навстречу

напугавшей ее тьме. С каждым ярдом страх нарастал, как будто отважная искательница приключений приближалась к чему-то неотвратимому и смертельно опасному. Возникло неприятное липкое ощущение, которое девушка никак не могла определить, но которое с этих минут уже не покидало ее. В конце концов Лизи остановилась.

«Там мне нечего делать! — твердо сказала она себе. — Там нет того, за кем я охочусь». Но при мысли об охоте она уже не чувствовала себя ловцом, выслеживающим дичь. Напротив, с каждой минутой она все больше представляла себя загнанным в лабиринт ягненком, по следу которого идет безжалостный хищник.

Лизи развернулась и поспешила покинуть это неудобное место. Впереди переулок вливался в более широкую улицу. Девушка убеждала себя, что именно там она найдет того, за кем пустилась в погоню. В глубине души она надеялась, что это произойдет на освещенной фонарями широкой площади, где на ее зов поспешат brave констебли и случайные прохожие.

Улица, где она очутилась, действительно казалась более цивилизованной, чем окружающие трущобы. Кое-где горели слабые масляные фонари, вдалеке маячила припозднившаяся парочка. Но пугающее ощущение преследования никуда не делось. Страх постепенно затапливал душу, проникая в каждый укромный ее уголок.

Отойдя от страшного переулочка на изрядное расстояние, Элизабет решила оглянуться. Именно в этот момент призрачная, почти незаметная тень скользнула из темной подворотни на улицу. Длинная фигура в плаще с наброшенным капюшоном. Лизи почти не видела человека и могла хорошо разглядеть лишь его тень, распластавшуюся в круге света уличного фонаря. Человек замер под взглядом девушки, а его тень застыла бесформенным пятном на земле. Несколько секунд Лизи не сводила с нее глаз, но тень терпеливо лежала, не шевелясь. Лизи мотнула головой, прогоняя наваждение. «Померещится же с испугу!» — подумала она.

Однако тревога не покидала. Руки и ноги млели от странной слабости, и Лизи приходилось заставлять себя идти вперед. По-минутно оглядываясь, она замечала, что человек продолжает идти за ней. Но стоило остановиться, и он замирал как ни в чем не бывало.

О том, чтобы подойти к этому человеку и разобраться, что к чему, не могло быть и речи. Ни за что на свете Лизи не согласилась бы приблизиться к странному преследователю. Вместо этого она все ускоряла шаг, и вскоре почти бежала.

Дверь распахнулась внезапно, прямо перед ее носом, и Лизи обдало волной запахов и звуков, выдававших питейное заведение. Из кабака несло масляным чадом, перегаром, табачным дымом и застарелым потом. Аккомпанементом этому удушливому валу звучали куплеты пошлой песенки и пьяный хохот завсегдаев.

На пороге, упершись расставленными руками в косяк, стоял толстый человек в широкополой рыбацкой шляпе и матросском бушлате, надетом на голое тело. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять — человек пьян. При виде Лизи он расплылся в идиотской улыбке и протянул руку. Девушка хотела отпрянуть, но моряк-рыбак схватил ее за тонкое запястье и привлек к себе.

— Ты точно по адресу, крошка! Заходи, не стесняйся! — И с этими словами он втащил Лизи внутрь.

Гомон безудержной попойки накрыл девушку с головой. Отвратительные хмельные рожи с беззубыми улыбками надвинулись со всех сторон. Лизи не успела оглянуться, как оказалась на деревянной скамье, зажата с обеих сторон заросшими ирландцами, каждый из которых шептал ей на ухо что-то совершенно неразборчивое. Юная искательница приключений сильно подозревала, что лучше бы ей и не понять, о чем ведут речь пьяные соседи. Куда делся толстый рыбак-моряк, она увидеть не успела.

Неизвестно откуда перед девушкой оказалась миска, от которой шел тяжелый кислый запах тушеной капусты, и грязная

глиняная кружка с мутным напитком. Под ободряющие крики ирландцев Лизи пригубила напиток, но проглотить даже не пыталась, подозревая, что ее моментально стошнит. К счастью, никому не было дела до того, пьет ли она по-настоящему или жульничает. Каждый был занят тем, что напивался сам.

Удивительно, но страха не было. Мимолетный испуг, возникший было, когда верзила в шляпе втянул Лизи в заведение, быстро улетучился. Наоборот, сидя рядом с этими простыми, веселыми и пьяными людьми, девушка вдруг почувствовала себя в безопасности. Тень, преследовавшая ее, теперь не казалась такой страшной. Да и вообще — была ли она, эта тень? Чего только не привидится ночью в сумраке узких улочек.

На маленьком пустом пространстве возле стойки появились скрипач-еврей и девочка цыганка с бубном. Их незатейливая игра, так непохожая на звуки фисгармонии, к которым привыкла Лизи, вмиг смела людей с лавок, и вскоре все, кто еще мог стоять на ногах, пустились в разудалый пляс. Смычок судорожно метался над струнами, повторяя движения локтя скрипача, бубен мелко дрожал и бился в ладошку девчонки. Женщины, хохоча, задирали юбки, отстукивая босыми пятками простой и привязчивый ритм; мужчины, несмотря на выпитое, ухитрялись не отставать, отчего зал наполнился дружным топотом.

Лизи завороченно смотрела на картину простонародного веселья и понимала, что эти люди в данный момент счастливы. В своей наивности она остро завидовала каждой простой душе, танцующей сейчас в закопченном и провонявшемся зале. Никого из них не выдавали замуж за скупого крота и не отправляли против воли в Мэрилебон.

Но задерживаться в этом веселом кабачке надолго Лизи не собиралась. Поостыв от первых впечатлений, она рассудила, что пора отсюда выбираться, пока гостеприимство завсегдатаев не стало чрезмерным. Во французских романах посещение злачных заведений никогда не заканчивалось хорошо, и следовало иметь в виду простоту здешних нравов. Загадочная тень, оставленная

на улице, уже не пугала. Лизи почти уговорила себя, что она была лишь плодом разыгравшегося воображения.

Девушка выбралась из-за стола и направилась к двери. Она была уже у порога, как, откуда ни возьмись, объявился моряк-рыбак. Он схватил Лизи под локоток и громогласно, перекрикивая гомонящую толпу, поинтересовался:

— Уже уходишь, рыбка моя? А как же я? Нехорошо...

Лизи попыталась высвободиться, но не тут-то было. Самозванный кавалер вцепился не на шутку. Невозможно поверить, но за время, что он отсутствовал, моряк-рыбак ухитрился напиться еще сильнее. Он едва стоял на ногах и наверняка не помнил сейчас даже собственного имени. Но Лизи он запомнил хорошо. Бесцеремонно обхватив ручищей талию девушки, он резко прижал ее к себе.

Элизабет взвизгнула. Она была возмущена и шокирована, но в эти секунды даже близко не представляла, что ей делать. Самое ужасное, что веселящиеся вокруг бедняки совершенно не замечали, что в отношении леди творится насилие. То, что было немыслимо в привычном Лизи кругу, преспокойно вершилось на глазах у людей, выдавших и не такое.

Продолжая крепко прижимать девушку к своему животу, толстяк выпятил губы и попытался поцеловать ее в щеку. От ужаса и негодования Лизи задохнулась и не смогла издать ни звука. Она крепко зажмурилась и задержала дыхание.

Но этому поцелую не суждено было состояться.

— Что это ты делаешь, мистер Хендрикс? — раздался возмущенный возглас над самым ухом у жертвы.

— Не твое собачье дело, мистер Фланеган! — выкрикнул толстяк, отвлекшись от Лизи.

Девушка приоткрыла один глаз и увидела негодующую физиономию своего недавнего соседа по лавке. Густые рыжие бачки ирландца вызывающе топорщились в стороны.

— Убери-ка свои крючья, мистер Хендрикс, от моей цыпочки! — грозно прорычал Фланеган. Рядом с ним откуда ни возьмись

появился и второй ирландец. Судя по решительному виду и закатанным рукавам, он тоже имел виды на «цыпочку».

Но Хендрикса совершенно не впечатлил угрожающий вид недавних товарищей по веселью. Он сложил пятерню в здоровенный кукиш и сунул его под нос мистеру Фланегану. Ирландец побагровел и бросился в драку.

Лизи сама не заметила, как оказалась за широкой спиной моряка-рыбака. У нее на глазах разворачивалась настоящая баталия. Ирландец и толстяк самым вульгарным образом дрались на кулаках, не соблюдая правил благородного боя.

Не успела девушка оглянуться, как второй ирландец и еще трое недавних танцоров присоединились к дерущимся. Рухнул ближайший стол, не выдержав тяжести обрушившегося на него тела. По земляному полу потекли ручьи разлитого пива. Над головами взметнулся и тут же обрушился вниз тяжелый табурет.

К неимоверному изумлению Лизи, музыка и не думала смолкать, наоборот, скрипач, казалось, заиграл громче и быстрее, словно бы хотел подбодрить осатаневшую толпу. Девчонка вскочила на стойку и, хохоча, трясла бубном что есть мочи. Все больше и больше людей присоединялись к побоищу. Вскоре дрались все против всех. Лишь несколько женщин, подобно Лизи, жались к стенам заведения в надежде, что всеобщее сумасшествие их не коснется.

Это был ее шанс. Не отрывая взгляда от бушующей толпы, Лизи бочком, шаг за шагом, приблизилась к дверям. Короткая заминка на пороге — пришлось уступить дорогу бугаю, спешащему на подмогу дерущимся, — и девушка оказалась на улице. Здесь она с наслаждением вдохнула еще недавно казавшийся зловонным и отвратительным воздух трущобного Лондона. Наконец-то на свободе!

Лизи поспешила покинуть улицу со столь гостеприимным заведением, опасаясь, как бы победители драки не принялись разыскивать свой «приз». Только оказавшись в двух кварталах от пивной, отдышавшись и придя в себя, Лизи почувствовала усталость. Она уже понимала, что идея ловить Потрошителя была

наивной и смертельно опасной. Если пьяный мужлан смог справиться с ней без каких-либо усилий, то что было бы, окажись на его месте настоящий убийца?

Лизи пробрала дрожь. Моментально вернулся страх, отступивший было в кабаке, в окружении множества людей. Оставшись наедине с пугающим безмолвием пустынных улиц, девушка с новой силой ощутила свою беспомощность в этом чужом мире, лишенном привычных условностей и живущем по совсем иным законам. Ни о какой «охоте» уже не могло быть и речи. Перед ней стояла лишь одна задача — вернуться домой, где несчастные Поулсоны, должно быть, сходили с ума от беспокойства. Лизи огляделась, прикидывая, в какой стороне Коммершл-роуд, где было можно остановить кеб.

И в этот момент из сумрака ближайшей подворотни вынырнула чья-то тень. Она была всего в каких-то двадцати футах от девушки, и Лизи, леденея от ужаса, попятилась. Шаг за шагом она отступала, а неизвестный, будто играя, застыл на месте. Но вот он шагнул вперед и оказался в круге тусклого света, падающего от ближайшего фонаря.

Черный плащ до самых каблуков скрывал фигуру человека, а наброшенный капюшон не позволял разглядеть лицо. В левой руке блеснул длинный, слегка изогнутый нож. Вторая рука была сжата в кулак. Легкий, едва слышный смешок раздался в ночной тишине.

Лизи оцепенела. Джек Потрошитель пришел на ее зов.

О бегстве не могло быть и речи — девушка не смела даже пошевелиться или закричать. Она и не представляла, что бездна ужаса таит в себе такие глубины. Только маленькая жилка билась в правом виске — тук-тук-тук. Как будто пыталась достучаться до разума Лизи и заставить ее действовать. Не стой, беги! — призывала она, но страх сковал рассудок и тело. Лизи не двигалась с места.

А Потрошитель приближался. Поступь его была неспешна, как у хищника, уверенного в своем успехе, нож покачивался

в руке в такт шагам, и уже ничто не могло встать между ним и его добычей.

Убийца был в пяти футах от жертвы, когда резкий звук заставил его замереть. Буквально в десяти шагах от них заверещала несмазанная дверь очередной пивнушки, и оттуда в обнимку вывалилась парочка завсегдатаев. Убийцу и его жертву они даже не заметили. Голова в капюшоне медленно повернулась в их сторону. Но пьянчужки, распевая похабную песню, скрылись из виду.

В те несколько секунд, пока внимание Потрошителя было сосредоточено на них, с Лизи что-то произошло. Как будто рука, сжимавшая горло и не позволявшая вдохнуть, на миг ослабила хватку. Девушка все еще не могла сдвинуться с места и была буквально раздавлена страхом, но способность мыслить к ней на какое-то время вернулась. Рука словно бы сама по себе скользнула в сумочку и нащупала холодную рукоять револьвера.

Действуя медленно, как сомнамбула, Лизи достала оружие, ухватила его двумя руками и направила на Джека Потрошителя. Палец лежал на спусковом крючке, оставалось только выстрелить.

Лизи нажала изо всех сил и увидела, как медленно взводится курок.

Человек в плаще бросился к жертве и одним прыжком оказался рядом. В этот момент Лизи почувствовала, как внутри оружия щелкнула пружина, курок сорвался и клацнул о боек... Выстрела не последовало.

Револьвер выпал из ослабевшей руки, и Лизи, лишившись последних сил, осела на землю. Человек в плаще уже в голос засмеялся, и эти звуки наполнили ужасом разум жертвы. Джек Потрошитель опустился на одно колено и склонился над лежащей девушкой.

Теряя сознание, Лизи наконец разглядела его лицо. Искаженное торжествующей гримасой, оно приближалось все ближе, пока все не заполнили горящие безумием глаза. Зеленый и голубой.

ГЛАВА 5

— Вы сошли с ума! — Ричард в ужасе уставился на окровавленную перчатку. Брать ее в руки не хотелось. — Как я найду человека по выброшенной вещи?

— Не прибедайтесь, Рик! С вашим талантом сделать это — раз плюнуть. Повторяю, я не прошу вас искать хозяина, просто отыщите пару этой перчатке.

План Стила мог сработать. Ричард понимал это хорошо, как никто другой. Но два обстоятельства мешали ему согласиться сразу. Во-первых, в последнее время слишком часто люди стали ожидать от него невозможного. Никто уже не сомневается, что мастер Пустельга способен вмиг найти безнадежно потерянное. Вот и Эдуард, похоже, не имеет ни малейших сомнений в успехе. Хорошо ли это? Нет. И без того слишком много внимания его скромной персоне. Второе, что волновало Ричарда, — физическое отвращение при мысли, что придется прикасаться к этой вещи.

— Это будет нелегко, слишком мало нам известно о Потрошителе, — с сомнением сказал он.

— С каких это пор вам понадобились сведения о хозяине пропавшей вещи? — Стил удивленно вскинул брови. — Давайте начистоту, Рик. Те вопросы, что вы обычно задаете вашим клиентам по поводу пропавших вещей, — бред сивой кобылы. Любой дознаватель поймет это, послушав вас пять минут. Складывается впечатление, что вы почерпнули их из сочинений мистера Конан Дойла и подобной литературы для дилетантов. Так что, ради нашей дружбы, прекратите морочить мне голову. Я давно заметил,

что наилучших результатов вы добиваетесь, если вас оставить наедине с... загадкой. Так что не буду вам мешать.

Эдуард поднялся, намереваясь уйти.

— Куда же вы, Стил? — спросил удивленный Ричард.

— Домой. Надо, знаете ли, подготовиться к нашему ночному предприятию, почистить револьвер, переодеться. А вы пока поразмыслите, где может быть... предмет наших поисков. Будьте здесь, я вернусь через час.

С этими словами Эдуард покинул контору.

Ричард вздохнул и посмотрел на проклятую перчатку. Он чувствовал, что круговорот таинственных и зловещих событий уже подхватила его и влечет против воли навстречу неизвестности. Он ощущал угрозу своей тайне и вместе с ней неизбежный конец спокойной размеренной жизни, к которой уже давно привык.

Пора было сделать перерыв. Закончить это дело, поймать Потрошителя и вернуть хозяину мышь, а потом уехать на пару лет куда-нибудь далеко в колонии. В Египет, например, или даже в Родезию. Все равно, лишь бы там не было всех этих Краббов, Крыланов и их таинственных заказчиков. Капитал, скопленный им за три года работы, позволял безбедно прожить лет десять, не заботясь о поисках хлеба насущного. А тем временем поутихнет ажиотаж вокруг гениального мастера Пустельги, и можно будет вернуться к прежней жизни.

Но это — после, а сейчас предстояла неприятная процедура — поиск Потрошителя.

Ричард решительно взял перчатку и сжал сокола в кулаке.

Картинка возникла мгновенно. Точная копия найденной Стилом перчатки лежала на столе рядом с кожаным докторским саквояжем и раскрытой книгой, положенной страницами вниз. Ричард присматрелся — это был томик Томаса де Куинси «Убийство как одно из изящных искусств». По спине сыщика побежали мурашки.

За столом сидел неброско одетый молодой человек и неторопливо точил на продолговатом бруске тонкий изогнутый нож. Лезвие было длинное и — Ричард мог в этом поклясться — уже

и без того исключительно острое. Но человеку нравился сам процесс заточки. Он улыбался тонкими бескровными губами, прислушиваясь к ритмичному шуршанию стали о камень, глаза же его сверкали из-под сросшихся густых бровей безумным блеском. Мыслями человек был далеко отсюда.

Ричард невольно поддался ритму и следил за движениями ножа, не отрывая взгляда, хотя чувство отвращения и постыдного страха не покидало его ни на миг.

Наконец человек закончил и чистой тряпочкой вытер лезвие. Кривой нож блеснул в лучах заходящего солнца. Улыбка человека стала еще шире. Зрелище было до того отталкивающим, что Ричард усилием воли прервал связь с талисманом.

Сомнений не было, человек с ужасным ножом и есть Джек Потрошитель. Сыщик запомнил его дом и улицу в Ист-Энде. Он был уверен, что всегда сможет найти их и легко узнает, оказавшись рядом. Поиск всегда был самой легкой частью его работы. Оставалось пойти и схватить убийцу.

Ричард бросил перчатку на стол. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей в ожидании приятеля, он достал из шкатулки мышь и поставил на столе перед собой. «Что же ты за зверек такой? — подумал он. — Какая от тебя польза?» Чем дольше он разглядывал миниатюрную фигурку животного, тем отчетливее понимал: она такая же, как и сокол. В ней есть искра волшебства, дающая обладателю возможность повелевать неподвластными простым людям силами. Но как эту искру зажечь?

Ричард взял мышь и вновь попытался прикоснуться к ней той частичкой души, что навсегда была связана с соколом. Но, как и прежде, ничего не вышло. Зверек оставался глух и нем, а может быть, просто хранил верность своему неведомому хозяину.

До прихода Стила Ричард разглядывал таинственную фигурку в свете газовой лампы.

Уже совсем стемнело, когда Эдуард вернулся в контору. Он был одет по-походному и имел при себе армейский револьвер в кобуре на поясе. Кроме того, он привел крупную ищейку — бладхаунда

по кличке Гумберт, которого держал на псарне Скотланд-Ярда и использовал для охоты и некоторых расследований. Гумберт был обладателем поистине феноменального нюха и отличался мирным веселым нравом. Он тут же бросился облизывать Ричарда и вскоре измазал слюной его новый костюм.

— Привет, Гумберт! — Ричард схватил собаку за щеки и шутя потрепал. — Как поживаешь, старина?

Пес звонко гавкнул, что могло означать только одно: «Прекрасно, как всегда!»

— Вы думаете, он нам пригодится? — спросил Ричард у приятеля, придерживая Гумберта за ошейник, чтобы тот снова не накинулся со своими слюнявыми ласками.

— Хорошая собака никогда не помешает на охоте. Тем более когда речь идет о таком опасном животном, как человек. — Эдуард защелкнул на ошейнике карабин поводка и вопросительно взглянул на Ричарда: — Как ваши успехи? Уже решили, куда направимся?

— Да, — после секундной заминки ответил тот. — Едем в Ист-Энд.

Стил не высказал ни удивления, ни сомнений. Лишь пожал плечам, как бы говоря: «В Ист-Энд, так в Ист-Энд».

Ричард захватил перчатку, хотя прикосновения к ней по-прежнему пробуждали в нем чувство омерзения, а сумку с вещами решил оставить в конторе.

Извозчика, согласного везти джентльменов с собакой в самый неблагополучный район Лондона, удалось найти не сразу. Ричарду пришлось посулить очередному упряму двойную плату, и только после этого пройдоха согласился.

В кебе было тесно, и Ричарду живо вспомнилась недавняя поездка с мистером Краббом. С тех пор миновали всего сутки, но сыщика не покидало ощущение, что прошла по меньшей мере неделя — столько всего успело произойти за этот короткий срок.

До Уайтчепела добрались без приключений. Ричард больше не сверялся с талисманом, полагаясь только на свою память и умение ориентироваться на улицах Лондона. Нужный им дом он

заметил издалека — над табачной лавкой на первом этаже горел газовый фонарь.

— Остановите здесь, — попросил он возницу.

Первым на улицу выскочил Гумберт и тут же жизнерадостно облаял облезлую уличную кошку. Кошка была тертая и не приняла всерьез попытки себя напугать. Она даже ухом не повела, направляясь по своим кошачьим делам.

Друзья расплатились и вскоре остались одни, если не считать пьянчуги, громко храпевшего, лежа прямо в сточной канаве.

— Препротивное местечко, — заметил Стил, когда вдалеке затих грохот колес. — И обитатели тутощные ему под стать.

Ричард кивнул. Уайтчепел и ему никогда не нравился. Мрачные и опасные даже при свете дня улицы, кишащие сбродом и подонками всех мастей, пропитанные страхом и отчаяньем невинных жертв, погрязшие в грязи и распутстве, давно стали символом темной стороны Лондона. Даже мастера Пустельгу, род занятий которого предполагал постоянное общение с всевозможными ворами и проходимцами, судьба редко заносила в эту часть города. Если было в Лондоне место, способное породить такого монстра, как Джек Потрошитель, — это был Уайтчепел.

Гумберт не разделял тревог хозяина и в нетерпении приплясывал рядом, предчувствуя славную охоту.

— Куда теперь? — поинтересовался Стил.

— Квартира убийцы расположена прямо над вывеской табачника, — ответил Ричард. — Во-о-он то окошко.

Стил присмотрелся. Окно было темным, но это вовсе не означало, что хозяина нет дома. С таким же успехом он мог преспокойно спать в своей постели, не подозревая о спешащих к нему незваных гостях.

— Я пойду вперед, а вы с Гумбертом — чуть позади, — предупредил Стил, доставая револьвер. — Не хочу, чтобы собака попала на линию огня, если придется стрелять.

Только теперь Ричард осознал, что до сих пор не имеет ни малейшего представления о плане операции.

— Вы собираетесь сразу стрелять?

— Нет. Попробуем задержать и обыскать самого жильца и комнату. Если найдем вторую перчатку, доставим в Скотланд-Ярд и человека, и улики, а дальше пусть они сами разбираются.

— А если он...

— Если будет сопротивляться, применим силу. После того, что он сделал со своими несчастными жертвами, церемониться я не намерен. — Эдуард взвел курок и шагнул в подъезд.

Соблюдая осторожность и стараясь не шуметь, друзья поднялись на второй этаж. Гумберт проникся важностью момента и тоже вел себя тихо. У нужной двери они остановились, и Эдуард решительно постучал.

— Это газовый инспектор! — громко сказал он. — Мистер Батлер, табачник, пожаловался, что ваша газовая труба дает утечку прямо у него над магазином. Он опасается пожара. Откройте немедленно, я должен проверить трубу!

Ричард удивленно посмотрел на приятеля.

— Какой еще «мистер Батлер»? — негромко спросил он.

Эдуард приставил палец к губам и шепотом ответил:

— Для частного детектива вы не слишком наблюдательны, друг мой. На вывеске магазина написано: «Лучший американский табак. Батлер и Ко».

За дверью царила тишина. Эдуард постучал еще громче.

— Откройте немедленно, или я схожу за полисменом. Вы создаете угрозу для всего квартала!

Гумберт, возбужденный громким голосом хозяина, коротко пролаял. В этот момент открылась соседняя дверь и на площадку выглянул пожилой лысый человечек очень маленького роста. Вид у коротышки был испуганный и отважный одновременно.

— Что вам угодно, господа? Доктора Морта нет дома, он ушел на вызов к роженице.

— А вы кто таков будете? — строго спросил Стил, резко развернувшись к человечку и пряча револьвер за спиной.

— Я мистер Батлер, табачник. И хозяин этого дома.

— Так это вы писали в Департамент надзора по поводу утечки? — не растерялся Стил, повышая голос и добавляя в него обвиняющих ноток.

— Нет, а почему, собственно, я должен писать?

— Это я вас спрашиваю! — напирал Стил. — Почему двое инспекторов должны торчать перед запертой дверью, когда и вас, и жильца специально уведомляли о нашем приходе еще вчера?

— Меня никто не уведомлял, это какая-то ошибка. — Коротышка отступил на шаг, а Стил надвинулся на него, грозно сдвинув брови.

— Разберемся! — сказал он тоном прокурора. — У меня предписание перекрыть газ во всем строении. Покажите бумагу, мистер Доджсон.

Ричард достал из кармана рисунок мыши, сложенный вчетверо, и протянул приятелю.

— Вот это вы видели? — Стил потряс бумагой перед носом вконец растерявшегося домовладельца.

— Но у нас нет никакой утечки! — Мистер Батлер предпринял последнюю отчаянную попытку отстоять свои права.

— Как же нет? Посмотрите — специально натасканная собака привела нас прямо к этой двери! Гумберт учует запах газа за сотню ярдов.

Гумберт, почесываясь, сидел у ног Ричарда и ждал, пока люди закончат свои глупые разговоры и можно будет наконец начать веселую охоту.

— Нам необходимо немедленно туда войти. У вас ведь должны быть запасные ключи!

Табачник поплелся в квартиру за ключами. Эдуард обернулся к Ричарду.

— Действуем быстро, ищем только перчатку, времени очень мало. Знаю я этих домовладельцев. Он вот-вот придет в себя и потребует наши документы.

Мистер Батлер вернулся с ключом, но возле двери замялся.

— Господа, могу я взглянуть на ваши...

— Открывайте! — перебил его Стил. — И раз уж этот ваш доктор Морт такой безответственный жилец, задумайтесь, прежде чем продлевать ему аренду.

Ключ повернулся в замке, и Стил, отодвинув плечом коротышку, вошел в комнату первым. Окинув помещение быстрым и цепким взглядом полицейского, он убедился, что хозяина нет дома.

— Мистер Доджсон, вы чувствуете запах?

Ричард демонстративно принимался и насупил брови.

— Определенно есть утечка, — сказал он. — Свет включать нельзя. И вообще, желательно погасить лампы и рожки во всем доме. Вы, мистер Батлер, займитесь этим безотлагательно, и мы похлопочем перед старшим инспектором, чтобы на вас не наложили штраф. Пожар в городе — дело очень серьезное.

Упоминание пожара вкупе с угрозой штрафа моментально вытеснило из головы коротышки всякие мысли о проверке документов. Он бросился вон из комнаты. Можно было с уверенностью сказать, что в ближайшие минуты во всем доме не останется ни единой работающей лампы. И эти минуты друзьям надлежало использовать как можно продуктивнее.

Ричард огляделся. Свет уличного фонаря, стоявшего прямо у окна, позволил осмотреть комнату. Можно сказать, что это было типичное жилище небогатого горожанина. Мебель в комнате была скромной, но крепкой и основательной — очевидно, она принадлежала хозяину дома и сдавалась вместе с жильем. У крошечного, тщательно вычищенного камина стояло уютное кресло с небрежно брошенным на подлокотник пледом. Широкий письменный стол располагался у окна. На нем лежали раскрытыми несколько книг. Одну Ричард узнал сразу — «Убийство...» де Куинси. Остальные разглядеть он не успел. Взгляд сыщика приковала перчатка. Одновременно с Ричардом ее увидел и Стил.

— Мы нашли то, что искали, дружище! — воскликнул он, хватая перчатку со стола. — Вам снова это удалось! Теперь негодяй в наших руках.

Ричард, который с самого начала не сомневался, что они на верном пути, кивнул.

— Нужно тщательно обыскать комнату, — заметил он. — Может быть, найдем что-нибудь еще. Ведь одной перчатки будет маловато для доказательства вины.

— И не мешало бы придумать, что мы скажем табачнику, когда он вернется.

Ричард подошел к столу и взглянул в ближайшую раскрытую книгу. Это оказался огромный атлас морских животных известного французского зоолога Пьера Аронакса. На развороте была изображена медуза. Волнистая бахрома по краям «зонтика» делала ее похожей на диковинный и смертельно опасный розовый цветок. Из-под купола тянулись сотни тонких малиновых нитей-щупалец. Рядом с медузой — очевидно, чтобы читатель мог оценить масштаб существа — был нарисован ловец жемчуга. По всему выходило, что размерами медуза могла соперничать с крупным зонтом, а щупальца тянулись на многие метры. Подпись под иллюстрацией гласила: «*Syanea capillata* — цианея волосатая».

— Какое мерзкое название, — пробормотал Ричард, переворачивая страницу.

На следующем развороте пред ним предстала очередная представительница семейства медуз. Сыщик захлопнул атлас и отложил его в сторону. К его удивлению, остальные книги оказались того же содержания — все они были посвящены обитателям морских глубин, причем главным образом отвратительным медузам.

Тем временем Стил осмотрел небольшой комодик, стоявший возле узкой тахты.

— Смотрите, Ричард, наш загадочный доктор Морт — большой любитель хирургического инструментария. Можно сказать, коллекционер. Простому врачу не нужно столько никелированногохлама.

Ричард отвлекся от книги «Таинственные обитатели атлантических глубин» и заглянул в ящик. Тускло отливающие металлом в скупом свете фонаря, сложенные аккуратно, словно на

витрине магазина, бритвенно-острые, похожие на смертельные жала неведомых, но опасных животных, инструменты из коллекции Морта будили в воображении поистине жуткие картины.

В довершение ко всему один из ящичков был набит вырезками с газетными статьями об ужасных убийствах. Преступник не был лишен честолюбия и дотошно собирал любые упоминания о себе.

Пока Ричард разглядывал вырезки, его старший коллега подошел к столу и осмотрел разложенные книги.

— Этот парень еще и на медузах помешан! — поразился он. — Как человеку могут нравиться эти скользкие твари?

— Потрошитель — не человек! Это монстр в человеческом обличье, — ответил Ричард. — Мы должны во что бы то ни стало остановить его!

— Не беспокойтесь, дружище! Сегодня мы положим конец его кровавым забавам. Однако посмотрите! — Стил склонился над столом. — Здесь, кажется, письмо.

Он взял со стола небольшой листок, подошел ближе к окну и прочитал:

«2 октября 1888 года

Начальнику полиции Скотланд-Ярда

Дорогой начальник!

Надеюсь, вы не сильно расстроились от того, что я не смог послать вам обещанный сувенир. Обстоятельства сложились не в нашу пользу. Но сегодня я выполняю обещание, и вы получите маленький подарочек. У меня и моего ножа еще много милых сюрпризов...»

Стил потрясенно умолк. В комнате воцарилась зловещая тишина.

— Я читал в газете... — сказал он после долгой паузы, — что во вчерашнем письме он обещал... срезать у жертвы уши.

— Письмо не дописано? — спросил Ричард.

— Да, брошено посреди строки. И датировано, обратите внимание, завтрашним... — Эдуард сверился с карманными часами, — нет, уже сегодняшним числом. А это значит...

Ричард понял все мгновенно.

— Мы должны торопиться! Нельзя ждать его здесь! — воскликнул он. — Этот негодяй, быть может, прямо сейчас убивает очередную жертву!

Стил покачал головой.

— А где его искать? Перчатка-то здесь!

— Проклятье! — не удержался Ричард. — Может быть, Гумберт возьмет след?

— Можно попробовать! Но если этот «доктор» уехал на кебе...

— Да откуда в Уайтчепеле кеб?

— И то верно, — согласился Стил и позвал собаку: — Гумберт, ко мне! След!

Он схватил перчатку и дал понюхать ищейке. Заливистым лаем Гумберт сообщил хозяину, что задача ясна, и ринулся вон из комнаты. Стил едва успел подхватить поводок и бросился за ним. В дверях он чуть не столкнулся с мистером Батлером, но ловко обогнул его и скрылся на лестнице. Объясняться с домовладельцем пришлось Ричарду.

— Все погасили? — строго спросил он, пока табачник сам не начал задавать вопросы.

— Конечно, мистер Доджсон. А нельзя ли узнать...

— Позже! Сейчас главное разобраться, где именно утечка. Похоже, тут все в порядке. — Он сделал широкий жест рукой и только теперь, оглядев комнату целиком, понял, что здесь даже нет газовых труб. Табачник в суматохе об этом пока не вспомнил, но если дать ему время прийти в себя...

— А как у вас тут с вентиляцией? — спросил Ричард первое, что пришло в голову, одновременно размышляя, как бы поскорее избавиться от хозяина.

— Все в полном порядке! — заверил коротышка. — Регулярно чистим дымоход, можете не сомневаться.

Ричард покачал головой, и мистер Батлер понял, что инспектор как раз очень сомневается. Они подошли к камину, Ричард стал на корточки и заглянул в дымоход. Потом он демонстративно

провел рукой по его внутренней стенке и предъявил домовладельцу толстый слой сажи на ладони, сопроводив жест укоризненным взглядом. Мистер Батлер потупился.

— Дайте что-нибудь — вытереть.

Табачник просеменил к столу, схватил валявшуюся там тряпицу и угодливо подал Ричарду. Тот стоял уже в дверях.

— Последнее предупреждение, мистер Батлер, — пригрозил он пальцем. — Чтобы я к вам больше не возвращался.

С этими словами Ричард развернулся и, не давая хозяину опомниться, покинул комнату.

На улице он быстро огляделся и увидел приятеля в конце квартала. Стил ожидал, пока блаухаунд найдет след. Гумберт метался по мостовой, ухитряясь не отрывать носа от земли и беспокойно поскуливая. Наконец он поднял голову и виновато посмотрел на хозяина. Как раз в этот момент подоспел и Ричард.

— Бесполезно, — вздохнул Эдуард. — Он все же ухитрился нанять извозчика.

— Но мы не можем просто взять и остановиться! Нужно искать!

— Не горячитесь, Рик. Мы потеряли след, а значит, нужно вернуться к исходной точке и молиться, чтобы сегодня этот монстр никого не убил. Нового шанса мы ему уже не дадим.

Стил был спокоен как никогда. Но Ричард давно знал приятеля и понимал, что это спокойствие далось ему нелегко. Он и сам едва держал себя в руках. Хотелось бежать хоть куда-нибудь, лишь бы не стоять на месте, пока где-то, возможно, совершается дикое преступление.

— А что это вы трете руку? — спросил его вдруг Стил. — Запачкались?

Ричард сообразил, что до сих пор мнет в руках тряпку, которую дал ему коротышка Батлер. И в следующее мгновение перед глазами его встала картина: человек со сросшимися бровями протирает изогнутый нож тряпицей и любит свою работу. Этой самой тряпицей!

— Еще не все потеряно, Стил! — воскликнул он.

Сжимая в руках фигурку птицы и тряпку, Ричард вызвал в памяти изогнутый нож убийцы. И сокол моментально показал «картинку». Человек, которого мистер Батлер назвал доктором Мортом, стоял в тени здания на углу Брук-стрит и Коллингвуд-стрит и, судя по всему, кого-то поджидал. Правая рука его была спрятана в кармане, но соколиным зрением Ричард увидел зажатое в ней оружие. Внимание убийцы было приковано к дверям кабачка напротив, откуда доносились звон кружек и пьяные вопли посетителей.

Едва сдерживая ликующий вопль, Ричард повернулся к приятелю.

— Я знаю, где его искать! — сказал он как можно спокойнее. — Но мы должны поторопиться. Думаю, он уже выследил жертву и теперь караулит ее. Это недалеко. За мной!

И он быстро зашагал по направлению к Темзе. Эдуард Стил с Гумбертом на поводке устремился за ним.

До места, где в ожидании добычи затаился Джек Потрошитель, друзья добрались за полчаса. Все это время Ричард почти непрерывно наблюдал за ним с помощью сокола. «Лишь бы не опоздать», — твердил он про себя и мысленно умолял неизвестную ему жертву еще чуть-чуть задержаться, где бы она ни находилась.

Они были всего в пяти кварталах, когда двери распахнулись и на улицу выбежала молодая женщина — почти девочка. Оглядевшись, она поспешила прочь, как будто опасалась погони. Но от кого бы ни бежала девушка, это был не Джек Потрошитель. Она так торопилась покинуть негостеприимное место, что не смотрела по сторонам и пронеслась мимо него в каких-то пятнадцати футах, даже не заметив.

Стараясь оставаться в тени, убийца пустился следом. Охотник и его добыча, сами того не зная, удалялись от сыщиков в сторону набережной Темзы. И для девушки это могло сыграть роковую роль. Ричард чертыхнулся, за что тут же получил укоризненный взгляд друга, который не раз говорил, что джентльмен должен оставаться джентльменом в любой ситуации.

— Нужно спешить, Эдуард! Он ее сейчас убьет! — не выдержал Ричард и пустился бегом. Стилу ничего не оставалось, как ускорить шаг, чтобы не отстать от своего горячего друга.

Между тем девушка, запыхавшись, остановилась. До сей поры она так и не заметила преследователя, который был уже в двух шагах, но умело избегал освещенных луной мест. Скорее встревоженная, чем откровенно испуганная, она осмотрелась, прикидывая, куда направиться дальше, и в этот момент наконец увидела Потрошителя.

Убийца сам вышел из тени. Девушка застыла от страха и несколько секунд не шевелилась, а затем начала пятиться, не сводя глаз с преследователя. Но тот, словно кот, играющий с мышкой, не торопился нападать. Он наступал шаг за шагом, поигрывая своим страшным ножом и буквально упиваясь ужасом несчастной. Все ближе и ближе.

Ричард почти не видел дороги перед собой — его внимание было приковано к девушке. А она застыла столбом и уже не шевелилась. Лицо стало безвольным и обреченным, исчезло даже выражение страха, и это было самым жутким. Сыщику хотелось крикнуть: «Беги!» — но она не могла услышать его: помощь была еще слишком далеко.

Убийца приблизился почти вплотную к жертве. Ричард с отчаяньем понял, что не успевает. Но девушке улыбнулась удача. Из питейного заведения напротив с шумом вывалилась парочка пьянчуг. Даже не посмотрев в сторону, где застыли охотник и жертва, они, весело горланя жизнерадостную песню, поплелись восвояси.

Девушка могла позвать на помощь, но почему-то не сделала этого. Однако кое-что ей все же удалось. Действуя медленно, словно муха, увязшая в патоке, она открыла сумочку и достала оттуда огромный револьвер. Направив оружие прямо в грудь Потрошителю, она попыталась выстрелить, но что-то пошло не так. Не успел Ричард обрадоваться находчивости девчонки, как руки ее безвольно опустились, револьвер упал на землю, а следом за ним медленно осела и хозяйка.

Ричард вылетел из-за угла в тот самый момент, когда Джек Потрошитель, склонившись над жертвой, занес для удара нож. Их разделяли добрые полсотни шагов — считанные секунды для хорошего бегуна, но молодой сыщик понял, что добежать не успевает.

— Остановитесь! — что есть силы закричал он. — Руки прочь!

Фигурку и тряпку Ричард на бегу сунул в карманы, и теперь руки его были свободны. Обычно добродушный и даже слегка легкомысленный, мастер Пустельга сейчас был готов вцепиться в горло негодяю голыми руками. То, что тот вооружен, его не смущало.

Человек в плаще на мгновение замер от неожиданности, но быстро пришел в себя и вскочил на ноги. С его левого запястья свисала короткая серебряная цепочка с крошечным брелком. Взмахнув рукой, человек подхватил брелок в кулак.

В три прыжка Ричард преодолел последние ярды до противника и размахнулся для сокрушительного удара. В этот самый момент Потрошитель выбросил ему навстречу сжатую в кулак руку, как будто делал выпад невидимой шпагой. И Ричард, словно насаженный на острие этой шпаги, остановился. Мгновение назад он был полон решимости сбить с ног, опрокинуть, растоптать злодея. Казалось, никакая сила в мире не сможет помешать ему. Но человек с нелепо выставленным перед собой кулаком обладал поистине нечеловеческими возможностями.

Сыщик внезапно осознал, что тело больше не подчиняется ему. Он страстно желал наброситься на убийцу и растереть его в порошок, но не мог даже пошевелиться. Он с ужасом подумал — если сейчас получит приказ убить девушку, то сделает это без колебаний. Его воля была полностью парализована.

— Я — Король-Медуза! — вдруг закричал тонким голосом Джек Потрошитель. — На колени перед королем!

Ричард как будто со стороны увидел, что ноги его подгибаются и он опускается на землю перед Королем-Медузой. Отдельной, но такой же безвольной частью сознания он отметил, что Стил,

подоспевший к месту событий, застыл как вкопанный и даже не попытался атаковать убийцу. А в следующий миг, в точности повторяя движения самого Ричарда, стал на колени.

Единственный, кто остался самим собой в этой жуткой сцене с марионетками, был Гумберт. Зловещие чары Короля-Медузы не коснулись ищейки, а верный Гумберт не нуждался в специальной команде. Он рванулся с поводка, который был намотан на запястье Стила, и сыщик упал лицом на камни. Еще рывок, и Стила перевернуло на спину, рука его дернулась следом за псом. На третьем рывке поводок соскользнул с запястья, и Гумберт с рычанием прыгнул на врага.

По-видимому, Король-Медуза не ожидал такого поворота событий. Он взвизгнул, отдергивая кулак и пытаясь уклониться от зубов собаки. Ловкости преступнику было не занимать, но и Гумберт не зря прошел добрую школу охотничьего пса. Он вцепился в рукав плаща и, злобно рыча, принялся трепать его из стороны в сторону. При этом он ухитрялся с великолепным проворством увертываться от беспорядочных тычков ножом, которыми Потрошитель пытался его достать.

Тем временем Ричард почувствовал, что неведомая сила, лишившая его воли, отступила. Тело и разум снова повиновались ему. Не мешкая, сыщик вскочил на ноги и бросился на помощь псу. В то же мгновение Потрошитель изловчился и полоснул ножом бок Гумберта. Бладхаунд взвизгнул и отпрыгнул в сторону, выпуская врага.

В этот момент подоспел Ричард. Мощным, хорошо отработанным за годы беспощадных мальчишеских драк ударом в челюсть он опрокинул Короля-Медузу. Звякнул о камни мостовой металлический брелок, пристегнутый цепочкой к запястью, но нож противник удержал в руках.

Ричард наклонился, схватил негодяя за грудки, мощным рывком поставил на ноги и тут же нанес новый удар — на сей раз в живот. Король-Медуза захрипел, хватая ртом воздух и тщетно пытаясь вдохнуть. О нападении он уже и не думал — за спиной

у Ричарда заходился возмущенным лаем Гумберт и быстро приходил в себя Стил. Потрошителю оставалось одно — попытаться бежать.

Сильным толчком он отбросил от себя сыщика и метнулся в сторону берега Темзы. Река была недалеко, но Ричард не мог поверить, что кто-то в здравом уме решится прыгнуть в ее смрадные воды. С другой стороны, назвать здравомыслящим Короля-Медузу не рискнул бы и самый безумный обитатель лондонского Бедлама.

Под неистовый лай Гумберта сыщики ринулись следом за убийцей. Ричард вновь опередил своего старшего коллегу и первым настиг Потрошителя. Он ухватил беглеца за развевающийся плащ и дернул на себя. Убийца кубарем покатился по мостовой и очутился у самого края набережной. Ричард прыгнул прямо на него, стараясь ухватить за руку с ножом и прижать врага к земле своим весом. На время это ему удалось, несмотря на отчаянное сопротивление Потрошителя.

— Стил! — сквозь зубы простонал Ричард, чувствуя, что не сможет долго удержать противника в таком положении.

Эдуард был уже рядом, но сделать ничего не успел. Воля обоих сыщиков вновь оказалась парализована неведомой силой, и Эдуард замер в одном шаге от распростертых на земле тел. С безжизненным равнодушием Стил наблюдал, как из-под внезапно обмякшего Ричарда выбирается Король-Медуза.

Гумберт стоял неподалеку и заливался истошным лаем, не решаясь подойти к врагу вплотную. Из раны на боку обильно капала кровь.

Потрошитель медленно поднялся на ноги, в то время как молодой сыщик остался лежать. Вновь инициатива перешла к врагу.

— Девчонкой займусь позже, — ласково сказал он. — Начальничек давно ждет ее ушки. А сейчас разберусь с вами. Вы у меня вот где!

Король-Медуза показал Стилу кулак, из которого к запястью тянулась цепочка.

— Вставай! — прикрикнул он на Ричарда и пнул его носком ботинка.

Не в силах противиться чужой воле, Ричард подчинился. Он стоял на самом краю набережной, в пяти футах под ним плескалась зловонная Темза.

— Вы из полиции? — спросил Потрошитель у Стила.

— Нет, — коротко ответил тот ровным бесцветным голосом.

— Вы нашли меня случайно или выследили? — продолжил допрос сумасшедший Король-Медуза.

— Мы пришли по твоим следам.

— Как?! — вскричал в страхе Потрошитель. — Как вы смогли меня найти? Я ведь был так осторожен!

Стил молчал, ему было нечего сказать.

— Отвечай! Отвечай Королю-Медузе! Кто меня выследил? — взвизгнул злодей, теряя терпение. Возбуждение и страх совсем затмили его слабый разум и лишили всякой осторожности. Он не заметил, что бладхаунд перестал лаять и медленно, шаг за шагом приближается к нему — словно к опасному зверю на охоте.

— Мастер Пустельга, — ответил Стил и показал рукой на Ричарда.

— Ма-а-а-с-стер Пусте-е-ельга, — протянул, улыбаясь, преступник и повернулся к молодому сыщику: — Как же это у тебя получилось, глупый мальчишка?

Едва ли он сам был намного старше Ричарда, но сыщика не оскорбило и не возмутило обращение «мальчишка». Его захлестнула ярость бессилия. Но о том, чтобы смолчать, он даже не помышлял. Рука сама опустилась в карман, и, достав сокола, Ричард показал его Потрошителю.

— Вот этот предмет помог мне. С его помощью я нахожу все что захочу.

Король-Медуза мельком взглянул на фигурку и тут же потерял к ней интерес. В его воспаленном сознании возникла блестящая идея. Он приблизился вплотную к Ричарду, так что тот почувствовал кислый запах пота, исходящий от безумца.

— Ты боишься умереть? — спросил Потрошитель.

— Да. — При этих словах перед внутренним взором Ричарда почему-то всплыл рисунок из атласа — огромная омерзительная медуза цианея волосатая...

— О, это прекрасно! Как я люблю ваш страх!

Гумберт сделал еще один шаг к Потрошителю. Голова его склонилась к земле, хвост замер, глаза зорко следили за каждым движением врага. Сам Потрошитель всего этого не замечал. Он поглядывал то на Эдуарда, то на Ричарда и что-то тихо бормотал себе под нос.

— Достань свой револьвер, — вдруг сказал он Стиллу.

Сыщик подчинился, и массивное оружие оказалось у него в руках.

— Теперь направь его в живот своему другу и взведи курок.

Эдуард сделал, как было велено. На его лице не дрогнул ни единый мускул.

— А теперь медленно...

В этот момент Гумберт прыгнул ему на грудь. Своим немалым весом он сбил Потрошителя с ног и вцепился ему в плечо. Король-Медуза заверещал.

Человек и зверь покатались по набережной в смертельных объятиях. Верность против подлости, храбрость против злобы, зубы против ножа. Остервенело рыча, пес все сильнее вгрызался в тело врага, решив, видимо, на сей раз не отступать.

Ричард пришел в себя, едва началась схватка. Вернулись чувства и способность действовать по своей воле, и он бросился на помощь Гумберту. Но было поздно. Не успел он сделать и шага, как Потрошитель глубоко, по самую рукоять, вонзил нож в грудь ищейки.

Болезненный стон вырвался сквозь сомкнутые челюсти Гумберта, но врага блауханд не отпустил. Заходясь нечеловеческим воем, Потрошитель выдернул нож и вновь ударил собаку. Гумберт продолжал сжимать челюсти. Тогда убийца — и откуда только взялись силы! — встал на ноги, подняв с собой нелегкого

пса, повисшего на изуродованном плече, и, продолжая наносить ножом удары, сделал два шага к реке.

Ричард слишком поздно понял, что затеял Король-Медуза. Он уже не успевал остановить преступника от прыжка в воду, но все же рванулся к нему.

И тут прогремел выстрел. Кровь брызнула из груди безумца. Нож застыл в очередном замахе, и Джек Потрошитель вместе с телом убитого им Гумберта повалился в Темзу.

ГЛАВА 6

Громкий всплеск, круги на воде и волна уже привычного зловония от реки — вот и все, что осталось от убийцы, державшего в ужасе весь Лондон. Ричард задержал дыхание, лег на живот и свесился с набережной в попытке разглядеть в черной воде тело Потрошителя. Но ни его, ни несчастного Гумберта видно не было.

— Как вы, Рик? — тихо спросил из-за спины Эдуард.

Ричард оглянулся. Бывший полицейский стоял рядом с револьвером в руке.

— В порядке. Гумберт...

— Я видел. — Стил покачал головой.

— Таких ранений не переживет даже собака.

Молодой сыщик встал, тяжело опираясь руками о колени. В десять лет он поклялся себе никогда не плакать и с тех пор держал слово. Но сейчас к горлу подступил комок. Он отчетливо понимал, что верный пес только что ценой своей жизни спас его от неминуемой гибели.

— Отличный выстрел, дружище, — печально сказал он Стилу.

— Я рад, что помог этому чудовищу поскорее добраться до пекла. Там ему самое место!

Ричард невесело усмехнулся.

— Плакали ваши мечты о славе, Эдуард. Лови теперь этого мерзавца где-нибудь ниже по течению, на дамбе, и доказывай потом, что убил не добропорядочного доктора Морта, а убийцу и негодяя.

Эдуард махнул рукой, лавры и признание волновали его сейчас менее всего. Заботило сыщика другое:

— Что он с нами сотворил, Рик? Вы ведь тоже почувствовали это... воздействие!

— Еще бы! Ничего похожего со мной в жизни не происходило. Я чувствовал себя кроликом, готовым добровольно отправиться в пасть к удаву. Думаю, это какой-то вид месмеризма или магнетизерства. Я читал о таком в журнале. Говорят, им владеют индийские заклинатели змей. Ну, и салонные маги.

— Этот не был похож на салонного мага.

— Да уж, тем проходимцам до него далеко. По-видимому, так он и убивал всех этих женщин — они даже не могли сопротивляться. И нынешняя девчонка тоже...

Ричард умолк на полуслове. В горячке драки они совсем забыли о жертве. Не говоря больше ни слова, оба джентльмена поспешили к девушке.

С начала схватки не прошло и пяти минут. Юная особа все еще лежала на камнях мостовой без чувств. Тонкие, благородные черты ее лица говорили о хорошем происхождении и в свете луны казались бледными, будто вырезанными из слоновой кости. Однако, судя по платью, незнакомка работала горничной или гувернанткой в богатом доме. Но что она делала одна в такое время в этой части города?

Ричард склонился над девушкой и осторожно коснулся ее плеча. Он не был уверен, как далеко можно зайти в попытках привести в себя незнакомую барышню, и чувствовал себя не в своей тарелке.

— Мисс, очнитесь!

К счастью, к более решительным мерам прибегать не пришлось. В ответ на прикосновение ресницы девушки задрожали, и она приоткрыла глаза. Ричард с радостным облегчением взял ее за руку и помог сесть.

— Все в порядке! — заверил он ее. — Не бойтесь.

Взгляд незнакомки прояснился, она посмотрела на Ричарда и внезапно вскрикнула. Ее лицо исказилось от ужаса. Девушка

попыталась отползти, скользя подошвами по брусчатке и все больше пачкая платье.

Молодой человек был слегка задет такой реакцией. Он протянул к девушке открытую ладонь, надеясь, что его жест будет расценен как дружелюбный, и хотел сказать что-то ласковое и успокаивающее, но его опередили.

— Не приближайтесь! — выкрикнула незнакомка с отчаянием в голосе и, не сводя глаз с Ричарда, пошарила рукой по земле вокруг себя.

— Вы ищете это? — спросил Стил, появляясь рядом с револьвером в руке. Его собственное оружие уже покоилось в кобуре на поясе.

Девушка метнула на него быстрый взгляд и вновь уставилась на Ричарда. Что-то именно в нем вызывало у нее поистине дикий страх.

Стил невозмутимо протянул револьвер хозяйке. Едва тот оказался в девичьих руках, как дуло уставилось прямехонько на Ричарда. Пришел черед сыщика нервничать — слишком часто на него стали направлять оружие в последнее время.

— Спасибо, дружище! — сказал он Эдуарду, и в голосе его прозвучал неподдельный сарказм. — Как это верно — дать насмерть перепуганной девице револьвер! Теперь-то она сможет защитить себя от двух подозрительных типов, случившихся рядом.

Стил и бровью не повел.

— Мисс, — обратился он к девушке ровным уверенным голосом. — Теперь, когда вы, я надеюсь, вернули себе толику уверенности, позвольте нам с другом представиться. Я — Эдуард Стил, частный сыщик. А молодой человек, которого вы так грозно держите на мушке, — мой коллега, мастер Пустельга. Могу вас заверить словом джентльмена, что мы не имеем дурных намерений. И если вы позволите...

— Вы напали на меня! — перебила его девушка. В глазах ее еще стоял страх, но голос почти не дрожал. — Вот он — Джек Потрошитель!

Ричард от возмущения потерял дар речи. Но Эдуард не утратил хладнокровия.

— Ошибаетесь, — спокойно возразил он. — Именно отвага мастера Пустельги спасла вас сегодня от смерти. Это он набросился на убийцу в тот самый момент, когда ваша гибель была почти неизбежна.

— Я запомнила его глаза! — гневно сказала девушка. — Такие ни с чем не спутаешь. Они разного цвета. Никогда раньше я не видела, чтобы у человека один глаз был зеленый, а другой — голубой.

На сей раз удивился даже Стил:

— Не может быть! Вот это совпадение!

Некоторое время все трое молчали. Ситуация была в высшей степени необычная: спасенная жертва, вместо того чтобы броситься на шею избавителям, тычет в них револьвером и обвиняет в нападении.

Девушка все еще сидела на земле. Она почти уже пришла в себя и теперь смогла внимательно рассмотреть своих спасителей. Оба были одеты как джентльмены и не походили на темную личность в плаще, преследовавшую ее переулками Лондона.

— Где ваш плащ с капюшоном? — спросила она Ричарда.

— У меня его нет. В плащ был одет ваш преследователь.

— А где он сам? Сбежал?

Ричард оглянулся на Стила.

— Мы убили его, и он упал в Темзу. К сожалению, погибла наша собака.

Девушка задумалась.

— Мне чудилось... Я слышала лай... И выстрел... Был выстрел! Это вы стреляли?

— Да, миледи, стрелял я, — ответил Стил. — Но это был лишь финальный аккорд. Спасли вас мастер Пустельга и мой верный Гумберт.

— Гумберт — так звали вашего пса? Этот монстр убил его своим страшным ножом?

— Увы. — На лицо Эдуарда набежала тень.

Юная леди тоже печально вздохнула.

— Наверное, Гумберт был очень храбрым, — сказала она, и в ее голосе друзья услышали искреннюю жалость.

— Это так, мисс, невероятно храбрым и бесконечно верным!

Чужая потеря окончательно привела незнакомку в чувство. Она так и не опустила револьвера, но протянула Ричарду руку, и тот, вспомнив о галантности, помог девушке подняться.

— Могу я узнать, как вас зовут?

— Элизабет Лидгейт.

— Рад знакомству. — Ричард потянулся к котелку, но обнаружил, что потерял головной убор в драке, и едва не чертыхнулся от смущения. Он неловко пригладил растрепанные волосы и поправил галстук.

— Как вас угораздило очутиться здесь в это время? — спросил он, лишь бы не молчать. С каждой секундой необъяснимое волнение и робость овладевали им все больше.

Элизабет потупилась, простой вопрос Ричарда ее смутил.

— Это вышло случайно, — ответила она. — Я хотела всего лишь прогуляться и сама не заметила, как забрела в незнакомый квартал.

— Леди в Уайтчепеле без сопровождения и с револьвером?!. — Стил вздернул брови в нарочитом удивлении. Он не поверил ни единому слову Элизабет.

Лизи покраснела, но быстро нашлась.

— С чего вы решили, что я леди? — спросила она, сверкнув глазами.

— Во-первых, вы подали руку моему другу, как это заведено в свете, и даже не предприняли попытки подняться самостоятельно. Во-вторых, в отличие от дешевого платья, позаимствованного, вероятно, у горничной, ваши шелковые перчатки стоят по меньшей мере тридцать шиллингов. И в-третьих, много лет назад я имел честь быть знакомым с полковником Лидгейтом, поразительного сходства с которым не отменяет даже ваш прекрасный пол.

Оспаривать столь убедительные аргументы было бы дурным тоном. Лизи сдалась.

— Вы действительно настоящие сыщики, — сказала она, пряча дядюшкин револьвер в сумку. — Но позвольте сохранить в тайне причины моего появления здесь.

— Как вам будет угодно, — церемонно ответил Ричард. — Позвольте сопроводить вас домой!

Лизи вспомнила уроки хороших манер и присела в легком книксене. Ричард подал ей руку, и все трое покинули место недавней трагедии.

На Коммершл-роуд им посчастливилось разбудить задремавшего на козлах кебмена. Старик с недоверием оглядел странную компанию, но, взбодренный звонкой монетой, согласился отвезти двух джентльменов и даму, куда тем заблагорассудится. Лизи назвала адрес Поулсонов в Мэйфэре, и экипаж оправился в путь.

Всю дорогу Ричард мучительно ломал голову в попытках найти тему для светской беседы. Его прежние заботы отступили на второй план. Поиски хозяина мыши, загадочно-зловещие магнетические способности Короля-Медузы и все опасности минувших дней были вытеснены мыслями о новой знакомой. Лизи, сидящая напротив, да еще так близко, что временами касалась коленками его коленей, пробудила в нем чрезвычайный интерес.

Стил тем временем завел непринужденный разговор о далеких днях своего знакомства с отцом спасенной девушки — полковником Лидгейтом. Элизабет слушала рассеяно, украдкой бросая взгляды на Ричарда. За все время пути они не сказали друг другу и двух слов, интуитивно ощущая возникшую неловкость.

Наконец кеб остановился. Рик поспешил выбраться наружу, чтобы подать руку девушке. Прикосновение к ее ладони бросило его в краску. «Что со мной творится? — подумал молодой человек. — Уж не заболел ли я?»

В доме Поулсонов горел свет. Дядя с тетей не ложились. Элизабет замешкалась у порога, но в конце концов решительно толкнула

дверь и вошла внутрь. Сыщики последовали за ней. Слуг не было видно, и Лизи сама провела джентльменов в гостиную.

Картина, открывшаяся их взорам, красноречиво свидетельствовала о том смятении, которое вызвал в благородном семействе опрометчивый поступок Лизи. Тетушка Абби лежала на софе, придерживая у лба мокрый платок, распространявший сильный аромат пиона. Над ней хлопотала взволнованная горничная. Дядя Гровер, в расстегнутой жилетке и без пиджака, что-то горячо втолковывал высокому констеблю, терпеливо замершему с блокнотом в руках.

С появлением в гостиной новых действующих лиц драма приобрела больший размах. Миссис Поулсон ахнула и вскочила на ноги, роняя платок, а мистер Поулсон схватился за сердце и, наоборот, присел на диван. Констебль спрятал блокнот и учтиво снял шлем.

— Лизи, голубка! — вскричала миссис Поулсон, подбегая к племяннице. — Это было так бессердечно! Мы с дядей волновались!

Слова пожилой леди были полны укора, но по интонации Лизи безошибочно поняла, что тетя испытывает слишком глубокое облегчение, чтобы злиться всерьез. Украдкой бросив взгляд на дядю Гровера, который тоже улыбался, Лизи совсем успокоилась.

— Ваша тревога была совершенно излишней, тетя, — сказала девушка с таким невозмутимым видом, словно каждый день отлучалась по ночам из дома. — Пока в Лондоне остаются настоящие джентльмены, леди может чувствовать себя в полной безопасности. Позвольте вам представить моих спутников.

Взгляды всех присутствующих обратились на сыщиков.

— Мистер Эдуард Стил и мастер Пустельга, частные детективы. — Лизи сделала элегантно движение рукой в сторону новых знакомых. — А это мои опекуны — мистер и миссис Поулсон.

Констебль был отпущен. Друзья поклонились и передали свои визитные карточки мистеру Поулсону. Дядюшка внимательно изучил каждую, поглядывая на их обладателей и будто сверяя

прочитанное с увиденным. Оставшись, по-видимому, довольным результатом, он предложил джентльменам сигары и бренди, предоставив тетушке возможность самостоятельно расспросить Лизи о ее злоключениях, чем та не преминула воспользоваться, не мешкая ни секунды.

— Что произошло, милочка? Где ты была все это время?

Лизи к этой минуте уже подготовила ответы на все тетины вопросы, поэтому, скромно опустив глаза, проговорила:

— Я хотела остаться одна, чтобы еще раз внимательно обдумать предложение мистера Рэтмола. Ведь замужество — самый важный шаг в жизни девушки. — При этом она бросила быстрый взгляд на мастера Пустельгу.

Дядя Гровер, который делал вид, что развлекает господ сыщиков светской беседой, а на самом деле с волнением прислушивался к разговору женщин, не сдержался и одобрительно покивал. Лизи, с плохо скрываемым удовлетворением отметив напрягшиеся плечи молодого сыщика, продолжила:

— Я сама не заметила, как оказалась в Гайд-парке, где и произошла пренеприятнейшая встреча... — Здесь Лизи сделала эффектную паузу. Тетя Абби воззрилась на нее с неприкрытым испугом, а мистер Поулсон прекратил расписывать преимущества кубинских сигар над доминиканскими и весь обратился в слух.

— Ко мне прицепился какой-то назойливый грубиян и в самых неприличных выражениях настаивал на знакомстве, — продолжила юная леди.

Сыщики, которые и сами не горели желанием описывать Поулсонам события этой ночи, изумленно переглянулись. Окрестить безжалостного убийцу, едва не отнявшего твою жизнь, «назойливым грубияном» — все равно что назвать королеву Викторину женщиной из приличной семьи. Для этого нужно обладать своего рода мужеством. Тетушка Абби всплеснула руками и покачала головой, дескать, вот они — плоды распущенности нравов.

— И если бы не вмешательство этих благородных господ, обративших в позорное бегство наглеца... — Лизи на миг задумалась

и решительно закончила: — Мне бы самой пришлось давать ему отпор.

Если опекуны и заметили удивление, отразившееся на лицах сыщиков при этих словах, то виду они не подали. Миссис Поулсон рассыпалась в изысканных благодарностях, а мистер Поулсон настоял на том, чтобы джентльмены чувствовали себя как дома. Вопреки строгим правилам, им даже было предложено воспользоваться гостеприимством Поулсонов на остаток ночи.

Сославшись на неотложные дела, друзья отклонили великодушное предложение хозяев, причем мастер Пустельга, как заметила Элизабет, сделал это с видимой неохотой.

В холле, когда недолгие сборы были завершены, Лизи протянула ему для поцелуя руку. Пересохшими от волнения губами молодой человек едва коснулся ее пальцев и поспешил покинуть дом.

Эдуард Стил задержался. Церемонно и без тени замешательства он повторил процедуру, смутившую его приятеля, и, склонившись на секунду к ушку Лизи, тихо, чтобы слышала только она, сказал:

— Когда в следующий раз соберетесь на опрометчивую охоту за диким зверем, удостоверьтесь, что в вашем револьвере есть патроны.

И с этими словами он вышел за дверь.

За стенами ярко освещенной гостиной поулсоновского дома царила глубокая ночь. Ричард поджидал друга у калитки.

— Куда теперь, дружище? — спросил он преувеличенно бодрым голосом, скрывая усталость и остатки смущения.

— Раз уж нам не вполне удалось мое дело, займемся вашим. Попробуем найти загадочного владельца фигурки.

— С чего начнем?

— В Сохо есть таверна «Фиолетовый Будда». Не спрашивайте, почему у нее такое название, скорее всего, оно привиделось хозяину в тумане опиумных грез. Место это с определенной репутацией, там собирается всякое отребье: воры, мошенники, скупщики краденого, контрабандисты, беглые каторжники,

профессиональные нищие, карточные шулеры и прочий сброд. Приличному человеку делать там нечего, но если нам нужна информация о преступнике, то быстрее всего мы найдем ее в «Фиолетовом Будде».

— А тамошняя публика захочет с нами откровенничать? — усомнился Ричард.

— Обычно она к этому не склонна. Но ошивается там один человек, звать его Тоби Вильямс, который, в бытность мою полицейским, частенько сотрудничал со Скотланд-Ярдом, оказывая мелкие услуги информационного характера. Этот Тоби скользкий тип и блюдет в первую очередь свою выгоду, но если он что-то знает, то может быть нам полезен.

— Отлично! — обрадовался Ричард. — Тогда не будем мешкать. Думаю, в Мэйфэре мы без труда найдем экипаж.

Он огляделся по сторонам в поисках припозднившегося кеба.

Стил задумчиво потер бородку. Его что-то волновало, но бывший полицейский сомневался, стоит ли заводить беседу об этом. Заметив колебания друга, Ричард спросил напрямик:

— Что вас беспокоит? Выкладывайте.

Стил отбросил сомнения.

— В первую очередь я хочу попросить прощения за то, что там, на набережной, направил на вас оружие.

— Пустяки, ведь это безумный Король-Медуза воздействовал на вас! — отмахнулся Ричард с большей беспечностью, чем испытывал на самом деле. Он начал понимать, куда клонит приятель. — Его магнетические возможности превосходили все, что я видел доселе. Я ведь и сам поддался его чарам. А вот нашей милой спутнице вы отдали револьвер совершенно напрасно. А если бы она выстрелила?

— Исключено. Я проверил револьвер — он не был заряжен. Зато мисс Лидгейт быстро пришла в себя и перестала нас бояться.

— Вот это да! — Ричард рассмеялся. — Ловко это у вас вышло.

В это время на углу они заметили экипаж. Ричард быстро условился с возницей о цене, и джентльмены устроились внутри,

чтобы продолжить путь в комфорте. В кебе Стил вернулся к прерванному разговору:

— Остался еще один щекотливый вопрос, который я, ценя нашу дружбу, хотел бы уладить.

Ричард весь превратился в слух.

— Когда Джек Потрошитель подавил нашу волю и спросил, как мы его нашли, вы показали ему маленький предмет. Я находился довольно близко и разглядел его. Это произошло невольно, уверяю вас.

— И что же вы увидели? — напрягшись, спросил Ричард.

— Миниатюрную фигурку птицы. Несколько раз я видел эту вещицу и раньше, хотя вы старались не держать ее на виду. А сегодня вы ясно дали понять этому монстру, что именно фигурке мы обязаны успехом поисков. И теперь, когда ваш секрет стал мне известен, я считаю бесчестным притворяться, что ничего не знаю. Непонятно, как вы это делаете, но все дело в этой птице. Ведь так?

Поколебавшись секунду, Ричард кивнул. Тайна, которую он хранил всю свою сознательную жизнь, была раскрыта, и не имело смысла унижать себя пустыми запирательствами. Хорошо еще, что человеком, узнавшим ее, был Стил, на которого Ричард мог положиться как на самого себя. Оставались детали, и Ричард, чувствуя даже какое-то облегчение от того, что так долго оберегаемая история нашла своего слушателя, начал свой рассказ.

Под ритмичное покачивание экипажа он поведал другу все, что знал о соколе и его свойствах. Он начал с того, как был найден на брошенном судне посреди океана, затем в красках описал свое противостояние с капитаном Морхаузом, а после этого коснулся тягот жизни в приюте, где любая мало-мальски ценная вещь быстро становилась достоянием более сильных и наглых мальчишек. В конце концов рассказчик остановился на деталях своей сыщицкой карьеры, представших перед Стилом в совсем ином свете, нежели виделись прежде.

— Так вот что значит прозвище — Пустельга? — догадался Стил, когда Ричард показал фигурку сокола поближе. — Однако же история ваша просто невероятна.

— Тем не менее она правдива от начала до конца.

— О, я в этом нисколько не сомневаюсь! Но трудно поверить в наш просвещенный век, что в мире существуют такие поистине мистические предметы, как ваш сокол. Если бы я не знал вас близко и не был осведомлен о ваших успехах, то решил бы, что стал мишенью для розыгрыша.

Ричарду оставалось пожать плечами. Он подавил порыв взять со Стила клятву хранить в секрете услышанное, понимая, что такая просьба оскорбит приятеля. Вместо этого он достал из кармана шкатулку с мышью.

— А теперь взгляните сюда, — предложил он, вынимая фигурку и выкладывая ее на ладонь рядом с Соколом.

Эдуард внимательно рассмотрел оба предмета.

— Сходство очевидно, — заключил он. — У этой мышки тоже есть какое-то необычное свойство?

— Вероятно. Я думал об этом, но понять, в чем оно заключается, пока не удалось.

— А как вы разобрались с соколом?

— В том-то и дело, что не помню. Я просто знал, как он работает, когда меня нашел капитан Морхауз, а откуда — ума не приложу.

Стил задумался.

— Хозяину мыши ее возможности наверняка известны. Судя по тому, что вы рассказали, он ею очень дорожил и при этом скрывал сам факт ее существования. Даже его доверенное лицо — Сэмюэл Крабб — ничего не знал до вчерашнего дня.

— Вы, скорее всего, правы, но чем это нам поможет?

— Пока не знаю. Просто такого рода информация не бывает лишней.

Стил посмотрел в окно.

— Эй, да ведь мы уже приехали! — воскликнул он. — Любезный, остановите возле того заведения на углу.

Последние слова были обращены к вознице. Тот придержал вожжи, и кеб остановился. Друзья сошли и оказались у дверей, вывеска над которыми сообщала любопытным горожанам название заведения — «Фиолетовый Будда».

Внутри таверна полностью соответствовала тому представлению, которое Ричард успел о ней составить по рассказам Стила. Это было плохо освещенное и довольно мрачное помещение, уставленное массивными дубовыми столами и скамьями, прибитыми к полу, дабы не ввергать в искушение разошедшихся посетителей.

Впрочем, в данный момент в таверне царило спокойствие. За одним из столов без особого азарта играла в кости компания матросов. Судя по истрепанным бушлатам, морские волки сошли на берег далеко не вчера и позабыли вернуться на родное судно. У каждого на боку висела короткая дубинка. Неподалеку от них деловито избавлялся от грима профессиональный «прокаженный». В дальнем углу дородный, хорошо одетый человек принимал у двух темных личностей какую-то мелкую добычу, дотошно рассматривая ее через увеличительное стекло. Несколько столов было занято угрюмыми людьми, чьи руки еще не успели отвыкнуть от тяжести кандалов, а по шеям уже давно плакала веревка.

Появление в помещении двух джентльменов не прошло незамеченным. Ричард поймал на себе несколько цепких, изучающих взглядов. Однако этим дело и ограничилось. Если у кого-то из завсегдатаев «Фиолетового Будды» и появились лихие мысли в отношении новоприбывших, то массивный револьвер на поясе у Стила изрядно охладил их пыл.

Друзья пересекли зал и заняли стол у окна, для разнообразия окруженный тяжеленными стульями вместо скамеек. Вскоре к ним подошел хозяин — старый однорукий шотландец, внешним видом напоминавший скорее пирата, чем владельца таверны.

— Что господам угодно? — спросил он, не слишком стараясь придать тону даже малую толику любезности.

— Пива, уважаемый, — сухо попросил Стил.

— Два пива? — уточнил хозяин.

Стил демонстративно огляделся по сторонам, как бы пересчитывая своих спутников, и, удостоверившись, что кроме него и Ричарда за столом никого нет, спокойно ответил:

— Два.

Хозяин ушел и вскоре вернулся с двумя кружками в единственной руке.

— Чего-нибудь еще? — спросил он еще менее любезно.

Эдуард невозмутимо отпил из своей кружки и, выдержав длинную паузу, сказал:

— Мы ищем приятеля. Его зовут Тоби Вильямс. Если вы окажете любезность и поспособствуете в наших поисках, то получите крону.

В подтверждение слов приятеля Ричард достал монету в пять шиллингов и продемонстрировал ее шотландцу. Тот смерил посетителей в высшей степени подозрительным взглядом, очевидно, пытаясь определить, не явились ли эти господа прямоком из Скотланд-Ярда, затем оценил размеры вознаграждения и нашел их, по всей видимости, удовлетворительными. Лицо его расплылось в хитрой улыбке.

— Тоби! — громко прокричал он, обернувшись в зал. — Тоби Вильямс, тебя спрашивают эти господа!

На призыв вскинулся «прокаженный», который в этот момент как раз снимал со щеки накладную язву. Джентльмены, не ожидавшие, что их поиски так быстро увенчаются успехом, уставились на «прокаженного», чем не замедлил воспользоваться однорукий хозяин. Он ловко выхватил крону из пальцев Ричарда и, бодро насвистывая, вернулся за стойку, считая свою миссию исполненной.

Тоби Вильямс быстро содрал с себя остатки грима и подсел к сыщикам. Это был довольно щуплый субъект с бегающими глазками и зияющими прорехами на месте передних зубов. Несмотря на довольно жалкий внешний вид, держался он развязно, если не сказать панибратски.

— А, мистер Стил! Давненько не виделись, давненько! Многое переменилось с тех пор. Говорят, вас вышвырнули из полиции? — весело осведомился он.

— Я действительно больше не работаю в Скотланд-Ярде. Но вас тоже не узнать, мистер Вильямс, — парировал Стил, нимало не смутившись. — В последний раз, когда мы встречались, вы были облачены в щегольской костюм и имели при себе трость.

Мистер Вильямс жизнерадостно расхохотался.

— Точно так! Точно так! — ответил он, хлопая ладонью по столу. — Прекрасное было время. Но я и теперь преуспеваю, поверьте. На маскарад внимания не обращайтесь, он приносит до трех фунтов в день.

Он горделиво выпятил подбородок.

— А сколько из них вы отдаете констеблю? Сколько — местному главарю?

Щербатая ухмылка Тоби поблекла — тема была неприятная.

Но тут в разговор вмешался Ричард. Он без труда раскусил тщеславную натуру мнимого прокаженного и быстро нашел способ расположить его к беседе.

— Где вы так виртуозно научились накладывать грим? — спросил он с видом крайней заинтересованности.

— Как вас звать-то? — бесцеремонно спросил его в ответ Тоби.

— Мастер Пустельга, с вашего позволения.

— Ага, тоже сыщик. Слыхал, слыхал. — Тоби покивал. — Так вот, дорогой мастер Пустельга, этой науке я за целых шесть фунтов в течение двух недель учился у лучшего актера лондонских мюзик-холлов... Впрочем, имя его слишком известно, чтобы называть его вслух.

Скорее всего, «науку» преподавал ему никчемный спившийся актеришка за полбутылки джина, но Ричард оставил это соображение при себе. Вместо этого он всем своим обликом изобразил крайнюю степень восхищения.

— А где покупаете грим? У мадам Первью или в «Коллет и Ко»?

Прохиндей наверняка не знал, о ком идет речь, но прищурил глаз, оттопырил губу и заявил с видом полного пренебрежения:

— У меня свои поставщики.

— Что вы говорите! Наверняка вы знаете многих полезных людей!

— Это уж конечно.

Стил уловил тактику приятеля и не мешал ему вести «допрос», молча потягивая пиво. Ричард как бы невзначай отставил свою, даже не начатую, кружку таким образом, что она оказалась прямо под носом Тоби Вильямса. Через минуту тот уже отхлебывал из нее.

— С такими связями вы наверняка в курсе всех важных событий «ночного» Лондона.

— Еще бы! — хвастливо ответил Тоби. — Знаю все. А ежели чего не знаю, то запросто могу разузнать. Вы ведь за этим пришли? А, мистер Стил? По старой-то памяти.

Проявив, таким образом, завидную проницательность, Тоби откинулся на стуле и взмахом кружки сигнализировал хозяину, что пиво закончилось. Повинуясь кивку Стила, однорукий поспешил к гостям с новой порцией.

— Именно так, Тоби. И надеюсь, вы нас не разочаруете, — ответил Стил, когда шотландец удалился.

— А это уж зависит от того, не разочаруете ли вы меня, — осклабился щедрый на улыбки мошенник.

Ричард слишком устал за сегодняшний день, чтобы торговаться.

— Десять фунтов за интересующие нас сведения, — сказал он.

Тоби Вильямс прекратил щериться и подался вперед. Глаза его больше не стреляли по сторонам, все внимание сосредоточилось на Ричарде.

— Денежки вперед.

— Не пойдет. Вы даже еще не знаете, что нам нужно.

— Ладно, выкладывайте.

— Мы ищем человека. Есть все основания предполагать, что он — весьма влиятельный в определенных кругах господин.

Впрочем, не обязательно господин, возможно, это дама. Скорее всего, он возглавляет одно из преступных сообществ Лондона.

— Ищете большого босса?

— Да. Мы не располагаем сведениями, кто это, но нам доподлинно известно, что на него работает Сэмюэл Крабб.

— Знаю Сэмми, — только и сказал Вильямс.

— Кроме того, — продолжил Ричард, переглянувшись со Стилом, — мы уверены, что последние два дня этот человек гласно или тайно разыскивает некую маленькую вещицу, похищенную у него позавчера.

— Какую вещицу? — снова прищурился Тоби.

— Миниатюрную, — отрезал Ричард.

Тоби поерзал на стуле, отхлебнул пива и наконец сказал:

— Вы по адресу, господа. Мне есть у кого навести справки о Сэмми. И о пропавшей вещице я что-то слышал. Но для этого нужно время. И будут расходы.

— Я дам вам фунт сейчас, а остальные девять завтра, если до полудня вы сообщите интересующие нас сведения.

Он достал монету и положил перед Тоби.

— Где я вас найду?

— Встретимся тут же.

Тоби схватил монету и встал.

— Тогда я удаляюсь, джентльмены. До скорой встречи.

Но прежде чем мошенник успел улизнуть, Стил поймал его за отворот куртки, притянул к себе и проговорил:

— Не пытайтесь нас обмануть, Тоби. Не ищите неприятностей.

Тоби Вильямс сделал оскорбленное лицо, помотал головой, подбросил в руке монету, подмигнул сыщикам и был таков.

— Вы считаете, ему можно доверять? — спросил Ричард, когда друзья остались одни.

— Я предупреждал, что он скользкий тип. Но не волнуйтесь, если можно что-нибудь узнать — Тоби сделает это. Не так это и сложно, в конце концов, найти того, кто нам нужен.

— Убедили! Тогда пора и нам откланяться. Хозяин, счет!

Друзья покинули «Фиолетового Будду», не обращая внимания на косые взгляды остальных посетителей.

— Надеюсь, вы не откажетесь переночевать у меня? — сказал Стил, когда они вышли на улицу.

Ричард только теперь осознал, что в Клойстергэм ему сегодня опять не попасть. Перспектива провести вторую ночь подряд в неуютной гостинице пришлось ему не по вкусу. Поэтому предложение Стила поступило весьма кстати.

— Буду очень рад.

— Тогда поспешим. Я смертельно устал и голоден, как Робин Бобин Барабек.

И сыщики отправились на поиски кеба.

Мистер Тоби Вильямс, которого редко кто в последнее время называл мистером, был не так прост, как казался. И обладал лучшим актерским талантом, чем могли предположить Ричард и его друг. Но Стил был, бесспорно, прав, утверждая, что своего интереса Тоби не упустит.

Заклучив сделку с сыщиками, Тоби не стал метаться по городу с расспросами. В этом не было нужды. Все, что хотели узнать легковверные джентльмены, было ему уже известно.

«Все дороги ведут ко мне. Я большой человек», — с гордостью думал Тоби. Он нырнул в чулан в задней части «Фиолетового Будды» и растолкал спавшего на мешках с луком мальчишку.

— Вот тебе два пенса, беги в «Одноглазого адмирала» и спроси там Джинглза. Скажешь ему, что Сэмми нашелся и что подробности я сообщаю ему лично. Пусть приходит сюда.

Тоби подождал, пока мальчишка кивнет, и продолжил:

— Потом отправляйся в гостиницу «Веселый тролль» и отыщи там мистера Брисби. Ему просто скажи, что есть хорошие новости. Мистер Брисби знает, где меня искать. Все понял?

Мальчик снова кивнул.

— Повтори.

Заспанный посыльный повторил оба послания, и только после этого Тоби отпустил его. Сам он остался ждать на месте.

Мошенник все рассчитал. Паб «Одноглазый адмирал» располагался всего в трех кварталах от «Фиолетового Будды», поэтому Джинглзу понадобится четверть часа, чтобы добраться сюда. До «Веселого тролля» было добрых полмили, и мистера Брисби можно не ждать раньше, чем через час. Если все правильно проверить, то эти двое не пересекутся, и сегодня Тоби ждет невиданный улов. Ах, как удачно, что громила Стил со своим дружкой заявили именно сюда!

Тоби как раз предавался мечтам о предстоящем барыше, когда в каморку забрался коренастый человек с выпученными, как у жабы, глазами.

— Выкладывай, Проказа, — без предисловий потребовал он. — Что там про Сэмми?

Тоби пропустил мимо ушей обидную кличку и зачастил:

— Где он сам — я не знаю. Но только что меня о нем расспрашивали двое — бывший полицейский Эдуард Стил и его приятель, мастер Пустельга, частный сыщик. Вынюхивали, на кого он работает и не терял ли этот кто-то чего-нибудь ценного.

— И что ты ответил?

— Клянусь, ничего, Джинглз! Я же все понимаю. Я же ради... Ты передай Королю, что это я их нашел, обязательно передай, Джинглз.

Пучеглазый полез в карман и вытащил пять серебряных фунтов.

— Не беспокойся, Король узнает о твоей помощи. Держи.

Деньги исчезли в лохмотьях мнимого прокаженного.

— Завтра в полдень эти двое придут сюда за ответом, — сказал он. — С деньгами. Я им небылиц наплету и денежки заберу, ты уж позволь, Джинглз, не спеши наваливаться... Я в долгу не останусь.

Здоровяк покачал головой.

— Жадность тебя когда-нибудь погубит, Проказа.

— Так договорились?

Но Джинглз ушел, так и не ответив. Несмотря на род занятий, он считал себя щепетильным человеком. Выполнить просьбу Тоби пучеглазый бандит не мог. Он не собирался ждать завтрашнего полудня, имея четкие указания на такой случай. Глубокая ночь не была для него помехой, и уже через три часа Джинглз имел на руках скупую, но точную информацию о сыщиках. Один из них жил за городом, и искать его сегодня не имело смысла. Зато другой квартировал в Лондоне, и шанс застать его дома был велик. Оставалось действовать.

Тем временем Тоби дождался второго гостя. Мистер Брисби был очень высок и в крошечном чуланчике с низким потолком вынужден был слегка пригибаться. При этом гость невероятным образом сохранял благородную осанку и надменный вид. На вид ему было около пятидесяти. Благородная седина, нос с легкой горбинкой, в которой Тоби наметанным глазом различил следы давнего перелома, делали его похожим на пожилую хищную птицу, виденную Тоби на картинке в детстве. Плебейская фамилия Брисби была явно позаимствована из справочника и не обманула Тоби, чужавшего аристократа за милую.

Брисби пришел не один, а с мрачным субъектом в темном костюме и низко надвинутом на глаза котелке, который тот не снял даже в чулане.

— У вас есть информация, мистер Вильямс?

— Да, сэр. Именно так, сэр!

Тоби захотелось вытянуться в струнку перед этим Брисби. Если Стила или Джинглза он просто побаивался, то этот седой джентльмен почему-то внушал Тоби леденящий страх. Тип, пришедший вместе с мистером Брисби, не добавлял спокойствия.

— Я вас внимательно слушаю.

— Сыщики Эдуард Стил и мастер Пустельга спрашивали о человеке, потерявшем позавчера маленькую вещицу.

— Мастер Пустельга? — Брови джентльмена поползли вверх. — Как же я сразу не подумал... А он не сказал, какую именно вещь имеет в виду?

— Я спросил, сэр. Но мастер Пустельга так и ответил — «миниатюрную». Я подумал, что это может быть то, что вы ищете.

— Да, скорее всего, вы правы. — Брисби погрузился в свои мысли. — Надо же, как тесен наш маленький Лондон. Значит, мышь у него. Я всегда знал, что ничего на свете не происходит случайно и все заранее предопределено.

— Вы сказали «мышь», сэр? — Любопытство взяло верх над страхом. Тоби Вильямс по прозвищу Проказа уже прикидывал, кому сможет продать новые ценные сведения. — Что за такая бесценная мышь?

Брисби посмотрел на Тоби слегка рассеянно, будто только что вспомнил о его существовании. Но взгляд пожилого джентльмена быстро прояснился.

— Мышь — это такой могущественный артефакт, о существовании которого вы не должны были прознать. Расплатитесь с ним.

Последние слова были обращены к безмолвному спутнику Брисби. И не успел Тоби ахнуть, как на его шее захлестнулась петля.

ГЛАВА 7

Уже под утро сыщики добрались до жилища Стила. Им пришлось долго стучать в двери, закрытые изнутри на засов, прежде чем заспанная хозяйка миссис Мортенсен появилась на пороге.

— Долго же вы прогуливались, мистер Стил, — ворчливо заметила она, вручив Эдуарду подсвечник. — Спасибо, хоть собаку оставили на псарне, а то шуму от вашего Гумберта — что от целой своры.

Стил сдержанно поздоровался. О судьбе верного пса он не стал распространяться, зная, что миссис Мортенсен расстроится не на шутку. Она любила Гумберта за веселый нрав и ворчала скорее для порядка.

Тем временем внимание квартирной хозяйки переключилось на Ричарда, скромно ожидавшего своей очереди.

— Здравствуйте, сэр. Вы заночуете у нас?

— Только если вы не возражаете! — великосветски ответил молодой сыщик и поспешил представиться. — Ричард Дрейтон, к вашим услугам.

Хозяйка слегка опустила подбородок, что означало согласие, и друзья вошли в дом. Они наскоро перекусили, и остаток ночи Ричард провел на софе в крошечной гостиной приятеля. Чтобы на ней уместиться, спать пришлось, подтянув ноги, но измотанный последними событиями сыщик таких мелочей уже не замечал.

Он проснулся поздним утром, когда Эдуард вышел из своей комнаты, отдернул тяжелые портьеры и распахнул окно, впуская скупое октябрьское солнце. Стил был уже одет к завтраку,

выбрит и вообще выглядел так, будто не провел вчера весь день на ногах, гоняясь за безумным убийцей и слоняясь по бандитским притонам.

— У нас встреча, Ричард, не забыли? Через два часа нам нужно быть в «Фиолетовом Будде».

Ричард не без труда встал, разминая затекшее тело. Пока он умывался и приводил себя в порядок, горничная принесла на подносе завтрак. Но едва джентльмены сели за стол, как трапеза была прервана появлением миссис Мортенсен.

— Мистер Стил, к вам посетитель.

Эдуард и Ричард удивленно переглянулись. Стил не принимал клиентов на дому, а для частного визита было еще слишком рано.

— Он представился?

— Вот его карточка.

Стил принял визитку и прочел:

— Сэр Артур Генри Уинсли.

— Вы его знаете, Эдуард? — спросил Ричард.

— Первый раз слышу это имя. Посмотрите-ка, наш гость не кто-нибудь, а розенкрейцер! — Стил протянул карточку другу. В правом верхнем углу Ричард разглядел эмблему — алую розу, вписанную в крест. Кроме имени и рисунка на карточке ничего не было.

— Что ему от вас может быть нужно?

— Сейчас узнаем. Миссис Мортенсен, этот господин пришел один?

— Со слугой. Очень, доложу вам, мрачный тип.

— Что ж, пускай поднимется, — решил Стил, с сожалением оглядывая недоеденный завтрак. — Нехорошо заставлять ждать представителя древнего ордена.

Гость не стал медлить, и вскоре друзья услышали на лестнице спокойные, неторопливые шаги уверенного в себе человека. В комнату вошел очень высокий, безупречно одетый господин. В его осанке чувствовалась военная выправка — прямая, как

шомпол, спина, ни одного лишнего фунта, величавая, если не сказать высокомерная, манера держаться. Поколения титулованных пращуров — а таковые, несомненно, имелись в родословной гостя — могли гордиться таким потомком. Сэру Артуру Уинсли было около пятидесяти, но в его глазах еще не угасло пламя страстей, усмирённых расчетливым разумом и ледяной волей.

Если бы злосчастный Тоби Вильямс, тело которого сейчас плыло вниз по течению Темзы в окружении мусора и нечистот, был жив и оказался случайно здесь, то в утреннем госте он без удивления и особого труда узнал бы мистера Брисби.

Сыщики приветствовали вошедшего. Эдуард представил Ричарда как мастера Пустельгу, зная, что тот не слишком любит раскрывать посторонним свое настоящее имя. Знакомясь, гость едва взглянул на Стила, зато Ричарда смерил слишком долгим и пристальным взглядом, чтобы его можно было объяснить просто вежливым интересом. Это обстоятельство не укрылось от внимания обоих сыщиков.

— Чем обязан визиту? — спросил Стил, когда с представлениями было покончено.

Гость сел в предложенное кресло и положил ногу на ногу. Спина его при этом осталась прямой и твердой.

— Надолго я вас не задержу. У меня всего один вопрос.

— Слушаю вас внимательно. Касательно мастера Пустельги можете не волноваться — он мой коллега и друг, которому я доверяю, как самому себе.

— Присутствие мастера Пустельги меня ни в малой степени не смущает, — заверил гость. — Собственно, мой вопрос адресован именно ему.

Стил удивленно вскинул брови. Ни одна живая душа не могла знать, что Ричард находится у него.

— Что же это за вопрос? — спросил Ричард.

— Нашел ли сокол мышь?

Если бы здесь, в лондонской гостиной, прямо сейчас взорвался артиллерийский снаряд, он бы не произвел такого ошеломляющего

и даже отчасти контузящего действия, какое оказали слова сэра Уинсли на Ричарда. Вопрос был задан так буднично, но вместе с тем с такой несокрушимой уверенностью в голосе, что стало ясно — таинственный гость не сомневается в ответе. Он знает — и знает давно — о соколе и его свойствах, знает о поисках мыши и уверен в успешности этих поисков. То, что Ричард держал в тайне всю сознательную жизнь, было извлечено визитером на свет божий так непринужденно и вместе с тем эффектно, как выдергивают кролика из пыльного цилиндра на деревенской ярмарке.

Артур Уинсли сложил руки на колене и спокойно ожидал, когда Ричард оправится от шока.

Перед лицом его хладнокровной убежденности молодой сыщик не нашел иного выхода, как ответить:

— Нашел. — И добавил с толикой вызова: — Мышь у меня.

— Великолепно! — Гость широко улыбнулся идеальным рядом зубов. Взгляд его при этом оставался неподвижным и ледяным. — Я знал, что лучшего специалиста для поиска украденного не найти во всем Лондоне. Могу я получить назад свою вещь?

— Вам придется подтвердить свои права на нее, — решительно ответил Ричард.

Улыбка сэра Уинсли не исчезла совсем, но сжалась в тонкую полоску.

— Хорошо. Какие доказательства вам нужны?

— Первым делом я хочу знать, как вы меня нашли.

— В этом мне любезно помог словоохотливый мистер Вильямс, промышляющий под личиной прокаженного на перекрестке Пикадилли и Сент-Джеймс-стрит.

— Вот жадная скотина! — не удержался Стил.

Визитер медленно покивал.

— Его алчность была сполна вознаграждена.

— Но Тоби не мог знать, что я здесь, — заметил Ричард.

— Это так, — согласился Уинсли. — Но он рассказал о том, что видел вас вместе с мистером Стилом, чей адрес найти не так уж

и трудно. Я не был уверен, что застану вас у него, хотя и надеялся на это. Вы ведь живете далеко вато...

— Откуда вы столько обо мне знаете?

— Чтобы рассказать об этом, мне пришлось бы начать слишком издалека.

— И все-таки, кто вы и откуда вам известно о соколе?

— Я позволю себе не отвечать на этот вопрос, — сухо ответил гость и, подумав, добавил: — Пока. Со временем вы узнаете это и многое другое.

Ричарда совсем не устраивал такой ответ, и он уже собрался сообщить об этом высокомерному господину, но Стил коснулся его руки, призывая к спокойствию. Имея изрядный опыт по части добычи информации, он решил взять в свои руки рычаги беседы.

— Опишите, пожалуйста, свою потерю.

Уинсли вновь улыбнулся.

— Металлическая фигурка Мыши, длиной в два с небольшим дюйма. Тяжелая, холодная на ощупь.

— Кто вел переговоры от вашего имени и почему теперь пришли вы?

Гость на секунду смешался, тень неуверенности мелькнула в его глазах. Но он быстро овладел собой.

— Это был мистер Крабб, мой лучший специалист. Зная его исполнительность и целеустремленность, я должен с прискорбием предположить, что он покинул наш мир, ибо только смерть могла помешать этому достойному человеку выполнить его миссию.

— Этот достойный человек не был похож на адепта Розы и Креста, — заметил Ричард.

— Он им и не являлся. Мистер Крабб работал по найму. Я ответил на ваши вопросы?

Сэр Уинсли начал проявлять нетерпение. Он не оглядывался по сторонам, не смотрел на часы, не порывался вскочить, но определенно стремился поскорее закончить разговор и забрать мышь.

Между тем Ричард ему не верил. Он не сомневался, что все-знающий джентльмен пытается их обмануть, но уличить его пока не удавалось. Он точно описал мышь, был в курсе миссии Крабба, но все это мог знать и тот, кто долгое время охотился за предметом, изучал хозяина и планировал кражу. Нужно было задать такой вопрос, ответить на который мог лишь истинный хозяин мыши.

— Из какого дерева сделан ларец для фигурки?

— Из красного, — не моргнув глазом, ответил сэра Уинсли.

Ричард удовлетворенно кивнул, и по его реакции гость понял, что допустил промашку. Он досадливо поджал губы, сверкнул глазами, но не стал унижаться попытками исправить положение. Что толку гадать, когда не знаешь ответ. Он просто молчал, предоставив Ричарду сделать следующий ход. И мастер Пустельга не заставил себя упрашивать.

— Какую сумму посулил мне ваш посланец? — спросил он.

Сэр Артур Генри Уинсли решил, что достаточно поиграл втемную и пора открывать карты.

— Я дам вам вчетверо больше! — сказал он твердо. — Сколько бы он ни назначил. Прямо сейчас.

Ричард, которому еще два дня назад предложенные Краббом пятьсот фунтов казались неоправданно большой суммой, сейчас даже не удивился. Он верил, что Уинсли может дать и больше, намного больше, но деньги его уже не интересовали. Его занимало другое.

— Какое у нее свойство?

Удивление гостя проявилось лишь в легком движении брови.

— Вам не откажешь в сообразительности, молодой человек.

Ричард пропустил комплимент мимо ушей.

— Каким талантом наделяет мышь своего владельца?

В дальнейшем так и осталось неясным, думал ли сэра Уинсли открыть тайну Ричарду или намеревался уклониться от ответа, но прежде, чем он успел что-то сказать, с улицы донеслись громкие крики, раздался резкий свист, а следом и звуки потасовки.

Стил первым оказался у окна и выглянул наружу. Открывшаяся ему картина не оставляла сомнений в серьезности происходящего. Это была не простая уличная драка, каких любой лондонец навидался на своем веку. Несколько человек сцепились прямо на пороге дома. Двое здоровяков в черных костюмах, вооруженные короткими ротанговыми дубинками, обороняли парадное крыльцо от троицы бродяг с кастетами. Один «чернокостюмник» уже лежал на мостовой с залитым кровью лицом, «кастеты» наседали.

Эдуард прикрыл створки и защелкнул шпингалет.

— Господа, я должен вас ненадолго оставить, — сказал он. — Необходимо подготовиться к встрече новых гостей. Надеюсь, вы меня простите.

С этими словами он скрылся в спальне. Не успели Ричард и сэр Уинсли обменяться удивленными взглядами, как на лестнице раздался топот, и в комнату вломился человек в низко надвинутом котелке.

— Сэр, они нас выследили! — закричал он с порога.

В следующий миг за его спиной бесшумно возникла коренастая фигура, и удар в затылок опрокинул нового гостя на пол. В дверном проеме стоял пучеглазый бандит. На обеих его руках сверкали стальные кастеты, надетые поверх перчаток. Внизу у парадного продолжалась возня, сопровождавшаяся возмущенно-испуганными криками миссис Мортенсен, но пучеглазый, видимо, был уверен в исходе схватки и полностью сосредоточился на людях в комнате.

— Мне нужна мышь, — сказал он просто, но в голосе его слышалась неприкрытая угроза.

Сэр Уинсли не утратил самообладания, хотя в лице потерявшего сознание спутника лишился последней поддержки. Он смерил холодным взглядом пучеглазого и повернулся к Ричарду.

— Не совершите ошибки. Этому человеку нельзя отдавать предмет. Он *непосвященный*. Никто не должен знать о нем.

— А что произойдет, если узнает? — спросил Ричард, чтобы потянуть время.

— Начнется хаос. Предметы могут принадлежать лишь избранным.

— Не валяйте дурака, мистер, — вмешался пучеглазый, поочередно подтягивая перчатки — кастеты при этом красноречиво звякнули друг о друга. — Если вы не отдадите то, за чем я пришел, добром, я пересчитаю все ваши косточки и заберу это силой.

— Поосторожнее в выражениях, приятель, — произнес Стил, выходя из своей комнаты с двумя взведенными револьверами в руках. — Вы без приглашения вторглись в мою квартиру, намусорили, — он кивнул на лежащего без движения «котелка», — так извольте хотя бы теперь вести себя прилично.

Мягко ступая, Эдуард приблизился к Ричарду и передал ему один из револьверов. Ни у кого из незваных гостей огнестрельного оружия не наблюдалось. Видимо, обе стороны, готовясь к визиту, не сочли сыщиков достаточно опасными противниками, а на встречу друг с другом и вовсе не рассчитывали.

— Итак, господа, — взял инициативу Ричард, — у нас имеется два претендента на одну находку. Сэр Уинсли, к сожалению, пока не смог доказать, что его претензии имеют основания. Что скажете вы, Мистер-с-кастетами? Чем можете удостоверить свои притязания?

— Эта вещь принадлежит моему патрону.

— Соболаговолите ее описать.

Бандит скрипнул зубами. Вид у него из-за вылупленных глаз был злобно-удивленный.

— Я ее никогда не видел, — буркнул он. — Это маленькая вещица в виде мыши. Больше ничего не знаю.

— Как вас зовут?

— Джинглз.

— Мистер Джинглз, могли бы вы описать футляр, в котором хранилась потерянная ценность?

— Нет.

— Но вы хоть что-нибудь знаете о предмете, который столь бесцеремонно намеревались забрать? — не выдержал Стил.

— Я знаю, что за ним был послан Крабб и он пропал, — ответил Джинглз.

— Кто послал вас и Крабба?

Джинглз покачал головой. Раскрывать работодателя, как и его предшественник, он не собирался.

— Подведем итоги, господа, — сказал Ричард, вставая. Револьвер он держал перед собой, не направляя ни на кого конкретно, но готовый в любой момент пустить его в ход. — Ни один из вас не смог убедить меня, что имеет права на эту вещь. Поэтому я оставляю мышь у себя.

Такой неожиданный поворот событий ошеломил всех присутствующих. Недавние соперники уставились на сыщика с совершенно одинаковым недоумением. Даже Стил удивленно закашлялся.

— По-моему, мистер Джинглз... — начал было он.

— Мистер Джинглз знает о предмете своего интереса еще меньше, чем сэр Уинсли! — перебил его Ричард. — Возможно, он обычный мошенник, и его полномочия ограничиваются лишь этими блестящими штуками на пальцах.

— Ты пожалеешь об этом, наглый молокосос! — процедил Джинглз и свел кулаки, отчего кастеты снова многообещающе звякнули.

— Весьма опрометчивый шаг, — заметил в свою очередь сэр Уинсли.

— Я не закончил, господа. Столь волнующий вас предмет останется у меня до тех пор, пока кто-нибудь не предъявит неопровержимые доказательства своих прав на него. Убежден, что это сможет сделать только истинный хозяин. Сейчас мы с мистером Стилом покинем вас. Не пытайтесь нас преследовать или искать — первое опасно, а второе бесполезно. И подумайте над моими словами. О месте встречи я вас уведомяу отдельно, следите за свежей прессой. Счастливо оставаться. Пойдемте, Эдуард.

С этими словами он направился к выходу. Стил, изумленно молчавший в течение всей речи, последовал за ним. Пучеглазый Джинглз, повинувшись движению ствола, посторонился.

На пороге Ричард обернулся.

— Надеюсь, у вас достанет благоразумия не учинять здесь погром. Не хочу, чтобы любезная миссис Мортенсен, давшая мне приют, понесла убытки. Помните — мышь у меня.

И друзья покинули комнату.

На лестнице они разминулись с еще одним «кастетом», не рискнувшим преградить путь двум вооруженным людям. Внизу их ждала бледная и испуганная хозяйка.

— Миссис Мортенсен, — самым непринужденным тоном обратился к ней Ричард. — В гостиной остались два господина. Можете не беспокоиться, они уйдут еще до появления полиции. Большое спасибо за гостеприимство, и простите нас за доставленные неудобства.

Он вручил ошарашенной хозяйке десять фунтов и вышел на улицу.

На мостовой возились, приходя в себя, двое «чернокостюмников» и один «кастет». Неподалеку заливался полицейский свисток. Зеваки, приходящие в восторг от уличных драк, уже расходились, справедливо полагая, что самое интересное осталось позади.

Ричард свистом подозвал кеб, и вскоре друзья катили по улицам Лондона, приходя в себя после опасного приключения.

— Должен признать, вы действовали весьма решительно, Ричард, — прервал молчание Стил. — Держу пари, наши незваные гости не ожидали такой прыти. Надеюсь, у вас есть план.

— Да, я все продумал.

— Где же вы намерены обосноваться, пока претенденты ищут способы доказать нам свои права на мышь? Они уже продемонстрировали незаурядные способности по части розыска людей.

— Чепуха. Это жадный Тоби продал нас дважды, за что и заплатился. Вы слышали намеки хлыща?

— Да, думаю, в «Фиолетовом Будде» нас сегодня никто уже не ждет.

— Это точно. Нам нужно пересидеть день-другой, но нельзя идти туда, где нас могут искать...

— А искать нас будут везде, — саркастически вставил Стил.
— Везде, кроме одного места. Любезный! — обратился Ричард к вознице, приоткрыв окошко. — Правьте в Мэйфэр.

— Что вы задумали?

— Мы попросим приюта у Поулсонов.

— Вы шутите?!

— Ничуть. Судите сами: о нашем знакомстве с ними не знает ни одна живая душа — это раз; все семейство исполнено искренней благодарности к нам — это два. Я уверен, они с радостью приютят нас.

Стил, который еще вчера заметил взгляды, бросаемые мастером Пустельгой в сторону спасенной девицы, подумал, что, возможно, выход нашелся так быстро потому, что его друг настойчиво искал предлог вновь увидеться с Элизабет. Несмотря на это, старший сыщик не мог не признать изящности такого решения.

Экипаж довез джентльменов до Грин-парка, откуда, из сообщений конспирации, они продолжили путь пешком и вскоре стояли у массивных дверей особняка Поулсонов. Служанка впустила их в холл и отправилась доложить хозяевам.

— Рик, а как вы собираетесь сообщить нашим «конкурсантам» о месте встречи? — спросил Стил, рассматривая портреты на стенах.

— Конечно, через газету, дружище! Сегодня вечером мы дадим объявление в утреннюю «Дейли телеграф». Сформулируем так, чтобы было понятно лишь заинтересованным лицам.

— И где вы хотите с ними встретиться?

— В месте популярном, людном и охраняемом силами правопорядка.

— Не в Букингемском ли дворце, часом?

— В музее мадам Тюссо на Мэрилебон-роуд.

— На выставке этих кошмарных кукол! Неужели ее кто-то посещает? — Стил покачал головой. — Более жуткое зрелище трудно себе представить.

— Посетителей там хоть отбавляй, очень оживленное местечко. И неподалеку полицейский участок.

В это время в холле появился мистер Гровер Поулсон. Оживленное радушие на его лице соседствовало с тщательно скрываемым недоумением.

— Рад приветствовать, господа! Мистер Стил. Мастер Пустельга. — Он по очереди потряс руки джентльменов. — Как замечательно, что вы решили не откладывать визит! Мы немедленно исправим все неловкости, которые могли возникнуть при нашем знакомстве — исключительно по причине его внезапности и драматичности. Прошу вас, господа, располагайтесь в гостиной. Дамы сейчас спустятся и будут несказанно рады встрече.

Такая многословность, обычно не присущая мистеру Поулсону, объяснялась некоторой его растерянностью. Дело в том, что мистер Поулсон, под маской простодушия прятавший проницательную натуру, имел основания подозревать, что вчерашнее приключение горячо любимой им Элизабет было не так безобидно, как она хотела его представить.

Накануне, после ухода сыщиков, опекун случайно стал свидетелем странного казуса. Лизи, думая, что ее никто не видит, проникла в его кабинет, положила в сейф револьвер и ретировалась в свою комнату. Это происшествие, которое мистер Поулсон по размышлении решил не предавать огласке, серьезно встревожило пожилого джентльмена. Поэтому сегодня он намеревался поговорить с Лизи начистоту.

Неожиданный визит вчерашних спасителей не столько обрадовал, сколько обеспокоил опекуна еще сильнее. В нем он усмотрел продолжение вчерашних событий и теперь не знал, чего ожидать дальше. После недолгих колебаний, дождавшись, когда сыщики рассядутся в креслах и раскурят трубки, он спросил:

— Итак, господа, я вас слушаю. Чем продиктован ваш визит?

Решительность, с которой мистер Поулсон приступил к расспросам, произвела должный эффект. Мастер Пустельга, взявший на себя ведение переговоров о приюте, ответил со всей откровенностью.

— Не стану ходить вокруг да около, уважаемый сэръ. Мы нуждаемся в вашей великодушной помощи.

Несмотря на свою завидную проницательность, мистер Поулсон понял слова гостя превратно. Он решил, что речь пойдет о вознаграждении за вчерашнее спасение его легкомысленной племянницы. К счастью, он не успел никак прокомментировать заявление молодого гостя. Ричард продолжил:

— Дело в том, что мы с мистером Стилом оказались в западне и нуждаемся во временном пристанище. Нет-нет, сначала дослушайте! — поспешно проговорил он, видя поползшие вверх брови хозяина дома. — Мы находимся в нешуточной опасности, но не посмели бы навлекать ее на ваше жилище, если бы наше пребывание здесь составляло для вас хотя бы малейший риск.

— Какого рода опасность? — спросил мистер Поулсон, стараясь не выдать волнения.

— Нас ищут могущественные люди, и цели их далеки от благородных, — честно ответил Ричард. — Мы обратились к вам потому, что ни одной живой душе в городе не известно о нашем знакомстве. Ваш дом — это единственное место в Лондоне, куда мы могли пойти, зная, что здесь нас никогда не найдут.

Мистер Поулсон попал в затруднительное положение. Как почтенный отец семейства, он должен был пекся в первую голову о незащищенных дамах, вверенных судьбою его заботам. Но, как человек благородный, он был просто-таки обязан помочь двум попавшим в беду джентльменам. Тем более что именно они минувшей ночью спасли его непутевую племянницу. Именно это обстоятельство он и решил прояснить первым делом.

— Господа, прежде чем я дам вам ответ, хотелось бы пролить свет на вчерашние события. Не связаны ли ваши нынешние... затруднения с неприятностями, в которые впуталась намеренно юная авантюристка мисс Элизабет?

Как ни велико было искушение воспользоваться ошибочными предположениями мистера Поулсона, Ричард вынужден был их опровергнуть.

— Наши проблемы не имеют к ней отношения.

Хозяин кивнул, оценив благородство мастера Пустельги.

— Но ведь то, что произошло вчера с ней, не было простой шалостью досужего бездельника? Ей угрожала настоящая опасность? Господа, я видел у Лизи мой револьвер!

— Да, сэр. Человек..., пристававший к вашей племяннице, не был так уж безобиден. Она могла пострадать.

— Я так и думал! — воскликнул мистер Поулсон с негодованием. — Капризная девчонка просто притягивает неприятности. Нет, права миссис Поулсон, скажу я вам. Нужно немедленно выдать ее замуж. Хоть за Рэтмола, хоть за черта лесного!

Разразившись этой экспансивной тирадой, мистер Поулсон выхватил из кармана платок и промокнул вспотевший лоб.

— Решено! — заявил он. — Можете располагать моим гостеприимством столько, сколько вам понадобится. Но вы должны обещать, что не навлечете беды на этот дом!

Сыщики как раз горячо благодарили гостеприимного хозяина, когда в гостиную спустились миссис Поулсон и мисс Элизабет.

Тетушка Аббигайл одарила джентльменов самой доброжелательной и искренней из улыбок. Юная мисс Лидгейт тоже была рада гостям, особенно мастеру Пустельге, хотя и скрывала это под маской хороших манер. Лишь легкое беспокойство — не связан ли сегодняшний визит с недавними пугающими событиями? — омрачало ее хорошее настроение.

— Дамы, хочу сообщить вам, что я пригласил господ сыщиков погостить у нас... мнэ-э-э... некоторое время! — сказал мистер Поулсон таким тоном, будто уже получил категорические возражения и намеревается отстаивать свое решение самым неприемлемым образом.

Возражений, однако, не последовало, напротив, дамы выразили восторженное восхищение решением мистера Поулсона. После непродолжительной светской беседы, в течение которой Ричард и Элизабет в основном молчали, зато обменялись несколькими брошенными украдкой взглядами, мистер Поулсон

заявил, что гостям нужно отдохнуть, и служанка проводила сыщиков в их комнаты.

Последовавший вскоре обед прошел за непринужденной беседой. Стил проявил чудеса красноречия, чем окончательно очаровал тетушку Абби. Он оказался в курсе всех светских сплетен, событий и слухов. В то же время Эдуард не забывал отдавать должное и хозяину дома: политика, скачки, цены на колониальные товары — обо всем этом он мог рассуждать с видом заправского салонного болтуна.

Ричард даже позавидовал приятелю. Он и сам умел при необходимости поддержать светскую беседу или пустить пыль в глаза богатому клиенту, но почему-то рядом с Элизабет его дар общения застенчиво прятался за угрюмым молчанием.

Лизи тоже не проронила ни звука, что в конце концов даже озаботило тетушку, привыкшую к бойкой натуре воспитанницы.

После обеда в центр гостиной вынесли ломберный столик, и мистер Поулсон собрался разложить партию в вист. Однако сыщики ответили мягким, но непреклонным отказом.

— Прошу нас простить, мистер Поулсон, — сказал Стил, поднимаясь. — Есть важные дела, требующие нашего самого серьезного внимания. Мы с мастером Пустельгой вынуждены на время откланяться, но уверяю вас, по возвращении мы с удовольствием присоединимся к игре.

Мистер Поулсон сделал вежливую попытку настоять, но вскоре отступил и вызвался проводить джентльменов до дверей.

— Помните, господа, о чем мы условились! — попросил глава семейства, убедившись, что женщины его не слышат. — Не допустите, чтобы хоть тень беды легла на этот дом.

— Ни в коем случае, сэр! — горячо заверил его Ричард, в отсутствие Элизабет вновь обретший голос.

— Вас ждать к ужину?

— Надеюсь, мы ненадолго, но сложиться может по-всякому.

— Что ж, желаю удачи.

Сыщики распрощались с гостеприимным хозяином, чтобы вновь оказаться на улицах Лондона. Их путь лежал на ближайшую почту, где можно было заполнить бланк объявления во все крупные городские газеты. Придя туда, они выбрали отдельно стоящее бюро и принялись сочинять текст своего послания. Итогом непродолжительных совместных усилий стало следующее объявление:

«Лицо, потерявшее третьего дня ценного грызуна, может получить его лично в руки завтра, 3 октября, по адресу: Мэрилебон-роуд, Музей мадам Тюссо. В час пополудни, у фигуры короля Карла Первого. Для благополучного разрешения возможных недоразумений лицо должно быть готово доказать свои права на животное любым удобным ему способом».

— Не слишком ли прямолинейно у нас вышло? — усомнился Эдуард, когда текст объявления был готов.

— Как по мне, то понять, о чем ведется речь, может только человек, имеющий отношение к делу.

— Вы ведь готовы к тому, что на встречу явятся и те, и другие претенденты?

— Более того, я в этом убежден! Поэтому и выбрал людное место. Не смогут же они в самом центре Лондона устраивать свои побоища.

— Надеюсь... — задумчиво произнес Стил. — Как вы думаете, этот пучеглазый тип, Джинглз, он действительно представляет интересы истинного хозяина?

— Не удивлюсь, если это так. Он ни черта не знает про мышь, но ведь и Крабб о ней ничего не знал, а он был правой рукой своего патрона. В то же время образом действий Джинглз больше напоминает именно Крабба. В то время как сэр Уинсли со своей аристократической спесью совсем другого поля ягода. С другой стороны, возможно, существует какая-то третья сила, которая и является настоящим владельцем артефакта. Охота за ним идет нешуточная.

Ричард достал из кармана крошечную шкатулку, чтобы еще раз взглянуть на мышь. Фигурка лежала на подушечке, доступная и загадочная одновременно.

— Какое же у тебя все-таки свойство?! — спросил Ричард, не надеясь на ответ.

— Знаете, о чем я подумал, Рик? — вдруг сказал Стил. — В пылу горячего спора с претендентами мы забыли спросить у того же мистера Джинглза о глазах его хозяина. Помните вашу идею о разноцветных глазах?

— Мы много чего не спросили. Например, сэр Уинсли определенно немало знает о таких фигурках. Он ведь намекал на избранность их владельцев и на то, что фигурок может быть много. В любом случае, обстановка не располагала к подробным расспросам. С другой стороны, у нас есть новая ниточка — розенкрейцеры.

— Вот это-то как раз странно. В прошлом розенкрейцеры были могущественным и влиятельным орденом, но сейчас это кучка полубезумных клоунов-мистиков, грезящих мировым господством и увлекающихся спиритуализмом и столоверчением.

— Сэр Уинсли, хотя и производит впечатление фанатика, на откровенного безумца все же не похож.

— Вот именно! Что общего у него с розенкрейцерами — ума не приложу. Но надеюсь, нам и не придется этого выяснять. Вручим завтра вашу мышь хозяину и постараемся о ней забыть.

Друзья отдали объявление клерку, заплатили за срочность и, получив заверения, что завтра в восемь утра их послание будет продаваться на каждом углу и любой читатель «Дейли телеграф» сможет с ним ознакомиться, покинули почтовую контору.

Перед ними раскинулась широкая и многолюдная Бейкер-стрит. Движение по ней было таким оживленным, что местами кареты и кебы сбивались в заторы, а многоместные omnibuses делали их почти непреодолимыми. Кучера ругались с возницами, форейторы кричали на кондукторов, пассажиры, плюнув на все, сходили, чтобы продолжить путь пешком. Но и на тротуаре было не протолкнуться: дамы, джентльмены, уличные торговцы, лоточники, посланные по хозяйским нуждам слуги, старьевщики, нищие, почтальоны, уборщики, мелкие воришки, констебли

и просто гуляющая публика — все они толкались, пихались, сновали вокруг, ссорились, мирились и обнимались так неистово и отчаянно, словно наступили последние дни человечества.

— Между прочим, Эдуард, — сказал Ричард, оглядываясь. — Мы неподалеку от Мэрилебон-роуд, здесь рукой подать до выставки мадам Тюссо. Если пожелаете, можем пройти посмотреть обстановку.

— Было бы несколько опрометчиво разгуливать по городу, в то время как нас наверняка усиленно ищут.

— В Лондоне больше двух миллионов жителей! Вы действительно опасаетесь, что нас могут найти *случайно*? Или что мы внезапно встретим кого-нибудь из знакомых?

— Не забывайте, ведь на нас, помимо прочего, лежит ответственность за безопасность гостеприимных Поулсонов и мисс Лидгейт.

При упоминании имени Элизабет Ричард слегка покраснел и согласился, что посещение популярных залов мадам Тюссо может способствовать их преждевременному раскрытию.

Не сговариваясь, друзья повернули в сторону Мэйфэра, намереваясь вернуться в свое временное пристанище. Но не успели они сделать и пары шагов, как почти нос к носу столкнулись с молодым джентльменом, рассеянно оглядывавшимся по сторонам с картой в руках. Он был плотного телосложения, хорошо одет и щеголял густыми моржовыми усами.

— Ба! Старина Стил! Как поживаете, дружище?!

Эдуард слегка натянуто улыбнулся и пожал протянутую руку, бросив на Ричарда многозначительный взгляд, как бы говоривший: «Ну, вот видите!»

— Здравствуйте, дорогой Артур. У меня, как всегда, все превосходно. Познакомьтесь, мой товарищ — мистер Дрейтон.

Ричард слегка поклонился и тоже пожал руку усатого джентльмена.

— Очень приятно! — сказал усатый. — Артур Дойл, литератор.

— Позвольте-ка! — Ричард наморщил лоб. — Артур Дойл, вы сказали? Не тот ли Артур Дойл, что в прошлом году опубликовал великолепную повесть о частном сыщике? Как же она называлась...

— «Этюд в багровых тонах», — несколько смущенно подсказал мистер Дойл, теребя ус. — Да, это я.

— Именно, «Этюд в багровых тонах»! Как вам удалось создать такого любопытного героя? Вас кто-то консультировал? Быт частного сыщика передан с такой живостью и безупречной точностью, что просто диву даешься.

Польщенный этим внезапным потоком похвал, Артур Дойл довольно улыбался в усы.

— Мне дал несколько советов мистер Стил. Собственно, так и состоялось наше знакомство.

— О, Эдуард, так это вы приняли участие в написании романа?!

— Всего лишь внес посильную лепту в качестве советчика, — поправил его Стил.

— Не скромничайте, — вставил Дойл. — Без вас он не удался бы и вполтину таким хорошим.

— Вам нужно обязательно продолжить историю этого сыщика, мистер Дойл, — решительно заявил Ричард. — Во что бы то ни стало! Это успех на века!

При этих словах литератор приуныл.

— Да, публика очень довольна, а издатели предлагают заманчивый контракт на цикл рассказов и даже роман. Но все же это не то, о чем бы я хотел писать. У меня есть прекрасные идеи для нескольких исторических романов.

— Это вы бросьте, мистер Дойл, — с шутливой строгостью пригрозил ему Ричард. — Читатель лучше вас знает, что ему нужно.

Моржовые усы литератора еще больше поникли.

— Я понимаю, — печально и даже немного обреченно сказал он. — Вот для этого я и пришел сюда. Собираю материал для нового рассказа.

— Ужасно интересно! — сказал Ричард. — И что вы здесь ищете?

— Дом своего сыщика. И представляете, какая-то путаница выходит. Я точно помню, что взял за основу дом, который видел тут, на Бейкер-стрит, под номером 221-б. Собственно, этот номер я и дал дому в романе. А сейчас я вернулся сюда, чтобы уточнить некоторые детали, и что же — никакого дома 221-б на Бейкер-стрит нет и в помине! Как вам такое понравится?

— Действительно странно, — согласился Стил. — Тем более что на Бейкер-стрит не наберется и сотни домов. Что-то вы напутали, дружище.

— Мистика какая-то! — обескураженно пробормотал мистер Дойл. — Как глупо я буду выглядеть в глазах читателей.

— Бросьте, читатели ничего не заметят, — успокоил его Ричард. — А представьте, что было бы, начни толпы ваших поклонников стекаться к реально существующему дому и тревожить покой какого-нибудь мирного бакалейщика, которому не посчастливилось в нем проживать.

— И все-таки здесь что-то неладно. Я прекрасно помню, что именно тут, на Бейкер-стрит, стоял тот дом. — Взгляд писателя сделался задумчивым и мечтательным. — Пожалуй, может получиться интересная история в духе американца По. Нужно посоветоваться с Узником.

— Узником? А кто это? — заинтересовался Ричард.

— О! Узник — это интереснейшая личность! Самый поразительный человек из всех, кого я когда-либо знал, — с готовностью поделился Артур Дойл. — Величайший в Лондоне знаток всего мистического и загадочного, и при этом сам окружен ореолом такой таинственности, что о нем не известно буквально ничего.

— Действительно занятно. Человек, который знает все, в то время как о нем ничего не известно... — Ричард пожал плечами. — А почему у него такое прозвище — Узник?

— В этом особая пикантность. Дело в том, что он действительно узник, то есть в буквальном смысле — заключенный.

— Кажется, я знаю, о ком вы говорите, — вспомнил Стил. — Это знаменитый узник из камеры № 273 в Ньюгейте?

— Совершенно верно!

— Погодите! — удивленно попросил Ричард. — Как может человек, находясь в тюрьме, консультировать по вопросам мистического и потустороннего? Вы ведь собирались с ним советоваться, мистер Дойл, если я правильно вас понял?

Оба собеседника бросили на Ричарда снисходительные взгляды.

— При обоюдном желании и наличии денег два джентльмена всегда найдут способ встретиться, и тюрьма не будет тому помехой, — объяснил Стил.

— Удивительно! — с нескрываемым восхищением сказал Ричард. — Откуда он столько знает, сидя в заточении?

— Неизвестно. Но это всего лишь одна из многочисленных странностей Узника. Думаю, у него есть агенты за пределами тюрьмы. А может быть, и за пределами материального мира, — ответил Артур Дойл многозначительно и приподнял шляпу. — Ну что же, господа, позвольте откланяться. Попробую еще поискать потерянный дом № 221-б. Был рад встрече!

— Подождите! — в последний момент Ричард остановил литератора. — Еще один вопрос. Я давно интересуюсь историей «Марии Селесты» и загадочного исчезновения ее экипажа. Помнится, несколько лет назад в каком-то журнале я прочитал ваш рассказ об этом происшествии — «Сообщение Хебекука Джефсона», если не ошибаюсь. Так вот там есть несколько пассажей, написанных с такой точностью и таким знанием деталей, что невольно веришь каждому слову. Скажите, откуда они вам известны?

— Помилуйте, я все выдумал! — беззаботно отмахнулся Дойл. — История и впрямь очень загадочная, так что я уж дал волю фантазии. Если кто и знает об этом что-нибудь, так это как раз Узник. Такие истории по его части.

Он еще раз поклонился и, распрощавшись с сыщиками, растворился в суетлоке Бейкер-стрит.

— Хороший малый, — сказал Стил, глядя ему в след. — Только рассеянный невероятно. Потерять целый дом — надо же такое учудить.

Ричард не услышал приятеля, так как был слишком занят собственными мыслями.

— Скажите, Эдуард, — обратился он к Стилу, — у вас ведь наверняка есть знакомые среди тюремщиков Ньюгейта?!

— А как же. Я спровадил туда не одну грешную душу и нередко навещал их по делам следствия. Завел знакомства, известное дело. Что вы задумали, дружище?

— Не могли бы вы организовать нам встречу с Узником? Прямо сегодня!

— Для чего? И почему такая спешка?

— Вы же слышали, все таинственное и загадочное — в его ведении. Может быть, он подскажет, в какую историю мы встряли. И кроме того, «Мария Селеста»... возможно, он прольет свет и на мою тайну...

— Ох, Рик, — вздохнул Стил. — Сейчас это очень не вовремя! Нас могут выследить в любой момент.

— Неожиданность — наш козырь. Если будем действовать быстро, то враги просто не успеют за нами. Идемте! Ну же!

И Эдуард Стил, поняв, что взывать к благоразумию младшего друга бессмысленно, сдался.

— Ваша взяла, Ричард. Ловите кеб.

ГЛАВА 8

Ньюгейтская тюрьма, называемая в народе просто Ньюгейт, возвышалась над окрестными зданиями угрюмой мощью серых каменных стен. Два громадных корпуса, почти лишенные окон — лишь на верхних этажах, предназначенных для «благородных» узников, были проделаны крошечные бойницы, забранные толстыми стальными прутьями, — выглядели зловеще и нагоняли тоску.

Ричарда, как и любого приютского мальчишку, с детства пугали этим заведением. Управляющий приютом, отвратительный мистер Калпепер, наказывая провинившегося воспитанника, любил повторять, что каждый удар розги отдаляет сорванца от неизбежной виселицы в Ньюгейте. Те времена были давно позади, но смутная тревога овладевала Ричардом при мысли о том, что придется оказаться внутри, пускай и в качестве посетителя.

Эдуард Стил постучал в дверь сторожки охранника.

— Чего надо? — грубо спросил высунувшийся на стук молодой мордатый парень.

— Мы к старшему надзирателю Джо Мэннингу.

— А сами кто такие будете?

— Старший инспектор Блэк и инспектор Уайт, Скотланд-Ярд, следственный отдел! — ответил за Стила Ричард, сверкнув глазами.

Парень сразу сменил тон:

— Прощения просим, господа, без формы не признал. Шляются всякие, а день сегодня закрытый для экскурсий.

— В следующий раз специально для вас надену мундир, — спесиво отозвался Стил.

— Что за экскурсии еще? — спросил удивленно Ричард.

Парень подмигнул Стилу и кивнул на Ричарда.

— Новенький, поди? Известно, какие экскурсии. Оз-на-ко-митель-ные! Уже давно завели моду пускать зевак поглазеть на душегубцев, воров и прочую грязь человеческую.

— Прямо в тюрьму? — не выдержал Ричард.

— А что такого? Три шиллинга на бочку — и гуляй-любопытствуй. Оно, конечно, к серьезным деятелям публику не пускают, а так, шелупонь мелкую — смотри, пожалуйста.

Ричарду было трудно понять, как тюрьму можно превратить в коммерческое предприятие, но он благоразумно воздержался от дальнейших вопросов, чтобы не вызвать подозрений у мордатого охранника. Парень впустил джентльменов в сторожку, откуда имелся второй выход — на тюремный двор.

— Пройдете до здания, и там на первом этаже комнаты надзирателей.

— Знаю, — небрежно бросил Стил и, не оглядываясь, зашагал к тюрьме.

Ричард двинулся следом. Внутри они попали без проблем — наружная дверь оказалась не заперта, как и вторая, решетчатая, прятавшаяся за ней. Коридор был освещен газовыми рожками, светившими по-тюремному скуп. Кабинет старшего надзирателя Стил нашел быстро и, символически постучав, вошел.

За древним, покосившимся дубовым столом, щеголявшим остатками зеленого сукна, сидел пожилой рыжеватый мужчина с красным от пьянства носом. Как раз в этот момент он наливал что-то в большую кружку из полупустого бурдюка; захваченный врасплох, надзиратель дернулся, пролив часть жидкости.

— Черт вас разбери! Напугали совсем! Кто это там?

— Здравствуйте, Джо! — приветливо поздоровался Стил.

Старик прищурился — света в комнатухе было еще меньше, чем в коридоре, — и недовольно осведомился:

— Инспектор Стил?

— Приятно, когда тебя помнят.

— Прекрасно помню, что вы всегда захватывали с собой бутылочку недурного хереса, когда наносили мне визит, — ворчливо намекнул Мэннинг. — Давненько вас не видать.

— Я и сейчас не забыл об этой доброй традиции.

Эдуард достал из пакета бутылку, купленную в лавке на углу Ньюгейт-стрит и Сноу-хилла.

— Вот это другое дело! — сразу повеселел старший надзиратель. — Узнаю инспектора Стила. Постойте-ка, я, кажется, слышал, что вас уволили. Какая-то неприятная история...

— История действительно неприятная. Но ушел я сам. Позвольте представить, мой друг — мистер Доджсон. А это старший надзиратель Ньюгейта Джо Мэннинг.

Друзья решили не раскрывать без крайней нужды настоящее имя Ричарда.

— Да-да, очень приятно, — рассеянно кивнул Мэннинг, не отрывая взгляда от принесенной бутылки.

— Мы к вам, дружище, пришли по старой памяти с просьбой, — сказал Стил, вручая подарок старшему надзирателю.

— Что за просьба? — Мэннинг со сноровкой, говорящей об изрядном опыте, открыл бутылку и, кряхтя, полез под стол в поисках дополнительных кружек.

— Хотим посетить Узника.

— Какого? — Хозяин кабинета выбрался с двумя подозрительного вида пыльными стаканами и выставил их на стол рядом с кружкой. Затем он разлил вино, причем себе налил до краев, а гостям плеснул самую малость.

— Узника! — произнес Стил с нажимом. — С «нижних палуб».

Рука Мэннинга, держащая бутылку, дрогнула. Лицо, только что выражавшее живую радость, поскучнело.

— Визиты частных лиц в Преисподнюю строгойше запрещены.

— Мы это понимаем. Но, с другой стороны, за эту экскурсию мы заплатим не три шиллинга, а... — Стил вопросительно взглянул на Ричарда. Тот как бы невзначай растопырил ладони правой руки. — А пять фунтов.

Мэннинг залпом выпил свою кружку, помотал головой и скривился.

— Зачем он вам сдался, Эдуард? — спросил он грустно.

— Есть предположение, что он располагает интересующими нас сведениями.

— Све-е-дения... — протянул пьяно Мэннинг. — Сведения им подавай. Узник «располагает», можете даже не сомневаться. Этот дьявол знает обо всем и обо всех. Да только просто так он вам ничего не скажет.

— Мы готовы оплатить его услуги, — вставил Ричард.

— Хотите отделаться деньгами? Не выйдет! Ему не нужны ваши деньги.

— А что нужно? Душа? — спросил Ричард, улыбаясь, хотя по спине его побежали мурашки.

Мэннинг налил еще вина, на сей раз только себе, и опять выпил залпом. Затем взглянул на Ричарда пристально и неожиданно трезво.

— Хорошо. За пять фунтов я спрошу, можно ли вам к нему.

— Спросите у кого? У начальника тюрьмы? Может быть, лучше не впутывать в это дело посторонних?

Старший надзиратель впервые за все время беседы рассмеялся тихо и печально, будто над шуткой умирающего.

— Нет, молодой человек. Я попрошу для вас аудиенции у самого Узника.

— Вы?! — удивлению Ричарда не было предела. — Старший надзиратель будет просить заключенного о встрече?

Джо Мэннинг не ответил. Он написал на клочке бумаги пару строк и позвонил в большой бронзовый колокольчик. Через минуту в комнату заглянул заспанный караульный.

— Отнесите записку *вниз*. Передадите тому, кто дежурит у люка. Скажете, это в № 273. Подождете ответ.

Караульный вяло вытянулся, козырнул и побрел выполнять приказ. Ричард достал бумажник и вручил Мэннингу деньги. Крупная сумма как будто не обрадовала старшего надзирателя.

— Надеюсь, у вас ничего не получится, — сказал он вдруг. — Вы всегда мне нравились, Эдуард. И ваш друг производит впечатление хорошего человека. Будет лучше, если Узник не согласится на встречу. Не желал бы я вам попасть в его сети. Это же Спрут! Зачем бы он ни понадобился, лучше обойтись без него.

— Почему вы думаете, что он нам откажет? — спросил Ричард.

— К Узнику приходят многие, приезжают даже иностранцы — русские, американцы, османы, но далеко не всех он принимает.

— А чем он, по-вашему, занимается?

— Торгует тайнами. Но это торговля в кредит, и его покупатели навсегда остаются в должниках.

— Откуда вы это знаете? — В голосе Ричарда прозвучало сомнение.

— Я надзираю за ним уже пятнадцать лет и не всегда был старым пьяницей.

Мэннинг вновь наполнил свою кружку и долго смотрел в нее, словно надеялся что-то найти на дне. Наконец вернулся посланный с запиской караульный. Старший надзиратель развернул бумажку и прочел:

— «Сокол может пройти».

Ричард вздрогнул.

— Ни черта не понятно! Какой сокол? — Мэннинг вопросительно уставился на сыщиков. — Вам это о чем-нибудь говорит?

— Сокол — это я, — признался Ричард. — Но как он узнал?

— Вот видите! Об этом я и говорил. Ему известно все, а ведь он вас даже не видел! Но еще не поздно передумать, пока вы ему ничего не должны.

Ричард не знал, что и думать. Стремительность, с которой росло число посвященных в его тайну, пугала. У молодого сыщика возникло неуютное предчувствие, что уже завтра мальчишки-газетчики будут выкрикивать на улицах заголовки: «Тайна мастера Пустельги раскрыта! Читайте в свежем номере! За талантом сыщика скрывался волшебный амулет!»

— Я все же рискну, — решил он. — Может ли Эдуард пойти со мной?

— Как хотите. Если Узник разрешит, пропустят и его.

Старший надзиратель опять позвонил.

— Проводите джентльменов в Преисподнюю, — сказал он, когда караульный вошел.

— Спасибо, Джо! — поблагодарил Стил, вставая и пожимая дрожащую руку старика.

— Не за что. Берегите себя. До свидания, молодой человек.

Ричард попрощался, и сыщики вслед за провожатым покинули кабинет старшего надзирателя.

Они шли по извилистым коридорам Ньюгейта, и Ричард дивился, как мало здесь запертых дверей. Будто попал не в тюрьму, а в парламентскую канцелярию.

— Почему у вас тут все открыто? — спросил он у проводника.

— Так это коридор для посетителей. Здесь у нас навроде музея.

— И что в нем демонстрируют?

— Всякую пакость. Посмертные маски висельников, а то и целые гипсовые головы — тех, что познаменителей. Кандалы и цепи Джека Шепарда — того молодца, который пять раз сбегал из Ньюгейта. Есть столб, к которому триста лет назад приковали монахов-католиков — так и померли паписты голодной смертью. Еще есть камера смертников — совсем как настоящая, где любой зевака за дополнительный шиллинг может посидеть-потомиться, как настоящий убивец. Можно поглядеть на инструменты из «давьильни», которыми, значит, из упрямцев правду выпытывали, — но это, конечно, раньше, теперь такого не водится.

— А где содержатся узники?

— Это смотря какие. Которые поприличнее — заговорщики там или предатели короны, к примеру — наверху, там «господский» этаж. Под ними — должники, казнокрады, мздоимцы, это у нас называется «общий» этаж. А в подвалах — «давьильня». Там воры, убийцы, евреи, похитители детей и прочая сволочь.

— Так нам в подвал?

— Нет, нам еще ниже. Слыхали, что мистер Мэннинг сказал? В Преисподнюю.

— Звучит не очень оптимистично.

— Так ничего хорошего там и не ждите. В Преисподней свои законы, мы туда и не спускаемся. Тамошние сидельцы сами себе сторожа. Говорят, тех, кто по ихним законам жить не хочет, они сами в клетки заключают и мордуют как захотят.

— И кто там содержится?

— А бог его знает. — Провожатый помотал головой, как бы прогоняя даже мысли о возможных обитателях Преисподней. — Всякие темные личности, которым даже в «давяльне» места не сыскалось. — Он задумался. — Безумцы, ведьмы, цыгане... и, конечно, Узник.

Они приблизились к широкой решетчатой двери, за которой виднелась лестница, ведущая в подвальный мрак. Караульный снял с пояса связку ключей и отпер решетку.

— Пожалуйте, господа.

И сыщики шагнули на лестницу. По широкой дуге она уходила под землю так хитро, что поворот оставался все время футами в шести впереди. На стенах изредка попадались глиняные подсвечники с коптящими огарками свечей. Впрочем, лестница оказалась недлинной, и вскоре, миновав еще одну дверь, друзья очутились в широком помещении, по бокам которого тянулись решетки общих камер.

Стоило сыщикам войти, как из сумрака камер слышались ужасающие вопли, а между прутьями решеток просунулись десятки грязных рук. Раздались требовательные крики:

— Господа, подайте великодушно!..

— Монетку, одну монетку!..

— Деньги давай! Деньги давай! Давай деньги!..

Пахнуло невыносимой вонью месяцами не мытых тел, экскрементов и мочи. Ричард прикрыл рот ладонью, подавляя приступ тошноты.

— Проявите милосердие, господа, — посоветовал провожатый. — Киньте страждущим парочку полупенсовиков. А они купят себе кусок хлеба или бурдючок янтарного канарского.

— У кого купят? Разве тут есть лавка?

— У меня, — честно ответил страж.

Стил нашел несколько мелких монет и сунулся было к решеткам.

— Близо не подходите, сэр, — предостерег предприимчивый проводник. — Тюремная лихорадка — страшная хворь. И ужасно заразная. В прошлом году маляры красили соседний «каменный мешок», так из восьмерых семеро заболели, а двое из них и вовсе померли. Вы лучше мне сразу отдайте, а я уж им все, что надо, принесу.

Стил коротко размахнулся и бросил монетки в темноту.

— Вы получите отдельно, — сухо пообещал он.

— Как угодно.

Они миновали залу с решетками и оказались в следующем помещении. Это была большая комната, поделенная на отдельные крошечные камеры, в которых томились арестанты, удостоенные одиночного заключения. В каменный пол этого мрачного подземелья были вделаны крюки, цепи от которых тянулись в камеры. Из камер же по полу шли желоба, по которым отходы жизни заключенных стекались в общую клоаку, источающую нестерпимый смрад.

— Здесь у нас опасные, — предупредил провожатый. — К ним не подходите, а то и до Преисподней не доберетесь.

Сыщики сочли за благо последовать совету. Впрочем, и сами обитатели одиночек не проявили к гостям никакого интереса.

Рядом с дырой, куда стекались нечистоты, в пол был вмурован здоровенный люк. Прямо на нем располагался низенький табурет, на котором восседал скрюченный старый человечек, завернутый в лохмотья. Прямо на плече у старичка хитрым ремешком, пропущенным под мышкой, был прилажен подсвечник со свечой. В руках караульщик держал книжку.

— Это те господа, которые к Узнику, — сообщил проводник.

Старичок поднял глаза от страниц, встал и подошел к Ричарду.
— Сокол? — спросил он, прищурившись.

Голос у человечка был под стать внешности — старый, скрипучий.

— Зовите меня мастер Пустельга.

— Как вам угодно. Этот человек с вами?

— Да.

Старичок секунду размышлял.

— Хорошо, пусть тоже пройдет. Люк откроете сами. Внизу вас встретят.

Стил сунул в ладошку проводника мелкую монетку, и они с Ричардом, отставив в сторону табурет, ухватились за кольца, припаянные у краев люка. С огромным трудом им удалось отодвинуть стальной диск в сторону.

— Как вы с ним управляетесь? — отдуваясь, спросил Ричард.

Старичок проигнорировал вопрос. Он уже сидел на своем табурете и вновь читал книжку. Ричард пригляделся: это были «Опыты» Монтеня.

Спуск по ржавым скобам в абсолютную тьму Преисподней был недолгим, но Ричард успел поймать себя на мысли, что уже с трудом представляет солнечный свет. Как люди могут годами оставаться тут, терпя голод, грязь, болезни и почти полное отсутствие света и сохранять при этом здравый рассудок? Его мутило от одной мысли о том, чтобы задержаться в тюрьме надолго.

Внизу, однако, оказалось не так уж темно. На стене рядом с лестницей горел самый настоящий факел. Был ли он зажжен специально к приходу гостей или оставался здесь постоянно, сыщики не поняли.

Их поджидал щуплый мальчишка лет двенадцати с неожиданно чистыми светлыми волосами и в подобии костюма. Штаны, правда, были ему коротки, а курточка надета прямо на голое тело, зато на шее красовался большой зеленый платок. В общем-то, новый проводник не выглядел так уж необычно — за свою жизнь в приюте и на улицах Ричард повидал и не такое, — пока не открыл рот.

— Кто из вас Сокол? — спросил он, и сыщики с содроганием увидели, что зубы паренька искусно подпилены. Конической формы, острые, словно клыки дикого зверя, они делали его похожим на демона из кошмаров. Ричард сглотнул, прежде чем ответить:

— Я.

— Следуйте за мной. Ничего не бойтесь. Вы под охраной Узника. Ваш спутник пойдет с нами, вопрос его присутствия на аудиенции будет решаться на месте.

Сыщики покорно пошли за острозубым мальчиком, чувствуя себя героями сказки, добровольно бредущими в логово тролля. Эдуард безотчетно тронул револьвер у себя на поясе и только теперь осознал, что его пустили сюда с оружием.

Они очутились в широком коридоре, единственным источником света в котором был факел, несомый проводником. Вскоре в стенах стали попадаться ниши, напоминающие монашеские кельи. Ричард с удивлением понял, что это места обитания здешних заключенных. Ни решеток, ни цепей видно не было. Не было, правда, и самих жителей.

Как ни странно, грязи в Преисподней оказалось меньше, чем в давяльне. Пол, выложенный крупными каменными плитами, явно не так давно подметался. Даже воздух был чище, хотя тюремный запах проникал и сюда. Вскоре на стенах появились факелы и подсвечники со свечами. Стало светлее. Ричард успел подумать, что здесь не так страшно, как показалось ему в преддверии Преисподней, и тут им встретился первый обитатель.

Этот человек вынырнул из темноты одной из «келий», и гости подземелья едва сдержали возгласы отвращения при виде его ужасного лица. Оно было покрыто огромными бугристыми чешуйчатыми наростами, в которых терялись глаза и рот. Был различим лишь нос, точнее, огромный хоботообразный отросток, который, вероятно, и служил уроду носом.

— Здравствуйте! — прогудело существо.

Сыщики растерянно поклонились.

— Идемте! — поторопил острозубый мальчик-демон. — Слон, не приставай.

Едва они миновали застывшего у своей ниши Слона, как были атакованы стайей не менее отталкивающих существ. Когда-то, возможно, это были обычные женщины, но сейчас они превратились в чудовищных гарпий. Лохмотья одежды, подобно крыльям, развевались за их спинами, ногти на руках больше походили на когти хищных птиц, а крики напоминали скорее карканье ворон, чем голоса людей. Что им было нужно, осталось непонятным, потому что мальчик-демон набросился на гарпий с криками «Кыш! Кыш! Пошли отсюда!», словно прогонял назойливых голубей. Как ни странно, его послушались, и страшные женщины-птицы скрылись во тьме.

— Что это за ведьмы? — спросил Ричард, стараясь не выдать испуга.

Острозубый не ответил.

Чем дальше они продвигались, тем больше обитателей этого подземного узилища попадалось на их пути. Не все они были такими же отталкивающими и пугающими, как Слон или гарпии. Порой попадались люди, на первый взгляд ничем не примечательные, а то и вовсе нормальные. Ричард запомнил молодого человека, одетого в щегольской наряд испанского гранда чуть ли не позапрошлого века — с жабо, сдвинутым на бок беретом, украшенным павлиньим пером, и в коротком дублете, похожем на латы. Юноша стоял под факелом, небрежно опершись плечом на стену и покуривая папиросу. На лице его застыла злобная улыбка.

Туда-сюда сновали какие-то карлики с колпаками палачей на головах. Человек с десятком крыс, привязанных за веревки, наподобие домашних собак, прошествовал навстречу, церемонно поклонившись на ходу. Далеко, в недоступной глазу темноте, кто-то страшно кричал от невыносимой боли, и словно бы в насмешку над этим дикий хохот доносился с противоположной стороны. Калека без рук и без ног, лежа на изъеденном мышами

матраце, что-то бормотал на незнакомом языке. Проклинал ли он, заклинал ли неведомых врагов?

Оглядываясь по сторонам, Ричард понимал: какими бы разными ни были эти люди и чудовища, когда-то бывшие людьми, какие бы преступления и злодеяния они ни совершили, какими бы тропинками ни пришли они в Преисподнюю, объединяло их одно — все они были изгоями рода человеческого.

Каким бы большим ни казалось здание Ньюгейта, его подземелья были гораздо просторнее. Ричард понимал, что они уже давно вышли за пределы тюрьмы, по крайней мере той тюрьмы, что была изображена на планах и схемах. Сюда не простиралась власть надзирателей, судей и палачей. Здесь правили иные люди, и одного из них им вскоре предстояло увидеть.

Ричард даже не пытался запомнить дорогу, которой они шли: коридор постоянно вилял, сворачивал, порой заканчивался тупиками, из которых в последний момент находились хитрые выходы и лазейки. Он то сужался до размеров узкой тропинки, то раздавался вширь, словно Пикадилли. И везде были люди — дикийвинные пленники этого подземного царства.

Наконец провожатый остановился в укромном закутке возле широкой дубовой двери. Без стука приоткрыв ее, он нырнул внутрь. Сыщики огляделись, благо света тут хватало — на стенах висели вполне современные газовые рожки, какие Ричард никак не ожидал увидеть в таком месте. Рядом не было ни души. Обитатели Преисподней старались держаться подальше от места, где жил Узник. Было ли это данью уважения, или страх заставлял их сохранять дистанцию — Ричард так и не понял.

Не прошло и минуты, как мальчик-демон вернулся и церемонно сказал, обращаясь к Ричарду:

— Вы можете пройти.

Стилу он лишь коротко кивнул, разрешая последовать за другом.

Затаив дыхание, остро предчувствуя, что именно здесь и сейчас он получит ответы на многие вопросы, Ричард шагнул в обитель Узника.

Если в каких-то документах ньюгейтской канцелярии и было упоминание о камере № 273, в чем Ричард сильно сомневался, то едва ли там подробно расписывалась обстановка данного помещения. Лучше всего ему бы подошло другое определение — покои.

Комната была выдержана в георгианском стиле. Ричард мог поклясться, что полы выстелены паркетом, поверх которого положен огромный восточный ковер. Стены украшали гобелены с картинами охоты и массивные зеркала в золоченых рамах. Мягкая мебель, стоящая вдоль стен, была накрыта свободными тиковыми чехлами. Несколько плетеных стульев с привязанными к сиденьям подушечками смотрелись в комнате совершенно естественно, если забыть о том, что за стеной царили сырость и мрак подземелья. С потолка свисал огромный канделябр, в котором одновременно горели чуть ли не полсотни свечей. Бюро с разложенными письменными принадлежностями выглядело так, будто хозяин только что прервал работу.

Но самой выдающейся деталью интерьера в этой невиданной камере, был, конечно, камин. Невероятным казался сам факт существования камина так глубоко под землей. Ричард не мог даже представить, каких трудов стоило неведомым каменщикам проложить дымоход для этого очага через все «культурные» слои Ньюгейта. Камин был огромным, едва ли меньшим, чем увиденный Ричардом в гостиной графа Блаунта-старшего, и смотрелся по-королевски в обрамлении белоснежного портала. В нем горел жаркий огонь, и в комнате не чувствовалось даже следа подвальной сырости.

Каминная полка, высеченная из белого мрамора, сама по себе была произведением искусства. Но то, что располагалось на ней, поразило Ричарда до глубины души. Скульптура, отлитая, видимо, из серебра, изображала огромного спрута, возлежавшего в самом центре мраморной полки. Его щупальца простирались во все стороны, свешиваясь с камина с такой грацией, что казались действительно эластичными и живыми. Мантия

и многочисленные присоски моллюска были выполнены с большим тщанием и аккуратностью. Клюв спрута был воинственно приоткрыт, а глаза, сделанные из неизвестного черного камня, выглядели совсем как человеческие, отчего животное приобретало зловещий и какой-то неземной облик.

Хозяин камеры № 273, загадочный и пугающий Узник, восседал в кресле в единственном закутке, куда не проникал свет множества свечей. Он был одет в просторное черное одеяние с капюшоном, складками ниспадающее вниз и скрывающее фигуру с головы до ног. По всей видимости, Узник не стремился к близкому знакомству с визитерами. Тем более что, как догадывался Ричард, ему-то личности пришедших были вполне известны.

— Садитесь, господа, — голос у хозяина был ровный и совершенно бесцветный. По нему Ричард не рискнул бы предположить даже возраст собеседника.

— Спасибо, мистер... Узник. Можем мы называть вас так? — уточнил он на всякий случай.

— Можете. Так меня все называют, мастер Пустельга.

— Спасибо, что согласились поговорить с нами.

— Всегда приятно поговорить с новыми людьми. Я ведь не покидаю этих стен. Ваш спутник...

— Мистер Стил, он частный сыщик, как и я.

— Бывший инспектор Скотланд-Ярда Эдуард Стил? Вы вели дело о убийстве Мэри Олдингтон в 1883 году?

— Да, сэр.

— Хорошая работа, — одобрительно сказал Узник.

— Благодарю, сэр.

— Вы можете остаться, если ваш друг доверяет вам.

— О, да! Доверяю абсолютно, — заверил Ричард. — Тем более он уже и так впутан в это дело по моей вине, и будет правильным, если узнает о нем столько же.

— Перед тем как вы зададите свои вопросы, условимся о цене... Пойдите! — Он предостерегающе поднял руку, прежде чем

Ричард успел что-то сказать. — Деньги меня не интересуют. Я уже давно слишком богат, чтобы думать о преумножении капитала.

— Назовите вашу цену.

— Услуга.

— Какая?

— Сейчас это не важно. Время еще не пришло, но однажды я попрошу вас об услуге, и вы не откажете мне. Это в равной степени относится и к мистеру Стиллу.

— Но как мы можем обещать то, о чем даже не имеем понятия?

— Даю вам слово, что попрошу лишь о том, что вы в состоянии мне дать. Ничего невозможного. Мне понадобятся ваши профессиональные умения и... особые возможности. И это только в том случае, если мои ответы на свои вопросы вы сочтете удовлетворительными.

Сыщики переглянулись.

— Мы согласны, — ответил Ричард. — Но с условием, что вы не попросите о чем-то, не подобающем джентльмену.

— Будьте покойны, мастер Пустельга, я это учту. Итак, о чем вы хотите узнать? О соколе? О мыши?

За последние дни Ричард так устал удивляться, что лишь развел руками.

— Обо всем!

Узник рассмеялся тихим и невыразительным старческим смехом.

— За свою долгую жизнь я собрал величайшую коллекцию тайн и загадок, и *предметы* — лишь одна из них. Но в последние годы все чаще спрашивают именно о них.

— Что вы называете предметами?

— Те две фигурки, что вы принесли сюда. И сотни других, подобных им.

— Сотни?! Вы сказали, их сотни! Так много?

— Не так уж и много, молодой человек, но достаточно, чтобы вершить историю. Иные предметы передавались из поколения

в поколение, от отца к сыну, помогая удерживать власть в руках мельчающих династий. А другие тысячелетиями могли лежать в земле или на дне морском, чтобы однажды попасть в руки человека, способного к свершениям, и снимали с насиженных мест целые народы, изменяя судьбы цивилизаций.

— И у каждого из предметов свое свойство?

— В этом их суть.

— Вы сказали — тысячелетиями лежат в земле. Неужели они такие старые?

— Невероятно старые. И даже я не знаю наверняка, как давно они попали к людям.

— А откуда они вообще взялись? Кто-то же их сделал!

— На этот счет у меня лишь домыслы, а торгую я только достоверной информацией.

Ричард вынул из кармана шкатулку и достал мышь.

— Вы знаете ее свойство?

— Да. Это один из очень полезных артефактов. Он предупреждает хозяина об опасности.

— Каким образом?

— А каким образом действует ваш сокол? Вы просто сжимаете его в кулаке, и приходит знание, или картинка, или что-то еще — у каждого предмета по-разному. Важно одно — это ощущение ни с чем не спутаешь. В случае с мышью владелец получает ясный и недвусмысленный сигнал: «Опасность!» Насколько мне известно, после определенной тренировки можно даже научиться определять источник угрозы.

— Невероятно! — не удержался Ричард.

Сказанное впечатляло. К возможностям своего сокола он уже давно привык, но рассказ о свойствах мыши будоражил воображение. О таком предмете можно было только мечтать. Особенно при опасной и нелегкой работе сыщика.

— Но это еще далеко не самый сильный и диковинный предмет, — снисходительно отозвался Узник. — Знали бы вы, каковы в деле носорог или саламандра.

— И каковы же? — вступил в беседу Стил.

— Ну-ну! Если я начну рассказывать о каждом предмете, вы никогда отсюда не уйдете.

Стил пожал плечами, но вынужден был согласиться.

— Но если предметы так полезны и могущественны, почему люди ничего не знают о них? — наивно спросил Ричард.

— Как же, не знают! Многие просто грезят ими. Другое дело, что владельцы не спешат рассказывать окружающим о таком ценном имуществе. Да ведь и вы сами, мастер Пустельга, хранили своего сокола от чужих глаз. С другой стороны, существует влиятельная организация, которая следит за тем, чтобы правда о предметах не хлынула в массы людские бурным потоком.

— Кажется, мы уже встречались с представителем этой организации, — заметил Стил. — Некий сэръ Артур Уинсли не далее, как сегодня утром нанес мне столь же неожиданный, сколь и неприятный визит.

— Неугомонный Артур! — проскрипел со смехом Узник. — Вы правы, это они. Хранители, как они себя называют.

— Вы, похоже, не больно-то высокого мнения об этих господах, — вставил Ричард.

— Выскочки, возомнившие, будто знают Изначальный Замысел. На словах они пытаются контролировать предметы, чтобы направлять с их помощью развитие человечества. Практика же чаще всего сводится к мелочной возне и соперничеству между отдельными ложами. Американцы тягаются с англичанами. Немцы — с русскими. Лукавые турки играют в хитрую игру со всеми сразу. А Ближний Восток, а Индия... И есть еще японцы, которые варились в собственном соку последнюю тысячу лет и все это время не выпускали свои артефакты за пределы островов.

— Выходит, Хранители — просто группка авантюристов?

— Не нужно их недооценивать. Орден Хранителей — всего лишь один из игроков на этом поле, но далеко не самый слабый. Они лучше других владеют информацией о предметах —

как-никак накапливали ее столетиями, у них разветвленная сеть шпионов и есть приблизительные данные о местонахождении фигурок.

— А кто еще охотится за ними?

— Да кто угодно — в том-то и дело! В наши времена очень трудно стало сохранить в тайне что-либо. Информация уже не просачивается, а буквально сыплется изо всех щелей. Там пошел слушок, здесь — шепоток, кто-то увидел, кто-то услышал — и потихоньку завеса тайны спадает. А уж узнав, люди не скупятся на подлости и хитрости, чтобы завладеть предметами.

Так что теперь не только Хранители знают о фигурках. Правительства, церковь, торговые компании, мистические ордена, оппозиционные партии — все охотятся за предметами. Да и отдельные люди не отстают. Леопольд II, бельгийский, к примеру, чуть ли не армию эмиссаров разослал во все концы света в поисках хоть какой завалящей фигурки. И ко мне его люди приходили.

— И что вы им сказали?

— Что я сказал им, останется между нами.

Пришла пора задать вопросы, ради которых они тут оказались.

— Мы можем узнать, кому принадлежала... — Ричард запнулся, — принадлежит мышь?

— Ничего проще. Последние тридцать лет ею владел только один человек — Стэнли Барбл, больше известный как Король Воров.

Ричард вздохнул с облегчением.

— Наконец наши злоключения закончатся. Отдадим предмет хозяину и выйдем из игры. То, что вы рассказали про гонку за фигурками, мне не очень-то по душе.

— Теперь уже поздно, — проскрипел Узник. — Тот, кто вошел в игру, уже не выйдет из нее. Про вас знают Хранители, да и сами вы немало сделали, чтобы люди сведущие догадались, у кого сокол. И пока он остается у вас, придется быть начеку.

— Так что же, мне теперь всю жизнь бегать?

Узник пожал плечами.

— Не обязательно. Вы можете избавиться от своего предмета. Хранители охотно заберут его себе. Ведь вы случайный хозяин и не вписываетесь в их План. И кстати говоря, это будет полезнее для здоровья во всех смыслах.

— Что вы имеете в виду?

— Во-первых, вас не убьют при попытке завладеть предметом. А во-вторых, и сам сокол не так уж безобиден.

— А какой от него может быть вред?

— Пока вы им пользуетесь, он тоже использует вас, подзаряжается, словно от гальванического элемента. И постепенно изменяет. Сначала просто меняют цвет глаза — вот как у вас. Но чем дольше используется предмет, чем чаще владелец прибегает к его помощи, тем сильнее его влияние. Сперва это просто усталость, затем разбитость, потом приходят всякие хвори, а там не за горами и могила. Поэтому больше одного предмета иметь очень опасно — высосут вмиг.

— Разные глаза! — воскликнул Ричард с беззаботностью молодости, не придав значения словам о болезнях. — Вы слышите, Стил! Все сходится! Крабб говорил о разноцветных глазах — это были глаза его хозяина!

— Не забывайте Короля-Медузу, — добавил Стил.

— Э, да вы уже познакомились с Медузой? — слегка удивился Узник. — Не многие оставались после этого в живых. Хотя легенды о ней живучи. Медузу помнят со времен древних эллинов, когда ее обладательница взяла себе имя талисмана.

— Похоже, это стало традицией. Но теперь люди не скоро встретятся с Медузой, — заверил Узника Ричард.

В ответ хозяин покачал головой.

— Предметы всегда возвращаются. И если они попадают в руки глупцов или негодяев, окружающие быстро ощущают это на своей шкуре.

— Это мы уже поняли.

— Хотя порой случаются забавные истории, — усмехнулся Узник. — Не так давно в городке под Стокгольмом объявилась маленькая девчонка-сиротка сразу с двумя фигурками — быком и медведем. Чего только не творила — сил от быка у нее было предостаточно, а в городишке даже полиции нормальной не оказалось. Совладать с ней решительно никто не мог. Ко всему прочему девчонка таскала с собой ни много ни мало сундук с золотом. Она скупила весь городок на корню и превратила его в самый настоящий цирк, разъезжая по улицам на громадной белой лошади, которой управляла при помощи фигурки медведя. Но вскоре сказалось обратное действие фигурок — девочка повредила рассудком, принялась крушить город и сровняла бы его с землей, не подоспей отец. Он у сиротки оказался жив-здоров, просто был загульным морским капитаном и не слишком часто вспоминал о ребенке. Фигурки она у него и стащила, как потом оказалось.

— Но как ребенок мог запугать целый город?! — не поверил Ричард.

— В этих фигурках заключены могучие силы.

— Правильно ли я понял, что всякий человек с разноцветными глазами — владелец подобной фигурки? — спросил Стил, которого больше интересовала практическая сторона вопроса.

— Почти наверняка, — ответил Узник. — Мне неизвестны другие причины гетерохромии.

— И сколько разноглазых, скажем, в Лондоне на сегодняшний день?

— В городе находится двадцать семь фигурок, из которых восемнадцать активно используются. У их владельцев один глаз голубой, а другой — зеленый. Правда, некоторые это умудряются скрывать.

— Как вы узнали, какие предметы у нас?

— У меня есть надежный способ. Я знаю, где находятся все предметы. Например, прямо здесь, в Ньюгейте, постоянно находятся две фигурки.

— Неужели их хозяева — заключенные?

— Именно так.

Ричард хотел спросить, почему обладатели таких артефактов не вернут себе свободу, но вдруг осознал, что эта бесконечная череда вопросов и ответов не приближает его к разгадке собственной тайны.

— Почему вы нам обо всем этом рассказываете?

— Я всего лишь торгую информацией. Мне хуже не станет, если у вас прибавится знаний, а если при этом пострадают интересы Хранителей, я не очень расстроюсь.

— А вы не боитесь мести? Ведь, предавая огласке сведения, которые они считают секретными, вы нарушаете их планы.

Узник, в течение всего разговора сидевший почти неподвижно, вдруг подался вперед. Колыхнулись края капюшона, и Ричард напряг зрение, стараясь разглядеть лицо. Но тщетно, облик хозяина так и остался в тени.

— Как вы считаете, почему я поселился в Ньюгейте?

Ричард подумал, что настоящий заключенный вряд ли назвал бы попадание в тюрьму «поселением». Но Узник не оговорился.

— Именно здесь я защищен от всех своих врагов лучше, чем где бы то ни было! — сказал он, и, несмотря на равнодушный тон, было ясно, что это одна из его любимых тем. — Оглянитесь! Все, что находится над нами и вокруг, — эта тюрьма с «господской», «общей» и «давильней», сотнями заключенных и надзирателями, Преисподняя — все это моя охрана. И повинуются они в первую очередь мне, а уж потом закону и его представителям. У меня, пожалуй, самая многочисленная охрана в этом городе. И содержит ее, заметьте, королева Виктория. Тюрьма, олицетворение власти, стала местом, где власть королевы кончается.

— А вам не жутко оставаться здесь постоянно?

— Это вопрос привычки.

Ричард долго раздумывал над следующим вопросом, не зная, с чего лучше начать.

— Мистер Узник, — сказал он наконец. — Вас рекомендовали нам как человека, сведущего во всем, что касается таинственных и загадочных происшествий и событий. Да и вы сами признали, что обладаете знаниями не только о предметах.

— Это так. Я собрал величайшую коллекцию загадок и на многие из них имею ответы. Что вас интересует? Черный Пес Нью-гейта? Чудовище Лох-Несса? Тайна сэра Симона Кентервиля?

— Я ищу разгадку своей собственной трагедии. Она связана с «Марией Селестой».

— О, «Мария Селеста», судно с исчезнувшим экипажем! Это хорошая загадка и давно разгаданная. Почему вы называете ее собственной трагедией? Там был кто-то из ваших близких?

— Там был я сам.

Если бы целью визита сыщиков в подземелье было удивить Узника, они могли бы считать свою миссию выполненной. Хозяин даже привстал от изумления.

— Вы уверены в этом? — спросил он, опустившись назад в кресло.

— Как и в том, что сейчас говорю с самым необычным человеком из всех, с кем доводилось встречаться.

— И что вы помните?

— Ничего! До того момента, как оказался один на дрейфующем корабле без экипажа. Амнезия — так это называется у докторов.

— Вас нашли люди с «Деи Грации»?

— Совершенно верно, но капитан Морхауз скрыл это от комиссии.

— Ну, это понятно. Не хотел затягивать расследование.

— Скорее всего. И есть еще одна деталь — со мной уже был сокол.

— Весьма любопытно, — пробормотал Узник. — Не очень понятно, но чрезвычайно интересно. Над этой загадкой нужно будет поразмыслить.

— Значит, сейчас вы не можете мне ничего сказать, — разочарованно спросил Ричард.

— Старая версия вас не устроит, а новой у меня пока нет, — ответил хозяин Преисподней. — Наведаетесь позже, куда вам торопиться. А пока можете удовлетвориться другим интересным фактом. До 1872 года фигурка сокола принадлежала... Хранителям.

— Вот это да! Так как же она попала ко мне?

— Не знаю, — ответил Узник. — Пока не знаю. Спросите о чем-нибудь другом.

Сыщики помолчали, вспоминая, о чем еще хотели узнать.

— Почему у мастера Пустельги не получилось «включить» мышь? — поинтересовался Стил.

— Может быть, в тот момент, когда вы пытались ее использовать, вам никакие опасности не угрожали, — предположил Узник. — Попробуйте сейчас.

Ричард вновь вынул мышь из шкатулки.

— Подождите! — остановил его Стил. — Вспомните об опасности. Влияние нескольких предметов может погубить вас. Разрешите попробовать мне.

Ричард без колебаний передал фигурку другу. Стил сжал мышь в кулаке и сосредоточился. Несколько секунд он сидел неподвижно, прислушиваясь к ощущениям, как человек, проглотивший дорогое, но сомнительное лекарство.

— Ваши глаза, Эдуард! — вдруг вскричал Ричард, пристально следивший за лицом приятеля, как будто ожидая, что именно там проявится действие артефакта. — Они меняют цвет!

— Так и должно быть, — подтвердил Узник. — Предмет принял его.

Стил никак не отреагировал на эти реплики. Он сидел неподвижно, продолжая смотреть куда-то в глубь себя, и лишь лицо его выражало все возрастающую тревогу. Наконец Эдуард потрянул головой, поднялся и сказал, обращаясь к Ричарду:

— За нами пришли, Ричард. Мы в опасности.

ГЛАВА 9

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь потрескиванием углей в камине. Огни свечей отражались в черных глазах спрута, распростершего над камином серебряные плети щупалец.

— Не волнуйтесь, господа. Здесь вы в любом случае в безопасности, — голос Узника оставался ровным.

Стила эти слова не слишком убедили. Он демонстративно вынул револьвер и взвел курок. Ричард стал рядом с другом, словно прямо сейчас собирался дать последний бой неведомым врагам.

Узник дернул за длинный шнур с кисточкой, свисавший неподалеку от его кресла. Почти тотчас в комнате бесшумно возник мальчик-демон. Узник наклонился и шепнул ему что-то. Мальчик исчез так же мгновенно, как и появился.

— Проклятье, неужели нас все-таки выследили?! — в сердцах воскликнул Ричард.

— Возможно. А может быть, опасность исходит от нашего гостеприимного хозяина, — заметил Стил.

Узник приподнял руку в успокаивающем жесте.

— Если бы я хотел причинить вам вред, то давно бы это сделал. Возможностей было хоть отбавляй. В этой тюрьме вы полностью в моей власти.

— Тогда кто может нам угрожать?

— Будь у вас больше времени на освоение предмета, вы могли бы это узнать. А так придется положиться на моих людей. Но я и так уверен, что это Хранители.

— Но никто не мог знать!

— Ошибаетесь. Вас активно разыскивают по всему Лондону, и сотни людей имеют ваше подробное описание. У Хранителей свои агенты везде, даже в Ньюгейте. Кто-то вас продал.

— Неужели Джо? — не поверил Стил.

В этот момент вернулся острозубый посланец. Времени на то, чтобы проделать весь путь, которым он вел сюда сыщиков, у мальчика-демона не было. Видимо, существовали другие, более короткие маршруты. Хозяин обменялся с ним парой тихих фраз, затем повернулся к сыщикам.

— Ну что ж, господа. Ваш долг мне вырос. Ньюгейт окружен людьми Хранителей — это Уинсли и его прихвостни. Как они вас нашли, значения уже не имеет. Важно, что без моей помощи вам не выбраться. Согласны вы ее принять?

Стил еще раз сжал фигурку мыши в кулаке, замер на несколько секунд, прикрыв глаза, и только после этого ответил:

— Хорошо, что вы предлагаете?

— Уйти потайным путем.

— Неужели у вас есть еще и свой выход из тюрьмы?

Узник хмыкнул из-под капюшона.

— Есть. Но *моим* выходом вам пользоваться не придется. Мой человек проведет вас через катакомбы под Преисподней.

Изумлению Ричарда не было предела.

— Разве есть что-то еще ниже ваших... апартаментов?

Хозяин Преисподней покачал головой.

— Как бы глубоко в Ад ты ни спустился, не думай, что достиг дна. Ад простирается в бесконечность.

Ричарда передернуло.

— И что там, внизу?

— Даже я не знаю всего. Это лондонские катакомбы, в них множество уровней, и некоторые существовали еще до прихода римлян и даже кельтов. Кто обитает в нижних ярусах — загадка, от которой лучше держаться подальше и надеяться, что тамошние жители не проявят к нам интереса. Ньюгейт — один из

«кратеров», где катакомбы почти вплотную подходят к поверхности, и я уповаю на то, что этот вулкан никогда не проснется.

После такого вступления желание спускаться в катакомбы у сыщиков пропало окончательно. Но иного выхода не было, у ворот Ньюгейта им угрожала очевидная и неотвратимая опасность. Оставалось довериться Узнику.

— Мы согласны, — сказал Ричард.

— Тогда Абаддон вас проводит.

Мальчик-демон равнодушно кивнул. Ричарда совсем не удивило, что их саблезубый проводник носит имя библейского демона.

— Спасибо за помощь, сэр.

— Помните о том, что вы у меня в долгу. Однажды, и быть может очень скоро, я за ним приду.

— И я верну его сполна.

— Тогда прощайте. Слушайте Абаддона и постарайтесь его не потерять. Без него вы навсегда останетесь в катакомбах.

Коротко поклонившись, сыщики вслед за мальчиком-демоном покинули покои Узника. Проводник тотчас нырнул в какой-то отнорок, и героям пришлось поторопиться, чтобы не упустить его из виду. Плиты под ногами вдруг исчезли, сменившись утрамбованной землей. Единственный источник света оказался в руках у мальчишки — сыщики с удивлением обнаружили, что это уже был не факел, а новехонький «бычий глаз».

Дорога шла под уклон. Дверей на пути не попадалось, как не было и ни одной живой души. Мальчик почти не разговаривал, предпочитая объясняться жестами. Идти было легко до тех пор, пока не пришлось преодолевать внезапный завал.

Крупные камни почти полностью перекрывали коридор, лишь под самым потолком оставалась лазейка, в которую можно было протиснуться только по одному. На той стороне завала обнаружилась яма. Мальчик прыгнул в нее и позвал снизу, блеснув лучом фонаря:

— Спускайтесь, здесь невысоко.

Прыгать в неизвестность, не видя дна, страшно и опасно — можно повредить ноги. Но ничего не оставалось. Один за другим сыщики осторожно спустились на следующий уровень. А мальчишка уже шагал дальше. На полу снова появились плиты, на этот раз не гладкие и отшлифованные, а наоборот, грубо обтесанные, ноздреватые.

В какой-то момент Ричард почувствовал, что за ними кто-то крадется. Он мог поклясться, что не слышит ни звука, кроме их собственных шагов, но вместе с тем где-то внутри нарастала уверенность, что совсем рядом, в темноте коридоров, есть кто-то еще.

— Эдуард, — шепотом позвал он. — Мышь вам ничего не подсказывает?

— Я не выпускаю ее из кулака. И если мои ощущения верны, то опасность отдалается. Во всяком случае, теперь я ее почти не чувствую.

Внезапно в боковом коридоре мелькнул свет и послышался быстро удаляющийся топот.

— Не обращайтесь внимания. — Абаддон даже не замедлил шаг. — Идите за мной, и ничего не случится.

Вскоре Ричард почувствовал, что их невидимый соглядатай отстал, и ощущение слежки пропало.

Где-то вдалеке возник и стал неуклонно нарастать ритмичный скрежещущий звук, как будто огромные шестерни медленно терлись друг о друга, вращая гигантский жернов. Скрежет усиливался до тех пор, пока не заполнил все вокруг, оглушая и дезориентируя, но вдруг в один миг прекратился. Уже привыкнув к молчанию проводника, сыщики даже не пытались спрашивать об источнике этого звука.

За очередным поворотом мальчик остановился. Путь им преграждала река. Ричард и раньше слышал о существовании подземных рек, знал о Флите, заключенном в рукотворное каменное русло, но встретить на такой глубине столь широкий и при этом укрощенный поток никак не ожидал.

Река текла по просторному каменному тоннелю. Противоположный берег едва просматривался в свете мощного полицейского фонаря Абаддона. По стороне, на которой очутились сыщики, вдоль реки тянулась низкая мощеная набережная.

Слегка пахло илом и цветущей водой. Никаких посторонних запахов — нечистот, гнили, падали, отходов мануфактур — не было и в помине. Где бы ни брала начало и куда бы ни текла эта таинственная река, людская грязь ее не коснулась.

— Дальше поплывем, — коротко сказал Абаддон, и не успели сыщики удивиться, как мальчик подвел их к краю набережной и лучом фонаря указал на маленький челнок, пришвартованный поблизости.

Друзья, не задавая лишних вопросов, спустились в лодку. Мальчик отвязал конец и прыгнул за ними следом. Тотчас слабое течение подхватило челнок. Двумя маленькими веслами Абаддон удерживал суденышко на середине реки, установив фонарь на носу. В темноте плескала рыба, во всяком случае, Ричард предпочел считать, что это рыба.

Ширина туннеля в этом месте была футов сто, из которых добрую половину занимала сама река. Стены, сложенные из крупных прямоугольных камней, сходились вверху, образуя арочный свод. С разрешения мальчика-демона Ричард взял в руки фонарь и огляделся. Отсюда, с середины реки, были неплохо видны набережные по обеим ее сторонам. Время от времени в стенах встречались проходы, а один раз лодка проплыла под низеньким каменным мостом, дугой перекинутым с берега на берег. Пассажирам пришлось почти лечь на дно, чтобы не задеть его макушками.

Наконец, впереди показался тусклый свет. Ричард, которого многочасовое пребывание под землей уже порядком утомило, обрадовался было концу путешествия.

— Это огни нашего порта? — натянуто пошутил он, оглянувшись на сосредоточенно гребущего мальчика.

Абаддон покачал головой.

— Это Дикие, — ответил он и снова умолк, как будто эти слова все объясняли.

Вскоре свет разделился на несколько огней по обе стороны реки и, подплыв ближе, путешественники разглядели несколько маленьких костерков. Вокруг них небольшими группками расположились существа, в которых сыщики с трудом опознали людей. Косматые и разряженные чуть ли не в шкуры — во всяком случае, назвать это одеждой не поворачивался язык, — они больше всего напоминали доисторических пиктов, какими их изображали карикатуристы «Панча».

Несколько «пиктов» сидели на набережной и, судя по всему, рыбачили, бросив немудреные снасти в воду. При виде лодки они вскочили и попятились к стенам. Люди у костров тоже предпочли отползти от реки, явно опасаясь пришельцев. И только детвора, которой все нипочем, весело повизгивая, кинулась к реке. Несколько малышей вскарабкались на стены, цепляясь за щели между камнями, да так ловко, что вскоре свисали с потолка над лодкой. Мамаши громкими криками попытались навести порядок — да где там, мелюзга не слушалась и шумела еще больше.

— Они не опасны? — спросил Ричард, заворуженно разглядывая Диких.

— Сейчас в реке много рыбы, — снизошел до ответа мальчик-демон. — Так что — не очень.

Предоставив сыщикам самим делать выводы из этой фразы, он приналег на весла, и вскоре стойбище Диких осталось позади.

Суденышко вновь плыло в полной темноте, пронзаемой лучом «бычьего глаза». Течение безымянной реки было медленным и спокойным, мерные удары весел уверенно гнали лодку вперед. Убаюканный этим неторопливым ритмом, Ричард не заметил, как задремал.

Он проснулся от того, что лодку неожиданно качнуло. Неизвестно откуда набежавшая волна на мгновение приподняла ее над гладью реки и с громким плеском уронила назад. Следом за первой пришла вторая волна, потом третья, и внезапно Ричард

почувствовал, как днище скользнуло по песчаной отмели. Он схватился за борт, опасаясь, что инерция выбросит его из севшей на мель лодки, но этого не случилось. Челнок продолжал плыть, как ни в чем не бывало, лишь серия мелких волн колыхнула его еще несколько раз. Мальчишка выдернул весла и замер. Ричард повел лучом позади лодки, но ничего не увидел, кроме ряби на воде. Тогда он направил свет по курсу лодки и увидел это...

Гигантская спина неведомого левиафана, едва показавшись из воды, пропала, чтобы вновь возникнуть в двадцати футах впереди. Она то исчезала, то опять появлялась, и было невозможно разглядеть полностью существо, плывущее по подземной реке. Но увиденного хватило, чтобы получить представление о его размерах. Тварь была поистине огромна. К счастью, она быстро исчезла впереди, оставив за собой волны, расходящиеся к обоим берегам.

— Что это было? Это оно коснулось дна нашей лодки?!

Мальчик покачал головой — то ли не знал, то ли не хотел говорить.

— В Темзу иногда заплывают дельфины... и киты, — сказал Стил, но голосу его не доставало уверенности.

Ричард заметил, что приятель неосознанно стискивает фигурку в кулаке.

— Что-то я не увидел у него плавников. Гладкая блестящая спина...

Абаддон опустил весла и осторожно погреб. Впервые за все время их знакомства Ричарду показалось, что мальчику-демону не по себе. Сам Ричард хотел было предложить причалить и продолжить путь пешком, но постеснялся. Тем более что Стил все еще держал в кулаке мышь и в ответ на вопросительный взгляд друга покачал головой.

Тоннель казался бесконечным. Ричард не мог даже предположить, кто и когда проложил его на этой жуткой глубине. А главное — зачем? И почему вода в реке остается чистой, несмотря на

то что городские стоки давно должны были попасть в нее и превратить в помойное болото наподобие Флита? И что за твари населяют ее?

Он продолжал обшаривать лучом путь перед собой, не забывая посматривать и по сторонам. Когда в рассеянном свете мелькнула крупная четвероногая фигура на набережной, Ричард не поверил своим глазам. Он быстро направил луч на то место, где увидел зверя, но было поздно — животное исчезло в боковом отнорке, махнув на прощание длинным хвостом.

— Вы кого-то там увидели, Рик? — спросил Стил, поймав его напряженный взгляд.

— Наверное, померещилось, — ответил Ричард, твердо убежденный, что видел гигантскую кошку, размерами по меньшей мере с пантеру.

Видя тревогу приятеля, Стил сказал:

— Опасности больше нет. Фигурка «молчит».

— Что вы обо всем этом думаете?

Стил равнодушно пожал плечами.

— Ровным счетом ничего. Я думаю о том, как бы поскорее добраться до кровати и наконец заснуть. А о здешних чудесах я подумаю на досуге, когда буду посвободнее.

— Да как же?! А эти Дикие? Это же бывшие лондонцы, а выглядят как самые настоящие пещерные люди! Когда они в последний раз видели свет?

Мальчик-демон, который, оказывается, прислушивался к разговору, вдруг произнес:

— Дикие никогда не видели света. Они живут в катакомбах... всегда. Это их мир.

— Но здесь невозможно выжить!

— Выжить можно везде! — сурово, по-взрослому сказал Абаддон.

Глядя на его зубы, Ричард охотно верил, что уж он-то выживет где угодно.

— А ты часто бываешь там, наверху?

— Редко. Старик заставляет иногда подниматься. Говорит, что я должен привыкать к свету солнца.

Мальчишка оказался не так уж и мрачен. Чем дольше они плыли, тем охотнее он включался в беседу.

— А как ты попал к Узнику?

— Не знаю. Старик говорит, что меня подбросили Дикие. Или просто бросили.

У Ричарда на языке вертелся вопрос о зубах, но он удержался.

— Долго нам еще плыть? — спросил он вместо этого.

— Уже скоро. Но впереди будет одно нехорошее местечко, его хорошо бы проскочить побыстрее.

— Опять Дикие?

— Нет, это люди сверху. — Мальчик-демон нахмурился. — Но они хуже Диких.

Стил сжал Мышь и после небольшой паузы объявил, что никакой опасности не предвидится.

Ричард потерял ощущение времени. Ему казалось, что они плывут уже очень долго, но, сверившись с часами, он с изумлением понял, что сел в лодку каких-то полтора часа назад.

Но вот впереди вновь забрезжил свет. Мальчик велел задвинуть заслонку на фонаре, чтобы не выдать себя раньше времени.

— Это они? — спросил Ричард.

Абаддон кивнул.

— И что нам нужно делать?

— Постараться проплыть незамеченными.

— Но хоть чего от них ожидать, мы можем узнать?

Но ответа не последовало, мальчик-демон снова замкнулся в утробном молчании. Огни горели по правому берегу реки, и он осторожно, стараясь не плескать, направил лодку к противоположному. Вскоре челнок, неторопливо влекомый течением, приблизился к освещенному участку тоннеля.

Свет исходил от сотен свечей, расставленных в высоких подсвечниках, настенных канделябрах и просто на полу. Свечи были

диковинного черного цвета и при горении источали сладковатый и необъяснимо отталкивающий запах, который доносился даже до троицы в лодке.

Три десятка человек в одинаковых багровых плащах бродили среди черных свечей. Лица их были закрыты масками с прорезями для глаз. Судя по нарядам, выглядывающим из-под наброшенных на плечи плащей, странные люди принадлежали к высшему свету. Повинуясь невидимому дирижеру, они довольно слаженно пели какой-то воинственный гимн, не прекращая своего на первый взгляд хаотичного движения.

Насколько мог видеть Ричард, приподнявшись со своего места, на полу перед поющими был начерчен некий сложный знак. В его углах также горели свечи. Небольшая группа людей чуть в стороне от остальных готовилась к какому-то обряду. На низком столе раскладывался инвентарь для ритуала — книги, чаши и ножи. Ричард с содроганием понял, что с минуты на минуту в подземелье состоится жертвоприношение.

Стоило ему об этом подумать, как один из людей достал из мешка огромного черного петуха. Одновременно с этим из узкого бокового тоннеля появилась очередная фигура в плаще, ведущая на веревке черную козу. Коза упиралась и блеяла, а петух бился в руках мучителя, но их протесты никого не беспокоили.

Ричард скривился от омерзения и уже открыл рот, чтобы выкрикнуть слова протеста, но вовремя вспомнил слова Абаддона и смолчал. Лодку медленно сносило течением. Молодой сыщик, стиснув зубы, провожал взглядом отвратительную мессу. И вдруг Стил вскочил, да так резко, что лодка закачалась, грозя перевернуться. В одной его руке оставалась мышь, с которой бывший полицейский не расставался ни на секунду, а в другой — взведенный револьвер.

В тот же миг чей-то испуганный вскрик прервал пение.

— Шпионы! — закричал один из сектантов. — Во имя Вельзевула, хватайте их!

Фигуры на набережной заматались. Послышался женский визг. Кто-то бросился к ближайшему тоннелю, боясь быть изобличенным в нечестивом ритуале. Но несколько человек выхватили оружие.

— Пригнитесь, Рик, — спокойно сказал Стил. — Сейчас будет стрельба.

И не успел Ричард выполнить эту просьбу, как один из сектантов спустил курок. Выстрел, к счастью, пропал втуне, но, многократно усиленный эхом, еще больше переполошил людей в красных плащах. Они кидались в разные стороны, натываясь на подсвечники и сбивая друг друга с ног.

Стил, убедившись в серьезности намерений противника, не стал медлить с ответом. С такого близкого расстояния профессиональному стрелку промахнуться почти невозможно, тем более что его цели были превосходно освещены, в отличие от находящихся в лодке сыщиков. Он выстрелил дважды, и один из вооруженных людей с криком схватился за плечо, выронив револьвер в реку. В ответ стоящие на набережной сектанты открыли беспорядочный огонь. Но стрелкам явно недоставало опыта. Ни одна пуля не достигла цели. Тем временем еще один меткий выстрел Эдуарда заставил рухнуть на колени очередного сектанта.

Неизвестно, как велики были запасы сегодняшней удачи сыщиков, но быть бесконечными они не могли. Рано или поздно выстрелы атакующих достигли бы цели. Но тут в схватку вступил мальчишка-демон.

— А-бад-дон!!! — закричал он во всю глотку и схватил «бычий глаз». Не теряя времени, он широко размахнулся и с неожиданной для своих скромных габаритов силой метнул фонарь в мечущихся по набережной сектантов. Ричард не был уверен, кинул бы он сам такую увесистую штуку, как масляный фонарь, на добрых пятнадцать ярдов, разделявших лодку и берег реки. Но мальчишке это удалось.

Линза разбилась, и фонарное масло выплеснулось прямо в огонь упавшей свечи. Пламя брызги полетели в разные

стороны, оседая на плащах сектантов. Одному досталась особенно щедрая порция горящего масла, и багровое одеяние вспыхнуло гигантским факелом. Человек завизжал, мечась из стороны в сторону, и пылающий плащ развевался за его спиной, словно крылья падшего ангела. Резким толчком горящий сектант опрокинул в воду одного из стрелков и переполошил остальных. Ослепленный болью и ужасом, он продолжал кидаться наугад, ища помощи у своих братьев. Предугадать его движения было невозможно, и суматоха в подземном тоннеле достигла своего апогея.

— Абаддон! Абаддон! Абаддо-о-о-он! — верещал мальчишка, ликуя и скаля свои демонские зубы.

Жрецы, державшие животных, предназначенных для заклания, тоже поддались всеобщей панике и бросились кто куда. Коза и петух обрели свободу и не замедлили ею воспользоваться. Коза проявила изрядное хладнокровие и, ловко огибая потерявших всякий разум людишек, бесстрашно устремилась во тьму тоннеля. Петух же, ошалеv от внезапного счастья, истошно закукарекал, с силой клюнул мучителя, взмахнул крыльями и... тяжело полетел. Впрочем, полет его длился недолго, и спасенная птица камнем рухнула прямо в руки изумленного Ричарда.

Вся схватка продолжалась не дольше минуты. Лодка миновала опасный участок набережной и постепенно уплывала во тьму, лишившись единственного источника света.

Демоненок наконец умолк и, не мешкая, бросился к веслам. Ричард буквально упал на место, прижимая к груди трофейного петуха. Стил уже в полной темноте перезаряжал револьвер. Хладнокровие не изменило старшему сыщику ни на секунду на протяжении всего боя.

Абаддон, с непринужденностью подземного жителя ориентируясь в темноте, выводил лодку на стрежень. Петух оцепенело замер в руках Ричарда, не пытаясь больше вырваться на свободу. Только сердце его билось в бешеном ритме, словно надумало выпрыгнуть прочь из тела.

— Я слышал про моду на сатанизм, но не думал, что люди могут дойти до такого... — наконец прервал молчание Ричард.

— До того, чтобы резать в подземельях животных, или до того, чтобы стрелять в проплывающих мимо джентльменов? — мрачно пошутил Стил.

— И то и другое совершенно омерзительно, — в тон ему ответил Ричард. — Кстати, почему мышь вас не предупредила?

— В том-то и дело, что предупредила! Но буквально за мгновение до того, как все началось.

— Интересно, почему?

— Как раз это я и пытаюсь понять. Я прислушивался к амулету почти непрерывно. Но мышь молчала, пока мы подплывали, и даже когда вплотную приблизились к этим безумцам. Я уже думал, что опасности нет, как внезапное предупреждение буквально обожгло разум.

— Странно, сокол действует... надежнее, что ли.

— Погодите-ка, я, кажется, понял... Если предположить, что мышь предупреждает не о мнимой, а лишь об очевидной опасности, то все сходится. Пока мы были далеко и сатанисты знать не знали о нас, они не представляли угрозы, и поэтому мышь «молчала». Но стоило им заметить лодку, как все изменилось — угроза стала реальной, о чем талисман и уведомил меня незамедлительно.

— Очень может быть, — согласился Ричард. — Звучит логично.

Вести разговор в крошечной темноте, не видя собеседника, было непривычно, и беседа постепенно затухла.

Вскоре Абаддон, вновь впавший в угрюмую задумчивость, направил лодку к берегу. Какими приметами он руководствовался — так и осталось загадкой. На ощупь выбравшись на камни набережной, сыщики сразу почувствовали себя менее уверенно, чем лодке. Теперь каждый неверный шаг грозил разбитым лбом, а то и чем-нибудь похуже. Ричард к тому же продолжал прижимать к груди спасенного петуха.

Но не прошло и минуты, как острозубый проводник зажег факел, видимо припасенный на берегу специально для таких случаев. Перед друзьями опять открывался узкий тоннель, ведущий в неизвестность.

— Теперь совсем недалеко, — бросил мальчик.

Почти сразу под ногами появились ступени — очень низкие, но столь многочисленные, что казались бесконечными. Несколько раз путь преграждали решетки, которые Абаддон открывал одним и тем же ключом и тщательно запирали за собой. Ричарду стало жарко, а руки постепенно затекали. Петух становился с каждой минутой все тяжелее, но вел себя тихо, как будто понимал, какой участи избежал, и старался не беспокоить спасителя.

Подъем закончился неожиданно. За очередной решеткой оказалась крошечная каморка, почему-то заваленная садово-кладбищенским инвентарем. Лопаты, заступы, грабли, огромные ножницы с длинными деревянными ручками — все эти до невозможности ржавые и давно не чищенные орудия посыпались под ноги сыщикам, едва мальчик открыл решетчатую дверь.

Из каморки был и второй выход — он скрывался за настоящей дубовой дверью, запертой на два огромных засова. Изнутри.

Мальчик положил факел на пол, с видимым трудом отодвинул засовы и толкнул дверь. Сыщики попали в просторное светлое помещение, где обнаружили несколько каменных возвышений, каждое из которых было увенчано гробом. То, что им в первый момент показалось «просторным и светлым», оказалось тесным и сумрачным склепом. Единственный лучик света проникал в него через крошечное витражное окошко на самом верху.

Ричард оглянулся. Мальчик с зубами демона остановился на пороге склепа и дальше, похоже, идти не собирался. Пришло время прощаться.

— Спасибо, Абаддон. — Ричард хотел протянуть ему руку, но проклятый петух взволнованно завозился, и пришлось ограничиться кивком. Мальчишка тоже кивнул.

Стил пожал маленькую ладошку и хотел потрепать мальчика по волосам, но в последний момент удержался.

— Прижмите дверь, — сказал вместо прощания Абаддон, в последний раз показав свои жуткие зубы.

Эдуард выполнил его просьбу: прикрыл дверь, а потом навалился на нее плечом. Один за другим щелкнули засовы, и Ричард почувствовал, как по его спине побежали мурашки. С их стороны на двери не было ни замочной скважины, ни ручки.

ГЛАВА 10

Поднявшись по короткой каменной лестнице, сыщики оказались у выхода из склепа. Эдуард уперся в дверь ладонями и надавил. Заскрипели ржавые петли, посыпался мусор. Тяжелая дверь шевельнулась, пустив тонкую полоску света, и замерла.

— Что вы собираетесь делать с этой птицей? — спросил Стил, отдуваясь.

— Не бросать же ее. Придется взять с собой.

— Но вы могли бы на время опустить ее на пол? Ваша неоценимая помощь послужит ее скорейшему освобождению из этого приюта скорби.

Ричард осторожно поставил петуха на пол. Он немного опасался, что птица ударится в панику и ее придется ловить по всему склепу. Но ничего подобного не случилось. Петух не сделал даже попытки убежать, напротив, словно испуганный щенок, продолжал жаться к ногам сыщика.

— Поздравляю, вы завоевали его сердце, дружище!

Ричард устало улыбнулся.

— Давайте подналяжем и выберемся наконец отсюда, — сказал он.

Приятель дружно навалились на дверь, и она с громким скрежетом отворилась. Петух первым бросился на волю, едва щель стала достаточно широка, чтобы он смог в нее протиснуться.

— Обманул, хитрец! — рассмеялся Стил. — Вот это вероломство!

Ричард почувствовал легкую обиду на петуха-предателя, но вместе с тем облегченно вздохнул — что делать с ним дальше, он все равно не представлял.

За пределами склепа стоял теплый вечер. Солнце уже скатилось к самому горизонту. Стремительно надвигались сумерки. Друзья выбрались наружу и очутились, как и предполагали, на кладбище.

Склеп был стар и неухожен. Он так густо зарос плющом и диким виноградом, что невозможно было разобрать, какое почтенное семейство удостоилось чести скрывать под своим именем тайный вход в лондонские катакомбы. Трава на участке вокруг склепа поднималась почти в рост человека и служила идеальным прикрытием для сыщиков, опасавшихся оказаться в центре внимания местных служителей.

У самого входа в усыпальницу стояла монументальная гранитная скамья, сплошь покрытая разноцветными пятнами лишайника. На скамье сидел черный петух и, повернувшись к сыщикам в профиль, внимательно смотрел на них одним глазом.

— Ну надо же, ждет! — воскликнул Стил. — А мы уж, было, совсем распрощались.

Ричард подошел к петуху и взял его под мышку. Тот даже не сделал попытки убежать. Можно было подумать, что всю жизнь он только тем и занимался, что разъезжал у людей на руках.

— Что ж, раз наша дружба так окрепла, то придется взять тебя с собой, — философски заключил Ричард, и с молчаливого согласия петуха сыщики двинулись прочь от склепа.

Буквально через несколько шагов они вышли на аккуратную, выложенную камнем аллею, по обеим сторонам которой располагались многочисленные могилы и склепы.

— Если мои подозрения верны, то мы на Бромптонском кладбище, — сказал Стил, оглянувшись. — В Западном Бромптоне.

— Не может быть! Это же другой конец Лондона! — не поверил Ричард.

— Вы же не надеялись выйти на соседней с Ньюгейтом улице после всех наших подземных приключений?

После такой отповеди Ричард был вынужден признать, что они могли заплыть по подземной реке весьма далеко. А впрочем,

гадать не имело смысла, вскоре этот спор должен был разрешиться сам собой.

Мощная аллея привела сыщиков к воротам кладбища. На арке коваными буквами была выложена надпись «Лондонское Бромптонское кладбище».

Служитель на воротах с подозрением уставился на двоих джентльменов в пыльных костюмах, выносящих с кладбища черного петуха, но заступить дорогу не решился. Ричард прогнал мелькнувшую у него мысль продать многострадальную птицу торговкам цветами, галдящим у входа. После пережитых вместе тревог и злоключений он не мог представить храброго петуха поданным к обеду какому-нибудь лавочнику.

— Назову его Абаддоном Вторым, — решил молодой сыщик. — В память о нашем спутнике. Каково звучит: боевой петух Абаддон II?

— Звучит великолепно! С таким именем ему самое место на петушиных боях. Поразмыслите над тем, чтобы стать его импресарио.

Покинув мрачные катакомбы, оба сыщика заметно воспряли духом. В приподнятом настроении они вернулись в гостеприимный дом мистера Гровера Поулсона.

— Вы как раз к ужину, господа! — приветствовал их хозяин. — Вот-вот подадут.

Как истинный англичанин, он сделал вид, что не заметил потрепанного вида гостей и необычную ношу мастера Пустельги, предоставляя тому возможность самостоятельно решить, когда и какое объяснение дать. Сыщик не стал откладывать рассказ в долгий ящик.

— Эта славная птица зовется Абаддон Второй! — представил он петуха. — Он достался нам при обстоятельствах весьма драматичных и проявил при этом столь неподражаемую отвагу, что мы сочли недостойным джентльменов бросить его в беде.

— В таком случае он получит подобающий прием в моем доме, — не моргнув глазом, сказал мистер Поулсон.

Повинуясь его повелительному жесту, служанка почтительно приняла Абаддона Второго из рук Ричарда и унесла на кухню. Там он был вдоволь накормлен просом, после чего, горделиво выпятив грудь, обошел вверенную его заботам территорию, для порядка клюнул в ногу сварливую кухарку и наконец уснул у плиты с молоком, решительно прогнав оттуда хозяйского кота.

Тем временем в гостиной состоялся ужин. Мистер Поулсон, пока накрывали на стол, вполголоса поинтересовался у Ричарда:

— Как удалась ваша сегодняшняя прогулка? Были какие-то осложнения?

— Не могу сказать, сэр, что все прошло гладко, но проблемы разрешились наилучшим образом. Можете быть покойны, ни словом, ни делом мы не навели беды на ваш дом и были предельно осторожны, возвращаясь сюда.

— Это я и хотел услышать. Тогда еще один маленький вопрос. Возможно, это не очень вежливо, поэтому я спрашиваю у вас, а не у мистера Стила. Его глаза... Они поменяли цвет, или я совсем выжил из ума.

Ричард мысленно чертыхнулся. Как же они могли забыть! Но молодой сыщик быстро овладел собой.

— Да, вы правы. У мистера Стила застарелая гетерохромия, как и у меня. Обычно он использует патентованные капли, чтобы исправлять это. Но сегодня они вышли, а у нас не было времени навеститься к аптекарю.

Мистер Поулсон покачал головой с сочувствием. Ричард не сомневался, что сегодняшним вечером они с миссис Поулсон еще обсудят удивительную смену цвета глаз у мистера Стила.

За ужином мисс Элизабет Лидгейт была подчеркнута вежлива и даже несколько суховата с гостями. Ее холодность объяснялась обидой на мастера Пустельгу, который, вопреки правилам хорошего тона, будучи удостоенным чести пользоваться гостеприимством Поулсонов, позволил себе бестактность целый день провести бог весть где. Никто, кроме самого мастера Пустельги,

не заметил, что он впал в немилость. Не решаясь прямо спросить юную леди о причине ее дурного настроения, несчастный молодой человек вынужден был удовлетвориться возможностью находиться за одним столом с предметом своего интереса, безропотно принимая наказание, причина которого оставалась для него загадкой.

Пока Лизи поливала Ричарда из равнодушной вежливостью, мистер Гровер Поулсон и миссис Аббигайл Поулсон расспрашивали Стила о планах на завтрашний день. Тетушку Абби интересовало, найдется ли у господ сыщиков время сыграть с ней в вист, в то время как дядю Гровера занимали другие вопросы, говорить о которых в открытую он не мог.

— Так что вы намереваетесь делать завтра? — спросил мистер Поулсон для затравки.

— Планируем посетить выставку мадам Тюссо на Мэрилебн-роуд.

Мистер Поулсон был несколько удивлен, поскольку посещение выставок никак не вязалось в его голове с образом джентльменов, попавших в затруднительные обстоятельства. Видя это, Стил поторопился добавить:

— Там у нас с мастером Пустельгой назначена важная встреча.

— Насколько важная? — со значением шевельнув бровями, спросил мистер Поулсон.

— Чрезвычайно важная, сэр! — заверил его Стил. — Жизнеопределяющая!

Тетушка Абби сделала большие глаза. Она немедленно пришла к заключению, что в деле замешана дама, поскольку именно в женщинах видела жизнеопределяющее начало. Сделав этот поспешный вывод, она тут же задалась вопросом, сердечные дела какого из двух джентльменов они предполагают устраивать на выставке среди восковых изваяний.

Пока миссис Поулсон размышляла, мистер Поулсон перевел беседу в менее рискованное русло, заведя речь о скачках, в которых Эдуард оказался большим знатоком. Джентльмены с жаром

принялись спорить о лошадях, и как ни пыталась впоследствии миссис Поулсон вернуть разговор к интересующей ее теме, сделать это было уже решительно невозможно.

После ужина Лизи, сославшись на мигрень, удалилась к себе, где и провела остаток вечера, злясь на мастера Пустельгу, дядюшку Гровера, мистера Рэтмола, саму себя и на весь остальной белый свет в придачу.

Сыщики же составили мистеру и миссис Поулсон компанию в вист, хотя и были вымотаны до последнего предела. Заметив, что мастер Пустельга клюет носом, мистер Поулсон сжалился над гостями и торжественно объявил приятный вечер подошедшим к концу.

На следующее утро Ричард проснулся бодрым и отдохнувшим более чем когда-либо за последние дни. Он решительно отогнал тревожные мысли о немилости, в которую он впал у мисс Лидгейт, рассудив, что первым делом стоит побеспокоиться о насущных проблемах. А именно, следовало решить, каким образом они со Стилом смогут обеспечить свою безопасность при передаче мыши ее законному владельцу.

Накануне Ричарду в голову пришла идея, которую он сейчас и собирался воплотить в жизнь. С разрешения мистера Поулсона еще до завтрака он послал служанку в магазин готового платья с приказом купить женскую одежду, обувь и корсет. Девушке были даны подробные указания касательно размеров и фасона наряда. Затем ей надлежало посетить театральную лавку «Коллет и Ко» и приобрести там гримировальный набор и парик. Ричард вручил служанке фунт и пять шиллингов на покупки и еще три шиллинга сверху, попросив сохранить поручение в тайне.

Девушка, смущенная и недоумевающая, зачем мужчине понадобилось женское платье, выполнила поручение в точности, за исключением, разумеется, последнего пункта. Если бы мастер Пустельга чуть лучше знал женщин, он ни за что не стал бы рассчитывать на сохранение конфиденциальности в таком пикантном вопросе.

Вернувшись с покупками, девушка первым делом направилась к молодой хозяйке, мисс Лидгейт, и выложила ей все.

Элизабет была вне себя от гнева. Ее прелестное личико сперва побледнело, затем покраснело, затем вновь побледнело и таким образом осталось уже надолго.

— Для чего все это ему понадобилось, хотела бы я знать?! — с негодованием спросила она, перебирая принесенные предметы туалета. — Какую девицу собирается он обрядить в это безвкусное тряпье?

— Весьма рослую девицу, — догадливо заметила служанка.

— И весьма вульгарную притом! — добавила Элизабет.

Юная Элизабет была еще слишком молода и не искушена в романтических отношениях, чтобы распознать то чувство, которое буквально душило ее при мысли о мастере Пустельге и этой гипотетической девице. Чувство это было — ревность. И, понукаемый этим дурным советчиком, пылкий характер Элизабет подтолкнул ее к необдуманному шагу.

— Я выведу этого прохиндея на чистую воду! — решительно заявила она. — Выставка Тюссо, говорите? Хорошо же!..

Сказав это энергичное «хорошо же», Лизи выпроводила служанку и заперла дверь изнутри.

Вскоре ничего не подозревающий Ричард получил свой заказ и тоже заперся, чтобы примерить купленное платье. Оставшись доволен результатом, он покинул свою комнату и переместился в гостиную, где рассчитывал застать Лизи. Но мисс Лидгейт не вышла ни к завтраку, ни позже, оставив молодого человека и дальше недоумевать о причинах вчерашней холодности.

Стил был посвящен в детали плана сразу после завтрака. Согласно ему, Эдуарду предстояло встретиться с претендентом в условленном месте. Ричард, переодетый в женский наряд, будет находиться где-нибудь неподалеку. Удостоверившись, что перед ним действительно Король Воров Стэнли Барбл, Стил должен был подать условный сигнал, после чего Ричарду следовало вручить предмет хозяину. Сигналом служила снятая шляпа.

План был неидеальный, зато исключал силовое изъятие предмета у сыщиков. Если, конечно, конкурирующая организация не решится на открытый конфликт. Но Ричард не верил в такой исход, и Стил склонен был с ним согласиться.

В полдень слуга был послан нанять кеб, и сыщики собрались в путь. Ричард прихватил с собой сверток с нарядом и гримом, а Эдуард — оба револьвера. Петуха Абаддона Второго было решено оставить на кухне, где он уже расхаживал с видом полновластного хозяина, окончательно изгнав оттуда трусливого кота. Мистер Поулсон торжественно пожал джентльменам руки и пожелал счастливого пути. Миссис Поулсон, так и не решив, какой из молодых людей намерен устроить сегодня свое счастье, также пожелала удачи обоим.

Миссис Лидгейт проводить гостей не вышла. Она сама была занята сборами. Едва за сыщиками закрылась дверь, юная леди на цыпочках спустилась вниз и повторила маневр, который третьего дня едва не привел к трагическим последствиям, — выскользнула из дома через заднюю дверь, подтвердив тем самым старую как мир сентенцию о том, что молодости не свойственно учиться на ошибках.

Мисс Лидгейт посчастливилось остановить кеб до того, как повозка, увозящая сыщиков, скрылась из виду. Она велела вознице следовать за первым экипажем и сама через переднее окошко не сводила с него глаз.

Между тем Ричард приступил к перевоплощению. На глазах у Стила, который до того не имел возможности убедиться в талантах приятеля по части переодевания и лицедейства, родился новый человек. И Эдуарду даже пришлось поучаствовать в этом.

— Затяните корсет, будьте любезны, — попросил Ричард, напялив на себя эту пугающую амуницию и поворачиваясь к приятелю спиной, что было весьма нелегко в тесном кебе. Эдуард ухватил шнурок, словно вожжи, уперся коленом в спину Ричарда и сильно потянул. Молодой сыщик даже крикнул от боли.

— Чуть ослабьте! — прохрипел он. — Я же так задохнусь!

Стил, улыбаясь в усы, выполнил просьбу и только после этого завязал концы шнурка. Дальше пришел черед синих чулок, с которыми пришлось повозиться, так как сгибаться в корсете оказалось невероятно тяжело. Когда, бормоча под нос проклятья, Ричард с горем пополам справился с этой задачей, Стил уже не скрывал смеха. Светло-зеленое платье с турнюр и коричневый жакетик Ричард надевал уже под откровенный хохот. Дело завершили рыжий парик, лиловый чепец с кружевными оборками и лакированные черные туфельки с шелковыми бантиками.

Веселье приятеля Ричарда совсем не смущало. Он любил метаморфозы и с удовольствием «играл» назначенные самому себе роли. Поэтому сейчас он достал гримировальный набор и невозмутимо занялся макияжем. Спустя десять минут в экипаже со Стилом ехала степенная дама с чопорно поджатыми губами и чуть более густыми, чем положено даме, бровями.

За пару кварталов до выставочного зала дама попросила останавить кеб.

— Дальше езжайте сами. Лучше не давать «конкурсантам» лишних козырей и появиться порознь.

— Разумно, — согласился Стил. — Только давайте-ка я напоследок сверюсь с мышью — не ждет ли нас слишком горячий прием.

Он сжал в кулаке фигурку и закрыл глаза. С каждым новым контактом связь с предметом возникала все быстрее. Уже через несколько секунд Стил вручил мышь Ричарду.

— Они что-то затевают, но сами толком не знают, что именно. Скорее всего, собираются действовать по обстоятельствам, и как поступить с нами, еще не решили. Все зависит от результата встречи. Так что будьте предельно осторожны.

— И вы смотрите в оба, дружище!

Напутствовав таким образом Эдуарда, дама в лиловом чепчике вышла из экипажа. Возница, который точно помнил, что посадил двух джентльменов, вытаращился на нее во все глаза и даже

открыл от изумления рот. Он уже представлял, как сегодня вечером в пивной будет блистать с этой историей, излагая свои соображения о причинах волшебного превращения джентльмена в даму, когда требовательный стук по крыше изнутри кеба вернул его к действительности. Возница неохотно тряхнул упряжью, и экипаж поехал дальше. Дама в лиловом чепчике неторопливо направилась своей дорогой, даже не подозревая, что еще одна заинтересованная особа не сводит с нее глаз.

Лизи лишилась дара речи, когда увидела даму, вышедшую из кеба, который она преследовала. «Кто эта девица и как она оказалась в экипаже с мастером Пустельгой?» — возмущенно спросила себя Лизи. А за этим вопросом последовал еще более ужасный: «Неужели она одевалась в присутствии двоих мужчин?»

Да что она себе позволяет?!!

Элизабет расплатилась с извозчиком и поспешила следом за Лиловым Чепчиком, кипя от негодования. Она еще не знала, что намерена предпринять, но твердо решила не дать спуску ни вульгарной девице, ни лицемерному кавалеру. Сама того не замечая, Лизи сжимала кулачки и гневно хмурила брови.

Так они прошли по Мэрилебон-роуд до самой выставки. В очереди в билетную кассу Лизи встала через два человека после Лилового Чепчика, пропустив перед собой неприятного господина в черном костюме и котелке, но без трости, и развязного субъекта с надорванным ухом из мастеровых. Отсюда, со спины, Лизи не могла разглядеть лица соперницы — оборки чепчика были слишком велики, и это обстоятельство только распаляло гнев юной героини. Она привставала на цыпочки, тщетно выглядывая из-за плеча мастерового, который принял знаки внимания на свой счет и, повернувшись, самым наглым образом подмигнул Лизи. Мисс Лидгейт одарила самонадеянного нахала ледяным взглядом и прекратила бесплодные попытки.

Наконец женщина в лиловом чепчике купила билет и прошла в зал. За ней поспешили господин без трости и наглец с порванным ухом. Лизи заставила себя не торопиться, досчитала до ста

и, сохраняя достоинство, чинно вошла в помещение выставки. Если бы перед этим она дала себе труд оглянуться, то заметила бы, как у кассы остановился экипаж, из которого, не таясь, вышел мистер Эдуард Стил.

Во исполнение плана Ричарда Стил кружил по Мэрилебон-роду четверть часа, давая возможность другу проникнуть на место встречи, не опасаясь разоблачения. Сыщики не сомневались, что невидимые соглядатаи, завидев Стила одного, с утроенным рвением станут выискивать второго сыщика, и тогда маскарад мастера Пустельги может не сработать. Поэтому сразу было решено, что Ричард пойдет первым.

Эдуард тоже не увидел Лизи, поскольку его внимание привлекли двое господ в котелках, которые так старательно изучали афишу на ближайшей театральной тумбе, что вызвали подозрения даже у продавца пирожков, примостившегося рядом. Продавец, косясь на «котелки», начал бочком отступать в сторонку, придерживая обеими руками висящий на ремне лоток, и не заметил, как наступил на ногу какому-то пучеглазому типу самой бандитской наружности. Пучеглазый рыкнул на пирожечника, и того словно ветром сдуло. «Котелки» закончили читать афишу и, подчеркнуто глядя прямо перед собой, прошли на выставку.

Стил приподнял шляпу и улыбнулся пучеглазому.

— Мистер Джинглз.

Бандит напустился, но все же кивнул.

Эдуард неспешно приобрел билет и вежливо пропустил Джинглза в дверях, прежде чем войти самому.

Первым, кого Стил увидел внутри, был странный господин, одетый по французской моде прошлого века в зеленый камзол с крупными золочеными пуговицами и красный жилет, поверх которого лежал огромный шейный платок из белого кружева. На голове у господина сидел вовсе уж нелепый белый парик с буклями, какие в нынешние времена носили только судьи. Господин лукаво улыбался тонкими губами, но черные глаза смотрели холодно, безжизненно.

Лицо у француза было знакомое, и Эдуард задержался, чтобы поздороваться, еще не сообразив, откуда он знает этого человека. Он совсем уж было собрался протянуть руку для приветствия, как вдруг увидел у ног господина деревянную табличку, гласившую: «Франсуа Мари Аруэ Вольтер».

Француз в буклях оказался куклой.

Стил едва удержался от проклятья. Наверняка он был не первым и даже не сотым посетителем, бросившимся здороваться с Вольтером, но все равно чувствовал себя ужасно глупо. Нельзя было отрицать, что фигура выполнена с большим искусством и поставлена на входе именно для того, чтобы пугать новичков, но ему, опытному полицейскому, попасться на эту удочку... Обидно.

Эдуард огляделся. Зал был полон народу — люди бродили парами и по одному вокруг неподвижных фигур героев и злодеев прошлого. Из-за того что посетители время от времени замирали перед изваяниями, рассматривали их и отправлялись дальше, казалось, что передвигаются сами фигуры.

Осторожно, стараясь не пялиться по сторонам, Стил искал глазами Ричарда. Но в этом зале его не оказалось. Зато наметанным глазом сыщика Эдуард увидел в толпе трех соглядатаев в котелках. Впрочем, один из них на поверку оказался восковой куклой маленького человечка с ужасными усиками щеточкой, клюкой вместо трости и в стоптанных остроносых ботинках.

Чтобы не блуждать по всей выставке в поисках необходимой скульптуры, Эдуард остановил человека в форме служителя и спросил:

— Любезный, подскажите, где у вас обретается Карл Первый Стюарт.

Вышколенный служитель ответил со всем достоинством, на какое был способен:

— Его величество вы найдете в следующем зале, — он сделал жест рукой, — между французским императором Наполеоном

Первым Бонапартом и его величеством Ричардом Львиное Сердце Плантагенетом.

Стил отправился в указанном направлении, по дороге отметив еще двоих «котелков», занятых разглядыванием многочисленных орденов на груди столь же невозмутимого, как и при жизни, адмирала Нельсона.

У самого выхода из зала он увидел небольшую группку людей, в ажиотаже толкующуюся перед ширмой, у которой переминался с ноги на ногу строгий констебль. Страж порядка следил, чтобы посетители соблюдали очередь — за ширму проходили по одному. Дети не допускались. Стил подошел поближе и прочитал надпись на табличке: «Норма Д. Мортенсон». Имя ни о чем не говорило сыщику, но времени выяснять, что так заинтересовало публику в загадочной Норме Мортенсон и почему ее спрятали за ширмой, не было. Эдуард вошел в следующий зал.

Это был странный зал. Наряду с обычными восковыми фигурами, к которым сыщик уже успел несколько привыкнуть, в нем находилось изрядное количество голов, не обремененных телами. Головы эти, заляпанные пятнами крови, были самым варварским образом надеты на ржавые колья и выглядели столь натурально, что людям со слабыми нервами стоило держаться от них подальше. Своим ужасающим видом восковые головы мертвецов напоминали живым, сколь призрачно и мимолетно земное величие.

Бывшие друзья, пылкие революционеры, в горячке побед и свершений без жалости лишавшие друг друга голов, теперь были обречены на вечное соседство под одинаковыми табличками: «Робеспьер», «Сен-Жюст», «Дантон», «Демулен», «Фукье-Тенвиль». Рядом непринужденно расположились головы их жертв — несчастных супругов Марии-Антуанетты и Людовика XVI. Немного особняком держалась графиня дю Барри, так и не поверившая до конца в свою судьбу.

Единственным, кто в этом достойном обществе сумел уберечь свою голову, был Карл Первый Стюарт. Король стоял посреди

зала, величественный и непобежденный, облаченный в блистающий стальной нагрудник, надетый поверх рубахи с широкими рукавами, черные бриджи и сапоги с отворотами. В одной руке у короля была толстая трость, на которую он опирался, а в другой его величество цепко держал собственную голову.

Зрелище было поистине шокирующим. Видимо поэтому стоящий рядом восковой Наполеон старательно отводил глаза... Глаза! Стил теперь в первую очередь смотрел на глаза человека, и то, что человек сделан из воска, дела не меняло. Глаза у императора были разного цвета. Неужели и он тоже?! А может быть, это просто ошибка мастера, делавшего куклу?

Но поразмыслить над цветом глаз Бонапарта Стил не успел. Взгляд его остановился на посетителе, который с самым нетерпеливым видом прохаживался у фигуры Карла Первого. Это был уже немолодой, но весьма крепкий на вид мужчина в идеально сидящем светло-сером костюме и белоснежном котелке. Крупный мясистый нос и глубокие складки у рта говорили о его итальянском происхождении. Прищуренные злые глазки остро глядели из-под густых седеющих бровей. Это был король преступного мира Лондона Стэнли Барбл.

О могуществе и всеилии этого человека по городу давно ходили легенды. Еще в бытность свою полицейским Эдуард то и дело спотыкался о натянутые на каждом шагу ниточки его интересов. Каждая вторая кража и каждый третий грабеж на улицах Лондона совершались по воле или с соизволения Стэнли Барбла. Но поймать или разоблачить его было невозможно. Даже лучшие умы Скотланд-Ярда пасовали перед его удачливостью и чутьем на опасность.

Стэнли Барбл всегда выходил сухим из воды. Он избежал десятка покушений, всегда был готов к внезапному обыску и никогда не бывал под стражей. Теперь-то Стил понимал, в чем причина такого небывалого успеха. Миниатюрная фигурка мыши с ее волшебным даром чувствовать опасность вывела Стэнли Барбла в люди. И теперь этот человек жаждал получить мышь назад.

Стэнли, разумеется, пришел не один. Первым, кто бросался в глаза, был здоровенный бугай, уступавший габаритами покойному мистеру Краббу, но заметно превосходивший плечистого Ричарда Львиное Сердце, рядом с которым и стоял. Кроме него буквально в двух ярдах от главаря слонялась парочка головорезов с тяжелыми внимательными взглядами.

Эдуард подавил желание оглядеться, боясь выдать Ричарда, который прохаживался где-то рядом. Он сделал вид, что не знает, кто перед ним, и шагнул прямо к Стэнли Барблу.

— Вы по объявлению в «Дейли телеграф»?

— Мистер Стил?

— Мое почтение. — Эдуард коснулся полей шляпы.

— Вы принесли фигурку? — не утруждая себя приветствием, спросил Король Воров.

Он волновался. Стил видел капли пота на лбу и у висков собеседника, видел нервное шевеление пальцев и тревожные взгляды по сторонам. За тридцать лет Король отвык обходиться без мыши и чувствовал себя слишком уязвимым.

— Она у моего друга. Мы хотим удостовериться, что вы тот, за кого себя выдаете. Хозяин.

После визита к Узнику у сыщиков не было сомнений в том, что фигурка принадлежит Барблу, но демонстрировать ему свою осведомленность было бы слишком опасно. Поэтому они решили действовать в соответствии с первоначальным планом. Согласно ему, на данном этапе переговоров Барбл мог вспылить и потребовать отдать фигурку без объяснений. Но, как ни странно, Король Воров избрал другую тактику.

— Большое спасибо, мистер Стил, вам и мастеру Пустельге, о котором я столько наслышан, за непреклонную принципиальность, которую вы проявили в этом деле. Мой посланник, мистер Джинглз, рассказал, сколь решительно вы оберегали мое имущество...

— Свои права на которое вам еще предстоит доказать, — вставил Стил.

— Разумеется. Я готов выслушать ваши вопросы.

Эдуард не стал тянуть.

— Сколько денег пообещал мистер Крабб моему коллеге во время найма?

Стэнли Барбл улыбнулся.

— У мистера Крабба в этом отношении были неограниченные полномочия, но, зная его бережливый характер, могу предположить, что это была сумма в пятьсот фунтов. Кстати, что произошло с мистером Краббом?

— Он умер.

— Печально, — с сожалением произнес Барбл.

— Расскажите, в чем хранилась ваша пропaja.

— В маленькой шкатулке из слоновой кости. Вот такой, — Барбл показал пальцами размер шкатулки. — Она легко помещается в кармане. Шкатулка похищена не была, мистер Крабб взял ее, чтобы показать нанятому сыщику.

С формальностями было покончено. Стил сделал вид, что удовлетворен ответами. Он старательно гнал от себя мысли о том, что собирается возвратить преступнику могучий артефакт, сделавший его неуязвимым не только для конкурентов, но и для закона. Честь джентльмена обязывала его помочь Ричарду в этом деле. Остальное не важно.

Эдуард наконец открыто огляделся по сторонам. За время их короткого разговора народа в зале прибавилось. Появился пучеглазый Джинглз вместе с троицей грозных типов в одежде мастеровых. Несколько «котелков» крутились там и сям, делая вид, что увлеченно осматривают экспозицию. Но сыщика интересовали не они. Глазами он нашел высокую даму в зеленом платье и лиловом чепце, которая медленно двигалась по залу, переходя от фигуры к фигуре. Глядя на нее, Стил понял, что зря волновался: Ричард играл превосходно, а его грим был безупречен. Узнать в этой женщине мастера Пустельгу не смог бы даже он, не зная этого заранее. Эдуард улыбнулся, и рука его потянулась к шляпе.

Но в этот момент в игру вступили новые действующие лица. Возле дамы с чепчиком откуда ни возьмись возникла неугомонная Элизабет Лидгейт, и выражение лица ее говорило о самых серьезных, хотя и еще неясных намерениях. Одновременно с юной леди в зале объявился и вчерашний долговязый гость, сэр Артур Уинсли. Рука Стила замерла на полдороге.

Дама в лиловом чепчике, не подозревая о новых участниках представления, внимательно рассматривала фигуру кудрявого молодого человека в гранатовом атласном халате, с книжкой в восковых руках. Мисс Лидгейт легко, но очень решительно тронула даму за локоть.

— Мадам! — сказала она резким тоном. — Мне нужно с вами поговорить!

Женщина вздрогнула и медленно повернулась. Лизи поразили ее глаза, смутно знакомые и, конечно, разного цвета. Но слова, которые за последние десять минут она уже бесчисленное множество раз повторила про себя, блуждая по выставке следом за Лиловым Чепчиком, сорвались с губ прежде, чем Лизи успела сообразить, кто стоит перед ней:

— Хочу вам заметить, что ваше поведение в высшей степени вызывающе и недостойно леди! Я видела, как вы покидали экипаж, в котором...

— Мисс... — начала было дама.

— Не перебивайте! — Лизи мотнула головой. — Прежде чем вы скажете хоть слово — знайте, мне известно, что вас связывают некие отношения с этим наглецом, мастером Пустельгой! Я не желаю знать, какие, но уж точно не приятельские, раз вы позволяете себе переодеваться в его присутствии!

Дама в чепчике опять раскрыла рот, чтобы что-то сказать, но не тут-то было.

— Молчите! — воскликнула Лизи, как будто не она только что так горячо настаивала на разговоре. — Я не буду вас слушать!

Но дама неожиданно схватила ее за руку и крепко, по-мужски сжала.

— Лизи, это же я! — прошипела дама сквозь зубы совсем не женским голосом. — Неужели вы не узнали меня, Лизи!

Юная мисс Лидгейт буквально онемела от изумления. Показавшиеся знакомыми глаза и слишком низкий для женщины голос принадлежали тому, о ком вот уже два дня она не переставая думала. Впрочем, дар речи быстро вернулся к Лизи, и, как показали дальнейшие события, произошло это очень некстати.

— Мастер Пустельга! — вскричала она.

— Тише! — Ричард приложил палец к губам, но было уже поздно.

За спиной Элизабет выросла фигура сэра Уинсли. Смерив холодным взглядом девушку, он обратился к сыщику:

— Прекрасная маскировка, сэр! Выше всяких похвал. Мои люди так и не смогли обнаружить вас.

— Что вам нужно? — нелюбезно спросил Ричард. Сам того не сознавая, он загородил собой Лизи и теперь стоял лицом к лицу с хранителем.

— Вы знаете, за чем я пришел. И ради собственной безопасности немедленно отдадите мне это!

Лизи ни жива ни мертва стояла за спиной мастера Пустельги, понимая, что снова попала в переделку, да еще навлекла неприятности на молодого сыщика. Ведь не забавы ради он явился сюда в этом нелепом наряде. Наверняка он был занят опасным расследованием. А она... Она все испортила!

Но не успела Лизи придумать способ исправить положение, как события понеслись вскачь и без ее помощи.

Пучеглазый тип самого бандитского вида возник прямо между мастером Пустельгой и высоким господином. На пальцах пучеглазого блеснули металлические шутовчины весьма угрожающего вида.

— Попридержите руки, сэр, — грубо сказал он. — Если не хотите остаться без них.

— Прочь с дороги, — процедил долговязый.

И, словно повинувшись невидимому знаку, сразу с двух сторон на пучеглазого бросились двое мужчин в котелках. Но не тут-то

было. Бандит не стал дожидаться, пока его возьмут в клещи, и, не раздумывая, прыгнул навстречу одному из них. Страшным ударом в лицо он сбил нападающего с ног. Алая кровь брызнула в разные стороны, да так щедро, будто плеснули из стакана. Человек полетел на пол и замер.

Громкий визг послужил сигналом к всеобщей панике. Когда Лизи поняла, что визжит она сама, то прикрыла ладошкой рот и тихонько присела у ног ближайшей фигуры.

А вокруг уже творилось бог знает что. Женщины с криками метались по залу, теряя кавалеров и шляпки. Джентльмены растерянно оглядывались по сторонам, пытаясь сообразить, что за напасть свалилась на их голову. Несколько человек сцепились в драке.

Пучеглазый, расправившись с одним противником, повернулся навстречу второму, но замешкался и получил сильнейший удар по плечу дубинкой, которая невесть откуда взялась в руке у нападающего. Издав сдавленный крик, он толкнул «котелка» здоровым плечом и, когда тот покачнулся, врезал ногой по колену.

Ричард, вовсе не ожидавший подмоги в лице пучеглазого бандита, в первые мгновения схватки опешил и едва не стал жертвой еще одного типа в котелке, который подскочил к нему сзади и занес для удара дубинку. Но в последний момент сыщик стряхнул оцепенение. Он как будто спиной почувствовал опасность и, резко развернувшись, успел перехватить руку нападающего, а затем мастерским ударом в челюсть опрокинул его прямо под ноги статуе в гранатовом халате.

Теперь у сыщика появилась возможность оглядеться, и он сразу увидел Стила, спешащего на помощь с дубинкой в руке. Хозяин дубинки медленно оседал за спиной Эдуарда, подкатив глаза. Вокруг ожесточенно сражались уже человек тридцать. Против «котелков» в черных костюмах, вооруженных дубинками, бились люди, одетые как мастеровые. С удивлением Ричард понял, что изрядная часть «зрителей» оказалась людьми соперничающих сторон. И всем была нужна мышь.

Прекратить это можно было только одним способом — отдать артефакт хозяину и предоставить конкурентам возможность самим разрешить все недоразумения. Но где хозяин? Несколько минут назад Ричард краем глаза успел рассмотреть собеседника Стила в сером костюме, но сейчас он не видел этого человека. Кроме того, Эдуард ведь так и не подал условный знак. А вдруг это не он?!

Времени на рассуждения не было. Новая опасность в лице излишне ретивого «котелка» подбиралась к Ричарду, прикрывшись августейшей особой Генриха VII. Молодой сыщик не стал церемониться с давно усопшим монархом и толкнул восковую фигуру на противника. «Котелок» попытался уклониться, но не успел, и массивная кукла рухнула прямо на него.

В это время рядом оказался Стил.

— Как вам это нравится, мадам? — весело спросил он, кивая на дерущихся. — Похоже, ваши надежды не оправдались. Ни толпы людей, ни близость полиции их не смущают. Как бы не пришлось применять оружие.

И словно в подтверждение его слов, где-то в другом конце зала раздались один за другим два выстрела.

— Этот тип в светлом костюме, с которым вы только что говорили, — Барбл? — Ричард проигнорировал шутливый тон приятеля, но снял наконец проклятый лиловый чепчик.

— Да.

— И куда он подевался?

— Прячется за Карлом Первым.

Ричард решил. Он достал из-за пазухи шкатулку с мышью и передал ее Стилу.

— Отдайте ему, Эдуард. Мне не до этого. Я должен помочь мисс Лидгейт.

Не слушая возражений, он огляделся в поисках Лизи.

Но вместо девушки в двух шагах от себя он увидел сэра Артура Уинсли. Аристократ возвышался над толпой, даже не пытаясь принять участие в драке. Вместо этого он стоял с закрытыми

глазами, и лицо его было таким напряженным, будто он пытался вспомнить нечто чрезвычайно важное. Тень подозрения шевельнулась в мозгу молодого сыщика, и не успела она оформиться в убеждение, как Уинсли открыл глаза.

— Черт меня подери! — вырвалось у Ричарда.

Глаза проклятого хранителя поменяли цвет.

И с этого момента ситуация на арене сражения резко изменилась. Если до того «мастеровые», предводительствуемые пучеглазым Джинглзом и поднаторевшие в уличных драках, определенно теснили «котелков», то теперь с ними стало происходить что-то странное. Они не потеряли боевого задора или решимости, не обессилели внезапно и не трусили, но вдруг стали ошибаться и промахиваться, оступаться на ровном месте, падать под ударами противника, как будто превратились в неуклюжих детей.

Вот тип в надвинутой на глаза кепке и с порванным в давней стычке ухом широко размахнулся, но вместо того, чтобы съездить в глаз противнику, попал по уху ни в чем не повинного сэра Вальтера Скотта. И тут же сам пал жертвой молодецкого удара по голове. Другой «мастеровой» совсем уж было достал кастетом очередную жертву в котелке, как вдруг самым постыдным образом поскользнулся на гладком паркете и, падая, задел стойку с головами французских революционеров. И головы, повторив свой исторический путь, покатались на пол, словно шары в боулинге.

Опять прозвучали выстрелы и крики. Ричард понимал, что на этот раз встреча «котелков» с людьми Стэнли Барбла не обойдется без жертв. Необходимо было как можно скорее вывести из зала Элизабет! И сыщик наконец нашел ее взглядом. Она сидела у ног Шарлоты Корде, занесшей свой карающий нож над легковерным Маратом. С места, где стоял Ричард, Лизи выглядела столь уязвимой, что сердце у молодого человека защемило от жалости и желания защитить. Он бросился вперед.

Но путь ему преградил Артур Уинсли. В левом кулаке хранитель сжимал какую-то фигурку, а раскрытую ладонь правой руки протянул к Ричарду.

— Отдайте мне мышь, или вы погибнете!

— У меня ее нет, — честно ответил сыщик. — Обратитесь к хозяину.

— Глупец! — Лицо Уинсли исказилось. — Вы не могли!.. Нет, вы лжете! Мы следили за ним неотступно!..

Но завершить тираду ему не дали. Здоровенный детина с ревом бросился на хранителя, вращая над головой мечом, отобранном у легендарного Ричарда Львиное Сердце. Сэр Уинсли не выказал ни малейшего страха, лишь отступил на шаг. Этого хватило, чтобы бугай промахнулся. Меч, описав широкую дугу, завершил свой путь на восковой шее Марии Стюарт, словно насмехаясь над желанием устроителей выставки по-новому взглянуть на историю Англии. Сам меченосец не удержал равновесия и всей тяжестью своей огромной туши обрушился... прямо на сэра Артура Уинсли. Хранитель не удержался на ногах и, самым комичным образом взмахнув руками, упал на пол вслед за вновь обезглавленной королевой и незадачливым меченосцем.

Забыв обо всем и презрев опасности, Ричард вновь ринулся к Элизабет, но в этот момент страшный удар по затылку сбил его с ног.

Он упал, не чувствуя боли. Только низкий протяжный звон гигантского колокола стоял в голове, упорно не желая прекращаться. Сознание не покинуло его, напротив, мысли заострились и понеслись вскачь, а люди вокруг как будто увязли и замедлились в мутном, крахмальном тумане. Опять прозвучали выстрелы, раздались полицейские свистки, а затем чей-то раздраженный голос гаркнул: «Хватайте девчонку!»

Ричард попытался шевельнуться, но тело не слушалось, он даже не почувствовал его. Колокольный звон нарастал, и сознание стало медленно уплывать. В этот момент над ним склонился сэр Артур Уинсли:

— Если вы меня слышите, мастер Пустельга, запомните: я забираю юную мисс, и назад вы ее получите только в обмен на мышь. Счастливо оставаться.

Последнее, что увидел Ричард перед тем, как тьма окончательно заволочла его разум, было неподвижное восковое лицо маленькой девочки, до боли похожей на ее величество королеву Викторию. Один глаз у девочки был зеленый, а другой — голубой. «И она тоже...» — безразлично подумал Ричард и потерял сознание.

ГЛАВА 11

С самого начала этой внезапной баталии Лизи благоразумно пряталась чуть ли не в единственном укромном местечке в зале — между ванной с «убитым» Маратом и правой ногой Шарлоты Корде. По иронии судьбы именно отважная француженка с детства была кумиром Элизабет и служила образцом стойкости и мужественности, поэтому, несмотря на потрясение, Лизи оценила печальный комизм ситуации. Ей было ужасно страшно.

Арена битвы развернулась перед ней как на ладони. Но что вдруг стряслось и почему это произошло, оставалось неясно. Люди, только что спокойно разглядывавшие экспозицию, внезапно бросились друг на друга, словно заклятые враги. А в центре сражения оказались мастер Пустельга и его друг мистер Стил.

Молодой сыщик, несмотря на неудобный женский наряд, ловко расправился со своим первым противником, затем толкнул статую на второго и на некоторое время исчез из вида. Когда Элизабет в следующий раз нашла его глазами, мастер Пустельга двигался прямо к ней. Сердце девушки забилося чаще, она в одно мгновение почувствовала себя героиней романа, на помощь к которой спешит благородный рыцарь.

Но неожиданно дорогу ему преградил высокий джентльмен — тот самый, что так грубо вторгся в их беседу несколько минут назад. За воплями дерущихся Лизи не услышала, о чем они говорят, но высокий явно чего-то добивался от мастера Пустельги.

Лизи только обрадовалась, когда неприятный разговор был прерван появлением огромного головореза с мечом. Высокий

джентльмен уклонился от удара, но столкновения с самим головорезом не избежал и неуклюже грохнулся навзничь. При этом из его распахнутой ладони вылетел какой-то небольшой предмет и упал прямо на колени Элизабет. Девушка схватила его и, сама не понимая, зачем это делает, спрятала в корсет.

Когда она подняла глаза в поисках мастера Пустельги, то, к своему ужасу, увидела его на полу в паре ярдов от себя. Миготом забыв о грозящей ей опасности, она вскочила и бросилась к нему. Но приблизиться к молодому человеку Лизи не дали. Кто-то грубо схватил ее за талию и, взвалив на плечо, бесцеремонно потащил прочь от лежащего в беспамятстве сыщика. Лизи билась в сильных руках, словно попавшая в сети рыба, но все ее попытки освободиться ни к чему не привели — похититель был намного сильнее жертвы.

Ее пронесли через весь зал, и перед тем, как девушка столь необычным способом покинула выставку, она увидела джентльмена в окровавленном сером костюме, лежащего на спине возле опрокинутой фигуры Карла Первого.

Несмотря на сопротивление, Лизи затолкали в просторный кеб, где молчаливый тип сунул ей в рот тряпку, связал руки и в довершение всего надел на голову мешок. Уже после этого в кеб влез еще кто-то, и повозка тронулась, хотя приказа Лизи не слышала.

Как ни странно, но после того, как ее связали, Лизи немного пришла в себя. Усилием воли она заставила себя рассуждать разумно. Ее пленили и куда-то везут, а это значит, что прямо сейчас ее жизни ничто не угрожает. Ведь убить можно было и на месте, не прибегая к хлопотной транспортировке.

Лизи догадывалась, что похищение — дело рук долговязого господина, который что-то требовал у мастера Пустельги. Как же он сказал?.. «Ради собственной безопасности вы отдадите мне это!» Выходит, теперь они будут шантажировать молодого сыщика! И все из-за нее! Ах, только бы мастер Пустельга остался жив! Лизи в отчаянии застонала и помотала головой.

— Мисс, — обратился к ней равнодушный голос. — Если вы не уговоритесь, мы будем вынуждены обездвижить вас с помощью пеньки.

Лизи замерла. Быть связанной еще сильнее ей совсем не улыбалось.

Кеб довольно долго тархтел по камням лондонских улиц, а затем, должно быть, выехал в предместье — его стало подбрасывать на ухабах проселочной дороги. Лизи запоздало пожалела, что не догадалась, подобно героям авантюрных романов, считать и запоминать повороты. Но поразмыслив, она пришла к выводу, что в сложившейся ситуации это знание вряд ли пригодилось бы. Наконец экипаж остановился, и Лизи услышала протяжный скрип ворот. Кучер перекинулся с привратником парой неразборчивых фраз, после чего кеб продолжил движение. Через несколько минут он достиг своей конечной цели и замер.

За все время пути похитители не произнесли ни слова, но теперь один из них сказал:

— Я сниму мешок, чтобы вы могли смотреть под ноги, и достану кляп, если пообещаете молчать.

Голос у негодя был спокойный, даже равнодушный. Лизи кивнула.

— Звать на помощь бессмысленно, здесь вас никто не услышит. Но если вы попытаетесь поднять крик, то лишитесь языка прежде, чем успеете постареть на десять минут.

Лизи кивнула еще раз, холодея от страха.

Человек с равнодушным голосом аккуратно снял мешок и вынул изо рта пленницы тряпку. В горле пересохло и саднило так сильно, что Лизи закашлялась.

— Дайте попить, — хрипло попросила она.

— Позже вам принесут.

Оба похитителя были одеты в одинаковые черные костюмы и котелки и казались в этих нарядах близнецами. Лизи даже не была уверена, кто из них с ней разговаривал, пока она сидела с мешком на голове. Единственное различие, которым «близнецы»

могли похвастать в ближайшую пару недель, заключалось в огромном синяке, который расцветал под глазом у одного из них. Лизи всей душой надеялась, что этот подарок оставил мерзавцу мастер Пустельга.

Они выбрались из экипажа, причем Лизи пришлось это проделывать без посторонней помощи и со связанными руками. За несколько часов пути руки затекли, но похитители оставили без внимания просьбу развязать их.

Похищенная девушка оказалась во дворе какого-то крупного поместья или замка, но не успела она как следует оглядеться, как была довольно грубо препровождена внутрь. Там ее долго вели по темным коридорам, пока конвоир не остановился около широкой дубовой двери в подвал.

— Придется посидеть внизу, мисс, — спокойно сообщил похититель с синяком, отпирая широкую дубовую дверь.

— Кто вы такие и что вам от меня нужно? — спросила Лизи, которой вовсе не хотелось спускаться в подземелье, не зная, когда доведется выбраться назад.

— Пожалуйста, вниз, мисс.

Понуриив голову, Лизи спустилась в подвал и была заперта в крошечной камере с охапкой соломы в углу. Огарок свечи ей любезно оставил похититель с синяком.

— Руки! — спохватилась Лизи, бросаясь к двери. — Руки развяжите!

Но было поздно, шаги тюремщика затихли вдалеке. Лизи обессиленно опустила на солому и зарыдала.

Вскоре выяснилось, что плакать со связанными руками неудобно. Чтобы вытереть слезы, приходилось, как при умывании, поднимать сразу обе ладони. Кроме того, в результате всех сегодняшних злоключений в корсете сломалась одна из косточек, и теперь при малейшем движении она болезненно впивалась в кожу на груди.

Лизи огляделась в поисках чего-нибудь пригодного для разрезания веревки на запястьях и даже пошарила в грязной соломе,

но тщетно — в камере совершенно ничего не было, за исключением несчастной юной леди и огрызка свечи. Если бы можно было достать косточку из корсета... Стоп! Лизи чуть не вскрикнула. Да ведь есть же свеча! Лучше и придумать нельзя. Вот растяпы!

Девушка осторожно поднесла запястья к горящей свече. Веревка вспыхнула, и через несколько секунд руки пленницы были свободны. Она даже почти не обожглась. Приободренная этой маленькой победой, Лизи тут же принялась изобретать план побега. Поскольку у нее был весьма богатый опыт чтения авантюрных романов, дело за этим не стало.

Перво-наперво нужно было выбраться из камеры и обзавестись оружием. Косточка из корсета? Для начала сойдет. Лизи растянула верхние пуговицы на платье и попыталась достать поломанную деталь туалета. Но вместо обломка китового уса ее пальцы наткнулись на нечто необычное.

Это оказался маленький угловатый предмет, и, достав его, Лизи в первое мгновение недоумевала — откуда он взялся в таком укромном месте? И только воспоминание о схватке в музее расставило все по своим местам. Конечно же, это была фигурка, выпавшая из рук долговязого. Так вот что кололо всю дорогу в корсете!

Лизи поднесла предмет к свече, чтобы разглядеть получше. Фигурка изображала странное и оттого немного пугающее существо. От конического тела с большими глазами отходили с десятков коротких отростков-щупалец, покрытых рядами крошечных присосок. Лизи видела такое существо на рисунке в зоологическом альбоме, но сейчас от волнения не могла вспомнить его название.

Наверное, неприятному господину эта фигурка служила чем-то вроде брелока. Девушка потрогала кончики щупалец пальцем — острые. Но достаточно ли прочные? Ах, какие глупости! Разве она собралась рыть подкоп?!

Элизабет сжала фигурку в кулаке, да так сильно, что, наверное, поранила ладонь. Если бы случилось чудо и она выбралась

отсюда, она больше никогда-никогда не стала бы совершать безрассудных поступков и всегда слушала мудрую тетю. Мысли несчастной пленницы были искренни и наивны, как молитва ребенка. Должно быть, именно поэтому небо услышало их.

В замочной скважине повернулся ключ, и дверь распахнулась. Ворвавшийся сквозняк затушил свечу. Лизи в страхе забилась в угол, не зная, чего ожидать от вошедшего. Это оказался все тот же похититель с синяком. Он принес кувшин с водой и поставил его у двери. Нагибаясь, похититель сильно покачнулся и едва удержал равновесие. Он был пьян.

— Промочите горло, мисс, — сказал похититель. — Когда еще вас освободят.

Сделав это оптимистичное заявление, он вышел из камеры и прикрыл дверь. Лизи слышала, как он чертыхался, возясь с ключами на связке, дважды ронял их и затем ползал по полу. Наконец откуда-то сверху раздался окрик, и незадачливый похититель побрел прочь, так и не замкнув дверь.

Лизи не могла поверить такой удаче. Она еще с минуту неподвижно сидела в своем углу, не сводя глаз с двери и ожидая, что тюремщик вот-вот спохватится и вернется. Когда же этого не произошло, девушка осторожно сунула фигурку назад в корсет, приблизилась к выходу и выглянула в подвальный коридор. Сомнений не оставалось — о ней позабыли.

Подвал был невелик. Лизи увидела еще три двери кроме той, что вела в ее камеру, причем две из них были распахнуты настежь. Лестница наверх начиналась буквально в нескольких шагах, и Лизи, не медля более ни мгновения, устремилась к ней.

— Мисс! — раздался внезапно над ухом громкий шепот.

Лизи застыла, думая, что ее побег раскрыт. Но на лестнице было пусто, только легкие пылинки медленно парили в узком лучике света, поникавшем сюда через плохо затворенную подвальную дверь. Девушка осторожно огляделась. Рядом никого не было.

— Я здесь, мисс! — шепот повторился. — В камере рядом с вами!

Лизи повернулась к единственной запертой двери в подвале. В крохотном смотровом окошке между двумя толстенными стальными прутьями торчал чей-то нос.

— Помогите мне, юная мисс! Заклинаю вас, выпустите, ради всего святого! — с жаром взмолился голос. — Я томлюсь здесь уже бог весть сколько!

Лизи испугалась неведомого арестанта, но, будучи сама недавно в таком же самом положении и обладая от природы сострадательным характером, довольно быстро прониклась к нему сочувствием.

— Кто вы? — спросила она у торчащего носа.

— Несчастный пленник, безвинно заточённый в этом страшном месте! — несколько высокопарно ответил нос, и Лизи не могла не отметить некоторой уклончивости в его словах.

— Как же я смогу вас выручить?

— Ключи! — прошептал пленник. — Он обронил ключи, я слышал. По-моему он напился. Ума не приложу, как он себе такое позволил — дисциплина тут хоть куда и таких элементарных ошибок стража не допускает. Это мой единственный шанс! Умоляю, спасите!

Лизи метнула взгляд на лестницу, посмотрела на запертую дверь и решилась. Она вернулась к своей камере и, несмотря на темноту, в два счета нашарила связку ключей. Еще несколько минут ушло на поиски подходящего к двери. Руки девушки дрожали от волнения, в любую минуту похитители могли вернуться, и тогда о побеге можно забыть. Наконец замок ржаво взвизгнул и дверь открылась.

В тот же миг узник выскользнул из камеры и кинулся к лестнице.

— Скорее за мной! — бросил он, на ходу подхватив ключи.

Лизи поспешила за беглецом, думая только о том, чтобы не свернуть себе в темноте шею. Она замешкалась на лестнице, где несколько раз все же споткнулась, пожалев, что нет свечи. Человек из соседней камеры был уже наверху. Он слегка приоткрыл

дверь и выскользнул с ловкостью хорька, бегущего из курятника. Пospеть за таким было решительно невозможно. Когда Лизи поднялась наверх и выглянула из подвала, он сворачивал за угол. Девушка еще не успела обвыкнуться в амплуа беглянки, поэтому едва не закричала неожиданному спутнику что-нибудь вроде: «Подождите, сэр!» — и лишь в последний момент спохватилась.

Беглец скрылся. Лизи осталась одна. Куда идти дальше, она не знала, но выбор был невелик — вернуться в уже знакомый подвал или искать путь на свободу. Лизи направилась по коридору в ту сторону, где исчез ее несостоявшийся спутник.

За поворотом нашлась дверь наружу, которая к тому же была распахнута настежь. Но не успела Лизи обрадоваться очередной удаче, как прямо у двери остановилась карета. Дверца отворилась, и Лизи увидела того самого высокого господина из музея, которого успела возненавидеть, даже не зная его имени. Вновь прибывший господин направлялся к двери, еще секунда-другая — и он должен был увидеть беглянку в полутьме мрачного коридора.

Лизи отшатнулась и оказалась на лестнице, ведущей наверх. Ей ничего не оставалось, как искать спасения в глубине дома. Лизи стремительно взбежала на второй этаж и огляделась в поисках укрытия. Она слышала шаги Высокого за спиной и поэтому бросилась к первой попавшейся двери. Та оказалась незапертой, и девушка юркнула в комнату.

Это была библиотека. Вдоль стен до самого потолка высились основательные глубокие стеллажи, хранившие в себе многие тысячи томов. Несколько больших столов с зеленым сукном и разложенными книгами свидетельствовали о том, что помещение регулярно используется по назначению. В библиотеке уютно горел камин, словно дожидаясь, когда кто-нибудь присядет к нему почитать в глубоком кресле «Чайльд Гарольда», выкурить трубочку-другую и вздремнуть.

Широкие окна были задернуты тяжелыми шторами, искусно украшенными тесьмой и ниспадающими до самого пола.

К ближайшему окну и бросилась Лизи, опасаясь, что может быть настигнута похитителями и водворена назад в темницу. Она юркнула за штору и затаилась, дрожа от страха.

Как показало дальнейшее развитие событий, лучшего маневра в сложившихся обстоятельствах было не придумать. Стоило девушке устроиться в пыльном закутке, как дверь в библиотеку вновь открылась. В маленькую щелочку меж двух портьер Лизи увидела высокого джентльмена из музея. Он почтительно придержал дверь перед господином весьма преклонных лет в коричневом домашнем костюме и зашел следом за ним.

Старик был хмур. Его густые брови низко нависали над темными глазами, а белые, как снег, бакенбарды гневно топорщились. Лицо Высокого оставалось невозмутимым. Мужчины прошли к камину и расположились в креслах спиной к Лизи.

— То, что произошло, Артур, просто возмутительно! — сказал старик с раздражением. — За эти дни вы допустили столько ошибок, что ложа уже беснуется. Кое-кто требует вашей крови.

— «Кое-кому» придется померить аппетиты! — огрызнулся Высокий.

— Осторожнее! Вы знаете, как шатко ваше положение. По сути, я единственный, кто стоит между вами и вашими недоброжелателями.

— Я ценю это, Великий Мастер! — почтительно ответил Высокий, но в его тоне Лизи уловила нотку досады.

— Вы в который раз вышли за рамки дозволенного, — продолжил старик. — И только я знаю, насколько далеко. Вы нарушили основополагающие принципы нашей организации! Если бы я не знал, как искренне вы преданы Делу, мой мальчик, право, я бы крепко задумался...

— Я действовал во имя интересов Изначального Замысла!

— Вы должны руководствоваться интересами братства. Оставьте Капитулу трактовку Замысла.

Артур промолчал. Но даже стоя за шторой и не видя лица Высокого, Лизи готова была поклясться, что желваки заиграли на его скулах. Старик между тем продолжил:

— Чем закончилась сегодняшняя встреча? Вы изъяли мышь?

— Нет, Мастер.

— Что помешало на этот раз?

— Нелепая случайность...

— Какая случайность могла помешать человеку с каракатицей?

Лизи чуть не подпрыгнула. Каракатица, конечно же! Вот как называется морская тварь, фигурка которой так неожиданно досталась ей в музей. Но о чем эти двое толкуют? Какие-то мыши, каракатицы... Что за вздор?

— Какой-то болван налетел на меня, и я выронил фигурку.

— Вот поэтому, Артур, мы не пользуемся *предметами*. — На слове «предметы» старик сделал ударение. — Они делают нас слабее, внушая ложную уверенность в своих силах и мнимое ощущение всемогущества. Вы читали хроники и могли убедиться в этом сотни раз на чужих примерах. Но все же решили испытать эту истину на себе. Рано или поздно предмет подведет — это знает даже младший послушник, но вы-то должны понимать, что подводит не сама фигурка, а слепая вера в ее могущество.

— Я понимаю это, Мастер...

— Случайность... Нет, вам помешала не случайность, а самоуверенность и гордыня!

— Да, Мастер...

— Итак, вы убедились, что каракатица, заставляя врагов ошибаться и совершать глупые поступки, не боится от ошибок вас самого. Будет вам наукой. Что случилось дальше?

— Люди Стэнли стали теснить нас, но в суматохе его самого подстрелили. А тут еще набежала полиция, и мы были вынуждены отступить.

— Стэнли погиб?

— Видимо, да. Но его тело успели унести, поэтому наверняка сказать не могу.

— Где же теперьмышь?

— Скорее всего, осталась у мальчишки.

— Вы уверены?

Артур задумался.

— Да.

— И как вы намерены ее заполучить теперь?

— Обменяю на девицу.

— На какую еще девицу?

— В музей мальчишка заявился с юной особой, к которой, судя по его поведению, весьма равнодушен. Уходя, мы взяли ее с собой.

— Вы с ума сошли?! Мало вам сражения в центре Лондона, так еще и похищением людей решили заняться?

— Зато теперь он в нашей власти.

Несмотря на всю опасность своего положения, Лизи внутренне возликовала. Мастер Пустельга — а она не сомневалась, что речь шла именно о нем, — ни за что не бросит ее в беде.

— Вы привезли ее сюда, в нашу цитадель?

— Она ничего не видела.

— Это безответственно, Артур! — Старик разгневался не на шутку. — Вы ведете себя как средневековый флибустьер. Разбой, похищение, шантаж... Когда об этом узнает Капитул, вам несдобровать. Молите бога, чтобы они еще не догадались о каракатице. Вы уже вернули ее в хранилище?

В комнате повисло молчание, и чем дольше оно длилось, тем явственнее Лизи ощущала его гнетущую тяжесть.

— Нет, — наконец ответил Артур. — Ее у меня нет.

— А где же она? — не понял Великий Мастер.

— Я не смог найти ее в той суматохе...

— Вы потеряли каракатицу?!! — Судя по тону, старик просто не мог поверить в сказанное. — Это же катастрофа! Вас просто распнут! Даже мое заступничество не поможет. Да что там, я первый проголосую! Эх, Артур...

Старик вскочил с кресла и быстро зашагал перед камином туда-сюда.

— Что вы намерены делать?

— Я оставил людей приглядеть за уборкой в музее. Завтра я вернусь туда и лично обыщу каждый уголок, проверю каждого, кто мог ее найти. К вечеру каракатица будет в хранилище. Обещаю.

«Да ведь они говорят о той фигурке, что лежит у меня в корсете!» — догадалась Лизи.

— Избавьте меня от пустых обещаний. Вам было поручено изъять мышь у этой зарвавшейся марионетки — Стэнли Барбла. А вы вместо этого потеряли каракатицу. Что будет дальше? Признавайтесь, какой предмет еще вы использовали?!

— Оленя, — неохотно признал Артур.

— Час от часу не легче! И часто вы его брали?

— Нет. Я доставал его только в хранилище.

— Своей волей я лишаю вас доступа в хранилище.

— Мастер!..

— Это давно нужно было сделать, еще когда я только заподозрил, что вы берете фигурки в руки. Увы, противиться искушению способны немногие. Мы слишком быстро забыли урок, преподнесенный Узником.

— Я бы ни за что...

— Да, да! Я долго пожил, милый Артур, но еще помню, как это произошло. И что забрал этот предатель, уходя. Не мне вам объяснять, каким ударом это стало для всей организации. До сих пор он беспрепятственно пользуется своей монополией на информацию о предметах и консультирует буквально любого, кто даст себе труд наведаться в Ньюгейт. Любого проходимца вроде Леопольда Бельгийского, но только не английских хранителей! Вот что бывает, когда тот, кому не следует, получает бесконтрольный доступ в хранилище. Что? Вы хотите возразить?

— Я склоняюсь перед вашей мудростью, Великий.

— Оставьте лесть глупцам. Скажите лучше, что известно мальчишке?

— Он был у Узника.

— Понятно, значит, теперь он знает многое. По крайней мере о нас — точно. И ему наверняка уже известны возможности мыши. Если этот мастер Пустельга решит ее приручить, то вам его будет не достать.

— Я уверен, что он не станет прятаться. Как не стал бы его отец.

— Вы все еще убеждены, что он сын Питера и Оливии?

— Убежден, Великий. Он слишком похож на Питера, чтобы это было простым совпадением.

— Он хоть что-нибудь помнит?

— Думаю, что нет. Когда три года назад он появился у нашего антиквара и показал ему сокола, я установил за ним плотную слежку. Наши люди тем временем изучили каждый день его жизни в приюте с шести лет до того момента, как он сбежал. Опросили всех, кто был с ним знаком, — безрезультатно. Он помнит себя только с шести лет, когда жил в трущобах Гибралтара, а как туда попал, даже не представляет. Неизвестно даже, когда у него появился сокол. То есть я предполагаю, что он был с ним с самого начала, но мальчишка догадался никому его не показывать. Я лично разыскал и расспросил моряка, который привез его в метрополию. Старый прохиндей ничего не смог вспомнить — или не захотел.

Лизи, стоя за пыльной шторой, ловила каждое слово, хотя не могла понять и половины того, о чем говорили двое хранителей. Какие-то звери, птицы, каракатицы... Ясно было, что сама она стала разменной фигурой в хитрой игре этого странного ордена против мастера Пустельги. Но ясно также, что эта таинственная каракатица — очень ценная вещь. И хотя Лизи пока не знала, как это поможет мастеру Пустельге, она поклялась себе, что выберется из этой западни, найдет его и расскажет обо всем, что услышала во вражеской библиотеке.

В носу у нее уже давно чесалось от книжной пыли, и юная шпионка, боясь чихнуть, крепко зажала его пальцами. В разговор у камина вновь вернулись резкие нотки, и она заставила себя слушать внимательно, чтобы не пропустить ни слова. В этот момент где-то за стеной слышались тревожные крики, раздался топот множества ног. Дверь в библиотеку внезапно распахнулась, и взволнованный голос сообщил:

— Прошу прощения, господа, но велели доложить. У нас побег!

Лизи не выдержала и чихнула.

ЭПИЛОГ

Тучный старик сидел у маленького камина, наблюдая, как булькает в подвешенном над углями котелке рыбная похлебка. За долгие годы жизни на суше он так и не отвык от простой моряцкой снеди. Много ли надо одинокой развалине — горсть крупы, кусок сардины да щепотка соли. И еще бутылочка портера дождливым вечером. А лучше — две бутылочки.

Да только совесть портером давно уж не усыпить. Поэтому бывший капитан торгового флота Дэвид Рид Морхауз страдал бессонницей.

В первые годы после истории с «Марией Селестой» он почти не вспоминал о странном мальчишке. Разве что иногда, по ночам, всплывал внезапно из глубины души липкий, отвратительный ком стыда и вставал поперек горла... Ведь он даже не попытался найти его близких.

Премию за «Марию Селесту» он получил немалую, что и говорить. Тысячу семьсот фунтов. Сотню отдал Дево, еще тридцать фунтов поделил между матросами. Они и тому были рады. Да мальчишке сотню. Впрочем, о чем это он... Сразу было ясно, что денег этих найденышу не видать. Шельма управляющий наверняка прикарманил их при первом удобном случае.

Остальная сумма, присовокупленная к сбережениям капитана и помещенная в надежный банк, позволила вскоре оставить море. Он открыл лавчонку на Кливленд-стрит и даже подыскал себе покладистую вдовушку. Чего еще надо для счастья старому морскому волку? Оказалось — малый пустяк. Чтобы перестал во снах являться шестилетний мальчишка, стоящий на пороге приюта с фигуркой сокола в кулаке. И впрямь, постепенно спокойная жизнь прогнала их.

Страницы бортового журнала «Марии Селесты» он так и не смог сжечь. Несколько раз специально разводил огонь в камине, да так и не решился. Сделать это — все равно что окончательно вычеркнуть мальчишку из жизни. Будто и не было никогда на свете маленького упрянца с разноцветными глазами. Разобрать расплывшиеся от сырости строчки, написанные к тому же козявым почерком Бриггса, так и не удалось. Попробовал разок другой — без толку. Поэтому капитан спрятал листки подальше, надеясь вернуться к ним на досуге.

Годы шли, капитан овдовел. Одиночество еще никого не делало счастливее. Мучительные сны вернулись. Несколько лет назад капитан не выдержал и пришел в приют, желая раз и навсегда узнать, что стало с мальчишкой. Каково же было его отчаяние, когда выяснилось, что Ричард сбежал всего три недели назад. Сколько же ему тогда было? Пятнадцать? Шестнадцать?

После этого капитан запил. Две недели беспробудного пьянства едва не убили его. Но старый морской волк выкарабкался.

А спустя еще пару лет был странный визит. Вежливый долговязый господин заявился как-то под вечер с бутылочкой хереса и, представившись газетным репортером, попросил рассказать о «Марии Селесте». Уже давно отгремели фанфары по поводу его находки, и широкая публика позабыла о таинственном корабле-призраке. Лишь несколько психов по сю пору придумывали разные небылицы. Поэтому капитану вежливый господин не понравился.

К тому же довольно быстро стало ясно, что корабль его интересует мало, и, зацепившись за случайную фразу о найденном в Гибралтаре мальчишке, он принялся выпытывать подробности. Точно ли в Гибралтаре? Неужто был совсем один? Правда ли, что ничего не помнил? И наконец, осторожно, как бы вскользь, уже на пороге — не видел ли доблестный капитан при мальчике какой-нибудь необычной вещицы. Морхауз сделал вид, что едва вспомнил мальчишку, и ничего не рассказал вежливому гостю, притворившись пьяным.

Но вскоре в его дом снова наведались. Причем в отсутствие хозяина. Хотя следы незваного вторжения были почти незаметны,

наметанный взгляд моряка увидел их сразу. Что искали неведомые воры, осталось неясно, но из дома ничего не пропало. Первым делом старый капитан достал из чехла потертую подозрную трубу, поддел ножом линзу и вытряхнул листки бортового журнала «Марии Селесты». Все было на месте.

С этого дня он вернулся к расшифровке записей Бриггса. Обзавелся набором луп и вечер за вечером буква за буквой разбирал каракули давнего приятеля. Далеко не сразу, но постепенно текст поддался. И от того, что открылось Морхаузу в этих строчках, мурашки побежали по коже.

Несколько дней назад капитан завершил «перевод» трех жалких страничек. За эти годы слабое зрение старика совсем испортилось. Но он не жалел об этой потере, беспокоило капитана другое. Он не знал, что делать теперь с тем страшным и странным знанием, которым обладал. Он чувствовал себя обязанным сообщить найденышу о том, что узнал. Но где найти его? Да и жив ли он вообще?

Соседский мальчишка-трубочист, который не только приглядывал за каминной трубой, но и немного помогал старику по хозяйству, выручая на этом пенни-другой, заметил тревогу соседа.

— Чего печалитесь, мистер Капитан? — спросил он по-взрослому солидно.

Морхауз, у которого не было детей и который на излете одинокой жизни прикипел к этому мальцу, потрепал его по голове.

— Хочу найти одного человека, Томми, да не знаю, как.

— Это же пара пустяков, мистер Капитан! У меня есть знакомый сыщик, он вам в два счета поможет. Знаете, как он ловко все находит! У-у-у! — Мальчишка оттопырил губу.

Капитан улыбнулся.

— Сведешь меня с ним?

— Говорю же, плевое дело. Найдем его имя в справочнике, и дело в шляпе. Я с ним запросто договорюсь.

— Отлично, сынок. А пока сбегай за бутылочкой портера для меня. — Капитан отсчитал ему монет.

Мальчишка быстро принес требуемое и, получив заслуженный пенни, убежал по своим делам — только пятки сверкнули.

Погода испортилась. Солнечный день сменился дождливым вечером. Старик сидел перед камином и ждал, когда сварится похлебка. На коленях у него лежали листки бумаги, исписанные его крупным аккуратным почерком. Он знал содержимое листов наизусть, и все равно перечитывал их вновь и вновь.

«...25 ноября 1872 года. 12 часов дня.

Подошли к острову Санта-Мария — самому восточному в Азорском архипелаге. Стали на рейд в тихой бухте пополнить запасы пресной воды. Отправил на берег Ричардсона. Он вернулся с каким-то англичанином. Мужчина был крайне возбужден и умолял взять на борт его с семьей и грузом. Заявил, что согласен на любые условия. Груз оказался огромным ящиком, и чтобы поднять его на борт, пришлось доставать из трюма лебедку. Что в ящике — неизвестно. Но англичанин клянется, что никакой контрабанды не везет. Предъявил свои документы, сообщил, что согласен плыть в «любую точку мира, где есть английский консул». Удивительные глаза у этого англичанина — один голубой, а другой зеленый...»

В дверь резко постучали. Капитан, кряхтя, выбрался из кресла, бросил на него листки и прикрыл пледом. Он не ждал гостей.

— Кто там?

— Откройте, мистер Морхауз! — позвал детский голос.

— Томми, это ты?

Мальчишка что-то ответил, но за шумом дождя старик не слышал его и отпер дверь. Это был не Томми. Мальчик был чуть выше ростом и заметно светлее Томми.

— Здравствуйте, мистер Морхауз, — вежливо сказал визитер, проскальзывая в прихожую. — Я к вам по делу. Зовите меня Абаддон.

И сверкнул острыми, как у собаки, зубами.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
Глава 1	25
Глава 2	46
Глава 3	72
Глава 4	85
Глава 5	100
Глава 6	120
Глава 7	141
Глава 8	163
Глава 9	186
Глава 10	201
Глава 11	224
Эпилог	238

МАКСИМ ДУБРОВИН

Родился и живет в Донецке. Образование медицинское. Более десяти лет работает врачом психиатром и бросать этого занятия не собирается. С детства был страстным читателем фантастики, а с начала двухтысячных незаметно даже для себя самого, стал еще и писателем. Публиковался в различных профильных журналах и сборниках.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Способность понимать ближнего и особенно «дальнего». Этого очень не хватает в современном мире. Да и мне самому не всегда хватает.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Смелость и способность на решительный поступок.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Доброта. На мой взгляд, это самое-самое важное качество, каким должна обладать женщина.

4. Ваше любимое занятие?

Чтение книг. Причем с большим отрывом от всех других занятий. Книги я читаю только в бумажном виде. Ни компьютерный монитор, ни всевозможные читалки не способны заменить настоящую книгу. Я так и не смог привыкнуть к ним.

5. Ваша главная черта?

Я не могу назвать свою главную черту. Изнутри себя плохо видно. Я очень обыкновенный человек. Увидев меня на улице, вы пройдете мимо, не оглянувшись.

6. Ваша идея о счастье?

В старом фильме были такие слова: «Счастье — это когда тебя понимают». Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что это так.

7. Ваша идея о несчастье?

Жизнь в полном одиночестве.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Цвет однозначно оранжевый. А цветок... Я к цветам отношусь очень спокойно. Но вот что меня всегда поражало, это как цветут... кактусы. Маленькая, колючая, неприглядная фигня вдруг дает большой и красивый цветок. Так что, люблю цветы кактусов.

9. Если не собой, то кем бы вам хотелось быть?

Каким-нибудь австралийским миллиардером.:-)

10. Где бы вам хотелось жить?

В Австралии или Новой Зеландии. Но так, если просто пометать. На самом деле, я очень люблю город, в котором живу, и уезжать не собираюсь. Я плохо представляю себя в другом месте.

11. Ваши любимые писатели?

Таких много. Я люблю Борхеса, Кортасара, Маркеса, вообще латиноамериканских писателей. Люблю советских писателей Домбровского, Искандера. Из современных — Дмитрий Быков, Липскеров. Фантастов очень люблю: Лукьяненко, Олди, Дяченко. Люблю англо-американских фантастов — Брэдбери, Симмонс, Маккаммон, Виндж, Мьевиль, Гейман. Они все у меня любимые, да и еще много других.

12. Ваши любимые поэты?

Тут совсем просто. Я к поэзии отношусь очень осторожно, мало кого люблю. Могу назвать троих. Николай Гумилев, Владимир Маяковский и Дмитрий Быков. Гумилева я полюбил еще в подростковом возрасте, когда у нас его почти не знали и только-только начали издавать. Случайно у нас в доме оказалась книжка, которую случайно приобрели для подарка. Я ее взял

полистать из интереса, а потом устроил скандал — требовал оставить себе. Но мама не могла нарушить обещание, и книга уехала в Киев к дяде, который всегда любил поэзию. А вскоре вышел замечательный четырехтомник Гумилева, который за огромные деньги был мне куплен. До сих пор это мое любимое издание Гумилева.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Люблю импрессионистов — Ренуара особенно. Еще люблю Рубенса. Современное искусство я не понимаю и держусь от него подальше.

Люблю классическую музыку, особенно Шопена. Еще Паганини, скрипичные концерты. Из более новой — классику англо-американского рока.

Современную музыку почти не слушаю.

14. К каким порока вы чувствуете наибольшее снисхождение?

Я никогда не занимался специально изучением перечня пороков, поскольку не отношу себя к верующим людям. Но такой порок как чревоугодие я вовсе не считаю пороком (в пределах разумного, разумеется). Человек должен иногда вкусно и от души поесть, это полезно для психики.;

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Это Остап Бендер и Джеф Питерс. Очень мне нравятся такие благородные и великодушные жулики.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Человек из моей жизни, которого я уважаю безмерно и стараюсь равняться на него — это мой дед. Ему в марте 2012 исполнилось бы сто лет. В честь него я назвал своего сына, который родился за несколько дней до этого юбилея. Мы собрались всей семьей и праздновали день рождения деда, и нам было все равно,

что он умер двадцать пять лет назад. Мы помним и любим его до сих пор.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Может быть, это не очень оригинально, но такой человек для меня моя мама. Я знаю, сколько сил она вложила в нас с сестрой, сколь многим пожертвовала ради нас, и как нелегко ей пришлось в жизни. При этом она осталась честным и смелым человеком с добрым сердцем.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Девочка, которая любила Тома Гордона.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Домашние пельмени, жареная картошка и газированный напиток «Золотистый». К сожалению, последнее я пробовал лет двадцать назад.

20. Ваши любимые имена?

Вадим, Макс.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К политике.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Гитлер. С детства его не люблю.:)

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Усталость.

24. Ваше любимое изречение?

«Шире морды не плюнешь». Это аналог более распространенного «Выше головы не прыгнешь». Я считаю, что человек всегда

должен соразмерять свои силы с реальностью, чтобы никого не подвести. Я стараюсь не давать опрометчивых обещаний, чтобы потом не краснеть.

25. Ваше любимое слово?

Сияющий.

26. Ваше нелюбимое слово?

Оксюморон.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Ни за что. Бессмертия я боюсь гораздо больше чем смерти.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

О, я не верю в эту встречу. Но если такое случится, то я, как вежливый человек, скажу «Здравствуйте».

АВТОР О «СЫЩИКАХ»

Максим, в вашей книге очень точно передан дух старого Лондона. Вы знакомы с Лондоном лично или почерпнули информацию из литературы?

Я никогда сам не был в Лондоне и знаю о нем только из книг. Но мне всегда нравилось очарование этого древнего города, пережившего множество эпох и видевшего больше, чем можно описать в сотне романов. При работе над книгой я перечитал столько всего о Лондоне, что уже практически чувствую себя лондонцем в восьмом поколении.

Так совпало, что в то время когда я начал работу над «Королем воров», мой друг как раз находился в Лондоне. Я позвонил ему и сказал: «Стас, привези мне самую большую карту Лондона, какую найдешь!» И он привез не только карту, но и кучу интересных материалов о Лондоне современном и старинном. Они мне оченьгодились в работе. Карту я разложил на полу и ползал с карандашом, вычерчивая маршруты мастера Пустельги. Потом в интернете нашел карту Викторианского Лондона и все перепроверил. Мне, жителю относительно молодого (по сравнению с Лондоном) города было удивительно, что за сто пятьдесят лет не изменилось практически ничего! Парки остались на своих местах, здания стоят все там же. Даже названия улиц прежние.

Реалии тогдашней жизни я черпал отовсюду. Очень помогла книга Светозара Чернова «Бейкер-стрит и окрестности», вышедшая микроскопическим тиражом много лет назад и купленная

совершенно случайно как будто в предчувствии. Вспомнил одну из лучших фантастических книг о той эпохе — «Врата Аноубиса» Тима Пауэрса. Вернулся к классике — лучшему, на мой взгляд, английскому роману написанному когда бы то ни было — «Посмертные записки Пиквикского клуба» Диккенса. В общем, окунулся в атмосферу насколько мог, даже запретил себе читать литературу, не имеющую отношения к избранной теме, чтобы не «сбить настройку». Надеюсь, не разочаровал и поклонников «Этногенеза», и знатоков викторианской эпохи.

А кто именно был вашим вдохновителем? Может быть какой-то автор или произведения?

Кто мог вдохновить на викторианский детектив с частными сыщиками, как не мистер Шерлок Холмс? Я с детства обожал советский сериал про Холмса и до сих пор считаю его самым лучшим, несмотря на многочисленные попытки, в том числе и англичан, переплюнуть его. Потом прочитал книги. Не все истории о Холмсе воспринимаются нынешним читателем с тем же восторгом, с каким их читали современники автора, но многие до сих пор являются жемчужинами детективного жанра.

В книге упоминается Артур Дойл. А как лично вы оцениваете серию о Шерлоке Холмсе?

Я считаю, что лучшего детективного сериала с тех пор так и не создали. Забавно, что сам автор относился к нему довольно легкомысленно. Он грезил о славе солидного автора исторических романов, каким, скажем, был для англичан Вальтер Скотт, а вышло вот как. Артур Конан Дойл даже хотел поставить точку и убил Шерлока Холмса, но позже был вынужден «воскресить» его под давлением возмущенных читателей и дальновидных издателей.

Одна из легенд, которую вы упоминаете в «Короле воров» — история о загадочной бригадине «Мария Селеста». У вас есть своя собственная версия того, что произошло на корабле?

Безусловно. И рассчитываю с этой версией познакомить читателей во второй книге «Сыщиков». Очень уж там странная история произошла.

А про лондонские катакомбы? В вашей книге описан целый мир подземелья. Вы верите в то, что он мог существовать? Те самые дикие люди, которые никогда не видели дневного света.

А почему вы говорите о подземном мире в прошедшем времени? Он существует и по сю пору, я в этом уверен. Ведь на самом деле лондонские катакомбы это таинственный и малоисследованный мир. И кто там может обитать, одному богу известно. Так что, вполне возможно и Дикие там тоже есть. По крайней мере, в викторианские времена в катакомбах точно жили люди, годами не бывающие на поверхности.

Нам известно, что по профессии вы врач психиатр. Поэтому очень хочется спросить о Джеке Потрошителе. Какой диагноз вы бы ему поставили? Верите ли вы в то, что это был не один человек, а несколько? Правда ли он был хирургом?

Ставить диагноз на основании крайне противоречивых свидетельств и поздних домыслов было бы непрофессионально. Но вероятностью 99% это таки был один человек и относился он к категории лиц, которых нынче принято называть «серийными убийцами». А у большинства из них с головой действительно не порядок. Скорее всего, он имел медицинское образование или изрядный медицинский опыт (допустим, был помощником

врача). Удивительно другое: почему жертвы не звали на помощь? На этот вопрос я и попытался ответить в книге.

А расскажите еще, пожалуйста, как мальчика из физико-математической школы занесло в психиатрию?

О, тут ничего удивительного. Большинство моих родных на много поколений в прошлое были врачами. У нас с сестрой просто не оставалось выбора. Кроме того, я в детстве прочитал интереснейшую книгу — «Великие безумцы» она кажется называлась. Вот оттуда и пошло увлечение психиатрией.

Во время работы над книгой у вас родился малыш, с чем мы вас от души поздравляем! Как вы умудрились совмещать работу, семью и писательский труд? Похоже, тут не обошлось без магического предмета или же у вас есть суперспособности! Поделитесь секретом:)

Работа, семья и книга. Один пункт все же пришлось исключить из уравнения. На работе я взял отпуск, благо, психиатрам полагается дли-и-и-инный отпуск. Поэтому я заканчивал книгу сидя безвылазно в роддоме, а потом дома, под крики малыша. К счастью, мне досталась героическая жена, которая взяла на себя большинство хлопот.

Какого персонажа в «Сыщиках» вы считаете наиболее ярким? Может быть, есть эпизод, который вам самому особенно понравился?

Да, таким эпизодом для меня стало путешествие по подземелью. Он любопытен еще тем, что это единственная тема, которая не была изначально запланирована. Ее вообще не было в плане книги. А вышло вон как. Я вдруг понял, что катакомбы — это же настоящее приключение и дальше все пошло само собой. Так же

случайно появился и мальчик-демон Абаддон. Он вынырнул внезапно из подсознания, и я уже не мог никуда от него деться. Может быть, он и не стал самым ярким героем, но в следующей книге непременно сыграет более заметную роль.

Какая судьба ждет Абаддона Второго?:)

Да, это тоже неожиданный персонаж. Он должен был бесславно погибнуть, но вырвался из моих рук с той же ловкостью и отвагой, как из рук жреца сектантов. Теперь будет жить. По крайней мере, он точно не даст себя сварить в супе.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пražская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пražский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Максим Дубровин

СЫЩИКИ

Книга первая

Король воров

Руководитель проекта Константин Рыков
Редактор Полина Волошина
Корректор Майяна Аркадова
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов
Вёрстка Эрик Брегис
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 04.04.12 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,2 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32